Библейско-богословская коллекция
Серия «БИБЛЕИСТИКА»
Золотой фонд русской библеистики

Епископ
МИХАИЛ (ЛУЗИН)

БИБЛЕЙСКАЯ НАУКА

книга пятая

ПРОРОЧЕСКИЕ КНИГИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

© Сканирование и создание электронного варианта: Кафедра библеистики Московской православной духовной академии (www.bible-mda.ru) и Региональный фонд поддержки православного образования и просвещения «Серафим» (www.seraphim.ru), 2008.

Кафедра библеистики МДА

Фонд «Серафим»

Москва
2008

БИБЛЕЙСКАЯ НАУКА.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПРОРОЧЕСКІЯ КНИГИ
Ветхаго Завѣта.

Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій, автора „Толковаго Евангелія“ и „Толковаго Апостола“,

Епископа Михаила.

Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.
1901.

Пророческія книги В. З.

Епископа Михаила.

Введеніе.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ изученію, въ возможной подробности, книгъ пророческихъ Ветхаго Завѣта, необходимымъ считаемъ рѣшить нѣсколько важныхъ предварительныхъ вопросовъ—о пророчествѣ въ народѣ Еврейскомъ вообще.

I.

Первый вопросъ—что такое Ветхо-Завѣтный Пророкъ, какое было его значеніе и назначеніе?

Въ Библейскихъ книгахъ нѣтъ общихъ, отвлеченныхъ опредѣленій сущности пророческаго служенія, къ какимъ привыкли мы (какъ нѣтъ тамъ и вообще отвлеченныхъ опредѣленій сущности чего-либо), и только изъ частныхъ нѣкоторыхъ указаній на дѣло пророческаго служенія, изъ разсмотрѣнія жизни и дѣятельности лицъ, называемыхъ пророками, и можно составить понятіе о пророчествѣ и пророческомъ служеніи въ народѣ Еврейскомъ.

Значеніе Еврейскаго слова *навй*, которымъ назывались эти лица, и которое переведено по гречески словомъ προφήτης, а у насъ *пророкъ*, опредѣляется прямо изъ словъ Самого Іеговы, сказанныхъ Моисею, гдѣ Іегова Самъ въ первый разъ употребляетъ это слово: „се дахъ тя Бога Фараону, и Ааронъ, братъ твой, будетъ твой пророкъ (навй); ты же возглаголеши ему вся, елика заповѣдаю тебѣ; Ааронъ же братъ твой возглаголетъ къ Фараону....“ и пр. Исх. 7, 1—2. ср. 4, 14—16. *Навй*, поэтому, означаетъ прежде всего, человѣка въ томъ положеніи его, когда онъ передаетъ кому-либо мысли и слова другаго и именно Бога и передаетъ по особенному на то избранію и полномочію Божественному, для чего, разумѣется, сообщаются ему особенныя средства и силы; короче: *навй*

означаетъ человѣка, который возвѣщаетъ Божественную волю и откровенія Бога людямъ. Въ этомъ обширномъ смыслѣ пророками могутъ быть названы всѣ Патріархи, получавшіе откровенія Божіи для сообщенія ихъ людямъ, какъ и дѣйствительно называется такъ, напр., Авраамъ (Быт. 20, 7). Отцы и учители церкви въ этомъ смыслѣ называютъ Пророкомъ даже Адама (Клим. Ал. и Оригенъ), а равно и прочихъ Патріарховъ, получавшихъ Божественныя откровенія и сообщавшихъ ихъ другимъ. Со времени Синайскаго законодательства, которымъ народъ вступалъ въ особенныя отношенія къ Богу своему, и которымъ онъ окончательно организовался въ особый избранный народъ, значеніе слова *наві* и понятіе пророка нѣсколько видоизмѣнилось, какъ можно замѣтить изъ употребленія этого слова въ приложеніи къ лицамъ, исключительно теперь такъ называющимся, и изъ разсмотрѣнія жизни и дѣятельности этихъ лицъ. Не всѣ получавшіе Божественныя откровенія для сообщенія ихъ людямъ, съ этого времени, называются Пророками. Первосвященникамъ, напр., открывалъ Богъ также Свою волю въ извѣстныхъ случаяхъ; Духъ Господень былъ на Судіяхъ; но ни тѣ, ни другіе не называются Пророками, кромѣ Самуила, но это лице особенное. На основаніи особенныхъ чертъ, которые характеризуютъ пророковъ, и по которымъ можно опредѣлять понятіе пророковъ подзаконнаго времени, а равно и изъ разсмотрѣнія ихъ жизни и дѣятельности можно составить прямо такое опредѣленіе пророка подзаконнаго времени, или пророка въ тѣсномъ, опредѣленномъ, нынѣшнемъ смыслѣ слова: Пророкъ былъ чрезвычайный учитель Ветхо-Завѣтной церкви, не правомъ преемства и закона, или особенныхъ естественныхъ дарованій и т. под., но особеннымъ дѣйствіемъ Духа Божія избранный и посвященный въ сію особенную должность, которому Богъ чрезвычайнымъ образомъ открывалъ волю Свою, прикровенную въ законѣ, для сообщенія ея людямъ.

Чтобы полнѣе раскрыть и оправдать это понятіе, указать потребность пророчества въ этомъ смыслѣ и сущность пророческаго служенія, обратимъ вниманіе на отношеніе пророчества въ этомъ смыслѣ къ закону и жречеству, на указанія самого закона на пророческое служеніе, и сдѣлаемъ краткій очеркъ исторіи пророковъ въ народѣ Еврейскомъ.

Въ законѣ Моисеевомъ изображена норма тѣхъ отношеній, какія должны быть между Богомъ-Іеговою и народомъ, съ которымъ Онъ вступилъ въ особенный завѣтъ. Въ тѣсномъ

взаимномъ отношеніи внутренняго и внѣшняго содержанія своего законъ развилъ величественный формализмъ, какъ необходимый покровъ, подъ которымъ чистая, возвышенная истина могла быть доступна пріемлемости народа, стоявшаго еще на низшей степени духовнаго развитія, неспособнаго еще созерцать высокія духовныя истины, въ ихъ духовности и чистотѣ, ибо народъ былъ еще дитя, съ дѣтскимъ міросозерцаніемъ тогдашняго міра, а истина религіозныхъ воззрѣній, сообщаемыхъ ему, была такъ высока и чиста, что ни одинъ изъ языческихъ народовъ, даже позднѣйшихъ, даже на высшей степени образованія, не могъ достигнуть ея. Блюстителемъ и охранителемъ этого законнаго формализма опредѣлено было жречество; его назначеніе было совершать для народа всю обрядовую сторону культа Моисеева, исполнять для народа во всей точности и полнотѣ этотъ формализмъ, а равно наблюдать за непогрѣшительнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ со стороны народа всего этого формализма, всѣхъ законныхъ предписаній. Жречество, значитъ, существенно необходимо было для твердаго стоянія закона и на немъ основанной теократіи: стояніе и паденіе обоихъ стоитъ въ неразрывной связи; вотъ почему важность и обязанности жреческаго служенія опредѣлены съ такою заботливостію и такою подробностію законными предписаніями. Но жречество, говоримъ, по своему прямому назначенію, относилось почти исключительно къ внѣшней сторонѣ закона, къ обрядовой, къ формализму; оно должно было для народа: а) исполнять обряды законные; да оно и само принадлежало къ священной символикѣ культа Моисеева; б) учить закону дѣломъ, то-есть, учить исполнять формальныя предписанія и требованія закона; а собственно учить въ смыслѣ объясненія, раскрытія и дальнѣйшаго развитія внутренняго смыста закона, т. е., выводить чистую истину изъ-подъ покрывала наружнаго формализма, это, кажется, вовсе не входило въ обязанности жречества. По крайней мѣрѣ, таково назначеніе жречества по прямымъ словамъ Самого Бога, неоднократно высказаннымъ (напр. Лев. 10, 10—11) и по заповѣди Моисея (Втор. 31, 9—13). И жречество во всѣ времена теократіи учило закону болѣе дѣломъ, совершеніемъ всего законнаго и наблюденіемъ, чтобы все исполнялось по закону, какъ „повелѣлъ рабъ Божій Моисей“. Но существенная мысль и цѣль закона состояли не во внѣшнемъ только исполненіи законнаго формализма, что не имѣло бы никакого значенія; формализмъ былъ средство

только, внѣшній покровъ; высокая цѣль закона—обрѣзаніе сердца и обновленіе духа, какъ не разъ упоминаетъ объ этомъ самъ Законодатель (Втор. 10, 16 и пр.), святость и богоуподобленіе: *святи будете, якоже Азъ святъ есть Господь Богъ вашъ*—вотъ основная мысль—цѣль закона, къ которой предназначенъ былъ вести человѣка весь формализмъ подзаконный. Понятное дѣло, что одной внѣшней формальностью этого достигнуть нельзя; да ее нельзя и соблюсти, какъ только внѣшнюю, какъ только формализмъ, да законъ этого и не имѣлъ въ виду; нужно усвоить, уяснить и проникнуть въ духъ всей этой формальности,—этотъ оживотворяющій преобразующій духъ, который проникаетъ все многоразличіе этихъ законныхъ формъ, скрываясь подъ ними, и давая имъ смыслъ и силу. Но гдѣ духъ Господень, тамъ *свобода*, тамъ возможность дальнѣйшаго развитія религіознаго сознанія, когда подзаконные не успокоиваются на одной буквѣ и внѣшности, а проникаютъ и объемлютъ постепенно, по возможности, духовную сторону, во внѣшнемъ видятъ внутреннее, въ буквѣ—духъ, въ формѣ—чистую, святую истину. Отсюда—безостановочное, непрерывное развитіе религіознаго сознанія, постепенное усовершенствованіе религіознаго вѣдѣнія человѣка, постепенное воспитаніе его. Закономъ Моисеевымъ только начиналось, даже предначиналось воспитаніе народа, а не оканчивалось; оно должно было постепенно и долго продолжаться раскрытіемъ того животворнаго духа, той чистой истины, которая заключена въ его формѣ, и постепенное познаніе и усвоеніе которой составляетъ религіозно-нравственное воспитаніе народа. Въ этой возвышенной цѣли закона лежитъ основаніе пророчества въ народѣ Еврейскомъ; въ немъ основная идея пророческаго служенія въ этомъ народѣ.—Преимущество завѣтнаго народа предъ всѣми прочими, преимущество закона его въ томъ, что въ немъ духъ живой и животворящій, идея истины, которая можетъ раскрываться свободно, и раскрытіе которой съ постепенною и постоянно возобновляющеюся силою не имѣетъ никакой другой цѣли и ничѣмъ другимъ не сопровождается, кромѣ свободнаго духовно-нравственнаго самоусовершенствованія; и этимъ-то преимуществомъ опредѣляется сущность пророческаго служенія въ народѣ Еврейскомъ, которое, поэтому же самому, мы встрѣчаемъ только у него.

Основная задача пророческаго служенія въ Еврейскомъ народѣ, его значеніе и назначеніе—свободно, на основаніи закона, развивать религіозное сознаніе народа словомъ и уче-

ніемъ, раскрывая, по мѣрѣ воспріемлемости и развитія народа, чистую, высокую истину законную, идею истиннаго отношенія Бога къ міру и человѣчеству, отношенія, смыслъ котораго въ искупленіи человѣка и человѣчества, для возсоединенія ихъ съ Богомъ,—раскрывая смыслъ событій настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ съ точки зрѣнія закона и его основной идеи; однимъ словомъ—основная задача пророчества—свободное религіозное воспитаніе народа по духу и смыслу закона Божественнаго, воспитаніе народа словомъ, раскрытіемъ основной идеи закона, или—что́ тоже—смысла его, соотвѣтственно различнымъ обстоятельствамъ народной жизни, тогда какъ задача жречества была—воспитаніе народа дѣломъ, всегда неизмѣннымъ и одинаковымъ.

Трудно постигнуть причины такого раздѣленія въ воспитаніи народа между жречествомъ и пророчествомъ; казалось бы, жречество, которому ввѣренъ былъ законъ для совершенія всей его формальности, должно было быть и истолкователемъ этого закона въ словѣ, а не только совершителемъ на дѣлѣ. Но великій Законодатель опредѣлилъ иначе. Онъ самъ—первый пророкъ Еврейскій въ показанномъ смыслѣ, образецъ всѣхъ послѣдующихъ пророковъ, ввѣривъ законъ жречеству, по слову Божію, первый установилъ, по слову Божію, пророчество независимо и наряду со жречествомъ, и указалъ на его назначеніе. Вспомнимъ случай, разсказанный въ Книгѣ Числъ (11, 24—30). Народъ роиталъ на Моисея и на Бога; онъ не слушалъ Моисея, какъ пророка, истолкователя воли Божіей народу; въ смущеніи, чувствуя себя не въ силахъ бороться съ этимъ жестоковыйнымъ народомъ, Моисей молитъ Іегову, чтобы Онъ явилъ къ нему милость,—*убилъ бы его убіеніемъ, да не вижу*, говоритъ, *озлобленія моего.* Богъ повелѣваетъ взять ему 70 старцевъ, которыхъ онъ знаетъ, и привести ихъ къ скиніи свидѣнія; какъ скоро это было исполнено, тотчасъ всѣ они стали пророками. Дѣло очевидное, что Моисей избралъ этихъ 70 старцевъ себѣ помощниками, для объясненія народу воли Божіей, независимо отъ жречества, и это—первый сонмъ пророковъ Еврейскихъ. Здѣсь же содержится и довольно прямое указаніе на назначеніе пророческаго служенія: два изъ этихъ старцевъ избранныхъ не пришли къ скиніи, но пророческій духъ объялъ ихъ въ полкѣ; когда одинъ юноша сказалъ объ этомъ Моисею и умолялъ воспретить имъ пророчествовать, Моисей отвѣчалъ ему: „неужели ты завидуешь

имъ? О, если бы всѣ люди Господни (т. е., весь народъ Еврейскій) были пророками! О, еслибы Іегова всѣмъ имъ далъ Духа Своего" (ст. 29)! Вспомнимъ, что это сказалъ Моисей, когда данъ уже былъ законъ, въ полномъ его составѣ, и установлено жречество, и—не трудно будетъ видѣть назначеніе пророческаго служенія при законѣ и при жречествѣ, наряду и независимо отъ сего послѣдняго. „О, если бы весь народъ были пророки," т. е., способенъ былъ понимать и принимать волю Божію, выраженную въ законѣ, тѣ высокія святыя истины, которыя заключены подъ покровомъ всего этого формализма—внѣшности законной, тѣ истинныя идеи, которыя открыты изъ всего древняго міра единственно только этому народу юному, который стоялъ еще самъ по себѣ на степени развитія языческихъ народовъ, оттого душевно, хотя, можетъ быть, безсознательно, склонялся къ ихъ міросозерцанію, не въ силахъ будучи вполнѣ понять и выразумѣть чистоту, духовность и истинность своего! О, если бы весь этотъ народъ были пророки—свободные представители идеи законной! Но весь народъ неспособенъ къ тому, и только избранные, по особенному дѣйствію Божію, способны на то, способны быть пророками, истолкователями чистой истины и воли Божіей народу.

Такъ, говоримъ, пророчество установлено наряду съ жречествомъ, какъ особенное служеніе, котораго основная задача—воспитаніе религіозно-нравственное народа словомъ, откровеннымъ Іеговою, словомъ живымъ и дѣйственнымъ, оживотворяющимъ отношенія народа къ законному формализму, или короче—постепенное раскрытіе высокихъ духовныхъ истинъ, скрытыхъ подъ покрываломъ закона, для приготовленія народа къ достиженію его высокаго назначенія. Жречество было полнымъ выраженіемъ и представителемъ законнаго формализма, буквы внѣшней и—строгости; пророчество—полнымъ выраженіемъ и представителемъ духа, животворящаго этотъ формализмъ и букву,—высокихъ духовныхъ истинъ міросозерцанія, единственныхъ во всей древности, сокрытыхъ на время въ этомъ формализмѣ и буквѣ, представителемъ благодати Ветхо-Завѣтной. Здѣсь то именно и скрывается причина антагонизма между ними, развившагося впослѣдствіи и довольно часто проявлявшагося, и здѣсь же скрывается страшная, громадная сила пророчества, могшаго производить радикальныя, всенародныя реформы, чего никогда не могло сдѣлать жречество (при Самуилѣ, въ плѣну). Такъ, говоримъ, самъ законодатель Моисей, или лучше самъ Іегова чрезъ него, устано-

вилъ пророчество народу съ жречествомъ, какъ особое служеніе, требовавшееся смысломъ и формой закона. Мы привели одинъ фактъ объ этомъ изъ Книги Числъ. Впослѣдствіи еще не разъ говорилъ законодатель о служеніи пророческомъ, какъ особенномъ служеніи, съ особымъ назначеніемъ, ему одному свойственнымъ, и изобразилъ нѣкоторыя частныя черты Еврейскаго пророка, по которымъ можно полнѣе опредѣлить понятіе о немъ, слагая эти частныя черты въ одинъ образъ. Сюда относятся особенно тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о пророкахъ истинныхъ и ложныхъ. Дѣло въ томъ: престарѣлый законодатель съ отеческою скорбію предвидѣлъ опасность уклоненія народа съ пути законнаго, послѣ его смерти. Земля, которую долженъ былъ занять юный народъ Еврейскій, полна была волхвованіями и чародѣйствомъ: могъ ли весь народъ добровольно и единодушно противиться сильному обольщенію, народъ, который по своему естественному міросозерцанію стоялъ ближе къ религіямъ тамошнихъ языческихъ народовъ, избраніе котораго и есть именно изъятіе его изъ этого круговорота лжи тогдашняго міросозерцанія, народъ, который и при жизни Моисея, по этому же самому, такъ много позволялъ себѣ?—Моисей провидѣлъ эту опасность, и законъ его часто предостерегаетъ отъ волшебства и чародѣйства, въ различныхъ ихъ видахъ, господствовавшихъ тогда въ Ханаанѣ и Египтѣ (Исх. 22,17. Втор. 18,10 и др.), и проклинаетъ тѣхъ, которые бы прилѣпились къ нимъ, оставивъ Бога истиннаго: *есть бо мерзость сіе предъ Господомъ Богомъ вашимъ.*

Вмѣстѣ съ подобными запрещеніями и предостереженіями, Моисей въ одномъ мѣстѣ выражаетъ обѣтованіе о возставленіи народу пророка, подобнаго ему, и, изображая сего пророка, въ отличіе отъ пророковъ ложныхъ, указываетъ нѣкоторыя черты истиннаго пророка. Это мѣсто—Второзаконія 18,9—22. Другое, подобное нѣсколько —Втор. 13,1—5. Особенность служенія пророческаго здѣсь такъ очевидна, что о ней не слѣдуетъ и говорить. Обратимъ вниманіе на черты, которыми здѣсь обозначается сущность пророческаго служенія, замѣтивъ предварительно, что если въ первомъ изъ прочитанныхъ мѣстъ именемъ *наві*—пророка означается и несобирательное понятіе, а понятіе объ одномъ извѣстномъ пророкѣ: то это не мѣшаетъ снять съ него черты Ветхо-Завѣтнаго пророка вообще, такъ какъ этотъ пророкъ, о которомъ говорится здѣсь, подобенъ Моисею,—образу всѣхъ Ветхо-Завѣтныхъ пророковъ и самъ есть образъ для нихъ. Изъ этихъ

прочитанныхъ мѣстъ можно видѣть слѣдующія черты Ветхо-Завѣтнаго пророка вообще, пророка истиннаго:

1. Истинный пророкъ долженъ быть исключительно *изъ среды Еврейскаго народа.* Всякое не Еврейское пророчество исключается закономъ, а слѣдственно, и всей дальнѣйшей исторіей Евреевъ; это преимущество только Еврейскаго народа. И дѣйствительно, во всей Еврейской исторіи мы видимъ пророковъ Евреевъ, за исключеніемъ только загадочной личности Валаама, служеніе котораго вызвано особенными обстоятельствами. По этому уже первому закону, сопоставлять Еврейскаго пророка съ такъ называемыми пророками другихъ народовъ и видѣть въ нихъ единство или тождественность принципа—не разумно и не возможно; тѣ устраняются какъ ложные, что̀ видно и изъ всѣхъ другихъ чертъ и проявленій ихъ.

2. Съ этою чертою происхожденія Еврейскаго пророка тѣсно связывается другая черта, относящаяся къ назначенію самого пророка: каждый истинный пророкъ воздвигается *для такой же посреднической* дѣятельности, какъ Моисей, осуществляя ее болѣе или менѣе полно. Не можетъ быть никакого противорѣчія между прежними и позднѣйшими Божественными откровеніями; цѣль всѣхъ откровеній, какъ и самаго закона, одна; слѣдовательно, пророческая дѣятельность въ этомъ отношеніи должна стоять въ тѣсной связи съ Моисеевою, съ закономъ,—въ столь тѣсной, что она должна быть во всѣ времена только продолженіемъ и раскрытіемъ дѣла Моисея, какъ пророка, т. е., раскрытіемъ духа, силы и истины, или единственно истиннаго міросозерцанія закона подъ покровомъ внѣшняго формализма. И дѣйствительно, вся исторія Еврейская показываетъ, что законъ—основоположеніе всей пророческой дѣятельности всѣхъ пророковъ; они были въ этомъ отношеніи въ собственномъ смыслѣ „стражами дома Израилева,“ ограждая законъ, какъ основоположеніе этого дома и истину теократіи—самый домъ, отъ всего вреднаго и чуждаго, очищая, исправляя, совершенствуя и пр. Они только раскрывали шире смыслъ и духъ, т. е., истину закона, свѣтомъ его идей истинныхъ освѣщая внутреннія и внѣшнія событія народныя, настоящія и прошедшія и будущія, указывая проявленія истины и лжи. Отсюда такое строгое единство во всѣхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ пророковъ, единство духа и направленія. Въ самомъ дѣлѣ, неисчислимое разнообразіе пророческихъ рѣчей и дѣйствій, при различныхъ обстоятельствахъ народа, внутреннихъ и внѣшнихъ, дышатъ однимъ и тѣмъ же духомъ, про-

никнуты одними и тѣми же воззрѣніями, направлены къ одной и той же цѣли и неуклонно преслѣдуютъ ее въ продолженіе слишкомъ 1000 лѣтъ, такъ что, при сравненіи съ другими народами того и послѣдующихъ временъ приводятъ въ изумленіе всякаго безпристрастнаго наблюдателя, и исторгаютъ крикъ удивленія даже и у не такъ вѣрующихъ людей.

Во всей всемірной исторіи, говоритъ въ восторгѣ передъ этимъ зрѣлищемъ Бунзенъ, нѣтъ ничего подобнаго этому 1000 лѣтнему духовному развитію—стройному, проникнутому однимъ духомъ, одной идеей, одной истиной (Gott an d. Gesch. 1,141).

3) Истинный пророкъ воздвигается *непосредственно Самимъ Іеговою*. Это—существеннѣйшая черта истиннаго пророка Еврейскаго; это—особенность Еврейскаго пророка, что его призваніе не соединяется необходимо съ какою либо церковною или гражданскою должностію, какъ это обыкновенно въ язычествѣ, гдѣ прорицаніе соединено обыкновенно съ жречествомъ, и опирается на авторитетъ этого жречества. У Евреевъ Самъ Богъ, по Своей волѣ, призываетъ пророка къ пророческому служенію, не ограничиваясь ни званіемъ, ни состояніемъ, ни преемствомъ, ничѣмъ.—Замѣтимъ мимоходомъ, что не поэтому ли, между прочимъ, служеніе пророческое не соединялось съ жречествомъ? Обозрѣвая исторію Евреевъ, мы, съ одной стороны, видимъ дѣйствительно, что никакой человѣческій выборъ, никакія іерархическія или гражданскія преимущества не давали права на избраніе въ пророка; Іегова Себѣ одному предоставилъ власть избирать провозвѣстниковъ Своего слова. Были въ числѣ пророковъ люди и изъ жреческаго колѣна Левіина, незначительные по должности, каковы Еманъ, внукъ Самуиловъ, Асафъ, его родственникъ, Іеремія, сынъ Хелкіи священника и пр., но наряду съ ними является и Елисей, земледѣлецъ, и Амосъ пастухъ и др. Вообще, въ Еврейской исторіи нѣтъ слѣдовъ наслѣдственнаго преемства между пророками, какъ это часто бывало у языческихъ прорицателей, и не соединялось пророчество съ какою—либо должностію такъ, чтобы зависѣло отъ этой послѣдней. Оно стояло въ ряду общественнаго служенія, но въ то же время оставалось выше всѣхъ его постановленій сословныхъ и внѣ всякой зависимости отъ церковной или гражданской власти. Этому такъ и быть надлежало: Божественное, являясь въ мірѣ человѣческомъ, не подчиняется его законамъ; не именемъ земной власти и не именемъ премѣняемаго закона говорили пророки, но именемъ вѣчнаго Бога, слово котораго непреложно. Служители

и представители духа и, слѣдовательно, свободы законной не могли, въ своемъ призваніи, какъ и во всей дѣятельности, быть ограничены формализмомъ закона общественнаго, іерархическаго, сословнаго и др., ничѣмъ, кромѣ этого самого духа закона и свободы или воли Божіей. Потому и на чреду своего служенія должны были исходить только по особенному избранію Его, не смотря на положеніе въ обществѣ. И дѣйствительно, изъ писаній пророковъ видно, что они исходили на дѣло своего служенія только по особенному призванію и избранію свыше, соотвѣтственно времени, обстоятельствамъ, потребностямъ народа и церкви и планамъ верховнаго міроправленія. Это призваніе у нихъ называется обыкновенно *словомъ Іеговы* (Іер. 1,2. 4. Іез. 1,3), какъ и послѣдовавшія затѣмъ откровенія, хотя это слово призванія, конечно, отличается отъ слова откровенія, какъ это увидимъ послѣ. Многіе изъ пророковъ оставили намъ описаніе такого призванія ихъ, напр., Амосъ, Исаія, Іеремія, Самуилъ и пр. Если же нѣкоторые изъ пророковъ и не оставили описанія этого чрезвычайнаго событія, то, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что оно было у всякаго пророка; иначе и представить не возможно. Во всякомъ случаѣ, вся исторія свидѣтельствуетъ, что Іегова Самъ воздвигалъ себѣ пророковъ, и воздвигалъ, кого хотѣлъ, не ограничиваясь условнымъ положеніемъ членовъ Еврейскаго общества.

4) Призвавъ непосредственно къ дѣлу пророческаго служенія пророка, Богъ непосредственно открывалъ ему волю Свою при дальнѣйшемъ прохожденіи пророческаго служенія. Богъ *вдавалъ слово Свое во уста его.* Это также исключительное преимущество Еврейскаго пророка, его особенность. Все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, есть слово и дѣло по повелѣнію Бога, открываемому или нарочито, или какъ непреодолимое требованіе совѣсти. Въ высшей степени странно поэтому видѣть въ нихъ какіе-либо личные расчеты, личныя стремленія, умѣнье пользоваться обстоятельствами и пр. и пр., что такъ проницательно бывало усматривали въ нихъ натуралисты и имъ подобные.

5) По силѣ такого призванія, избранія и откровеній, при особенномъ дѣлѣ служенія Іеговѣ, пророкъ какъ бы занимаетъ у народа мѣсто Іеговы. Когда Богъ *вдаетъ слово Свое во уста его*, онъ говоритъ во имя Божіе, въ силѣ и власти Самого Бога. Возвѣщеніе слова Іеговы было непремѣнною обязанностію и главнымъ призваніемъ пророка Еврейскаго, это видимъ мы

изъ всей исторіи. Въ понятіи народа Божія право говорить отъ лица Іеговы столь же тѣсно соединялось съ именемъ пророка, какъ съ именемъ священника—право священнодѣйствовать, съ именемъ судіи—производить судъ. *Слушайте слово Іеговы, вотъ что говоритъ Богъ,* вотъ обычныя начальныя слова Пророковъ, когда они являются въ качествѣ посланниковъ Божіихъ къ царямъ и народу, и сами цари и народъ спрашивали—есть ли слово отъ Бога (Іер. 37, 17). Это Божественное слово столь же существенно отличало пророка, какъ законъ—священника, благоразуміе—мудреца: „не исчезли еще", говорятъ враги Іереміи, „законъ у священника, совѣтъ у мудреца, и слово у пророка" (Іерем. 18, 18). Отсюда обычныя у священныхъ писателей наименованія пророковъ: „посланникъ" или „вѣстникъ Божій", „человѣкъ Божій", „другъ Божій" и пр. Этотъ глаголъ во имя Бога Іеговы есть отличительный признакъ истиннаго пророка отъ ложнаго, который говоритъ во имя боговъ иныхъ или боговъ чуждихъ, или по своей дерзости.

Таковы черты истиннаго пророка и служенія пророческаго, по указанію самого Законодателя, оправдываемыя или осуществляемыя всего исторіею пророческаго служенія въ народѣ Еврейскомъ. Не собираемъ характеристическихъ чертъ этого предмета изъ другихъ книгъ (мы съ ними еще встрѣтимся), а теперь достаточно и этихъ, чтобы оправдать высказанное нами понятіе о пророкѣ и пророческомъ служеніи въ народѣ Еврейскомъ, и объ отношеніи его къ закону и жречеству.

Указанное нами отношеніе пророчества къ закону условливало и отношеніе его къ народу и ко всей исторіи этого народа. Не выше закона стояло пророчество въ Еврейскомъ народѣ, какъ превратно понимаютъ нѣкоторые отношеніе ихъ, но, такъ сказать, средоточіемъ, сердцемъ закона было оно, полное глубокаго прозрѣнія въ богатое сокровище его глубокихъ истинъ и мудрыхъ постановленій, полное глубокой радости и любви къ полнотѣ его благословеній, воспламененное и постоянно горящее ревностію по исполненію Божественной воли; оно было душой этого величественно-прекраснаго организма—законнаго формализма, душой, движущей обществомъ, управляющимся этимъ закономъ, дающей направленіе всей его жизни, не смотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ силъ этого организма, направляемыхъ чуждыми интересами и грѣховными, не Богопросвѣщенными, стремленіями

(разумѣемъ повременную закоснѣлость жречества, съ его законнымъ формализмомъ, грубо понимаемымъ, обличенія Іереміи, Іезекіиля и др.). Такимъ только образомъ понимаемое, при таковомъ только представленіи о немъ, пророчество могло и должно было быть продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ законной истины: ибо пророчество есть высшее Божественное примѣненіе Божественной воли къ современной исторіи народа. Въ какой бы формѣ оно ни являлось, преобразующимъ ли внѣшнее положеніе народа, какъ, напримѣръ, при Самуилѣ, послѣ Соломона, около плѣна, грозящимъ ли и претящимъ, успокоивающимъ и обѣщающимъ, всегда оно есть исполненіе Божественной непреложной воли, открытой прикровенно въ законѣ, и только полнѣе и шире открываемой и раскрываемой, проведеніе этой воли въ жизнь и исторію народа, такъ что всюду и всегда основоположеніе, зерно пророческой дѣятельности въ законѣ, непоколебимомъ основаніи всей народной теократической жизни, и, слѣдовательно, все пророчество есть только дальнѣйшее и полнѣйшее раскрытіе законной истины, окрѣпшей въ законномъ формализмѣ или культѣ. Этимъ, говоримъ, опредѣлялось отношеніе пророчества и къ народу, при извѣстномъ отношеніи народа къ закону. Въ діаметральной противоположности стоитъ оно къ нарушенію законной истины, въ какой бы формѣ, въ какихъ бы превратныхъ истолкованіяхъ закона оно ни обнаруживалось, и презрители закона всегда боялись и ненавидѣли ихъ; напротивъ, ихъ слова и ихъ дѣйствія находили себѣ живое сочувствіе въ лучшей, вѣрной закону части народа. И для этой, способной понимать силу и духъ закона, части народа пророческое слово во всѣ времена было истинное, древнее, праведное слово, слово какъ бы самого Законодателя, слово Самого Бога, какъ оно дѣйствительно и было. Но при семъ, это пророческое слово никогда не было лишь мертвымъ воспроизведеніемъ, механическимъ повтореніемъ буквы закона; нѣтъ, это было оживленіе его, живое раскрытіе его примѣнительно къ извѣстнымъ временамъ и обстоятельствамъ, и потребностямъ народа, и планамъ верховнаго Міроправителя; измѣнялась форма буквы, но духъ истины единый, вѣчный и живой былъ одинъ и тотъ же.

Такимъ образомъ, на почвѣ древняго, законнаго основоположенія раскрывался постепенно и постоянно для религіознаго познанія и дѣятельности всегда обновляющійся и безконечно, безъ устали раскрывающійся духъ, не стоя въ противорѣчіи съ древнею буквою, расширяя, просвѣщая и совершен-

ствуя осмысленіемъ настоящихъ, прошедшихъ и отчасти будущихъ событій и раскрытіемъ въ возможной ясности духа закона народное религіозное сознаніе. Народъ въ обѣихъ частяхъ своихъ и пророки стоятъ всегда, такимъ образомъ, въ тѣсномъ взаимномъ отношеніи между собою и оба проживаютъ взаимно исторію, въ которой одна сторона бросаетъ значительный свѣтъ на другую: ибо оба стоятъ на одной и той же почвѣ закона Утверждая это на основаніи всей исторіи, неизвращенной фальшивою критикой ея документовъ— священныхъ книгъ, мы отрицаемъ а) то мнѣніе школы, по которому сознаніе пророческое будто всегда идетъ въ разрѣзъ съ сознаніемъ народа, что это-рѣзкія не примиримыя противоположности, на чемъ бы они ни основывались (мнѣніе Евальда, Густ. Баура и ихъ послѣдователей съ разными оттѣнками). Въ этомъ случаѣ, очевидно, нельзя найти пункта соприкосновенія между ними и, слѣдовательно, народъ не понималъ бы пророковъ, а пророки не успѣли бы ничего въ народѣ. Но этого, по исторіи, нѣтъ: пророчество было душой всей жизни этого народа, во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ его жизни, а этого не могло бы быть, при ихъ совершенной противоположности. Противоположность обнаруживается лишь въ извѣстные періоды, когда духъ народа уклоняется отъ духа закона, когда чуждыя теократіи вліянія преобладаютъ. Но эта противоположность потому именно и выступаетъ здѣсь, что корень противоположности одинъ; это—распаденіе единства для единства, а не столкновеніе совершенно различныхъ и противоположныхъ по натурѣ элементовъ. Вмѣстѣ съ этой теоріей отвергаемъ мы б) и другую, совершенно противоположную ей теорію отношенія пророчества къ народному сознанію и потому крайнюю, по которой это отношеніе представляется такъ, что пророчество, въ своемъ совершеннѣйшемъ образѣ и проявленіи, обнимаетъ и выражаетъ всегда только то, что выработало по частямъ, смутно и не ясно, народное сознаніе, т. е., что оно было представителемъ народныхъ инстинктовъ и стремленій (Бауеръ и его единомышленники). Крайность этой теоріи еще болѣе бросается въ глаза. Антагонизмъ пророчества и народныхъ стремленій, по временамъ очень рѣзкій и общій, по этой теоріи, худо объясняется, и по мудренности скорѣе заясняется. Какъ такъ народъ не понимаетъ своихъ инстинктовъ и стремленій въ представителяхъ своихъ и борется съ ними? Какъ такъ эти представители встаютъ по временамъ въ такое обличительное отношеніе къ тѣмъ ин-

стинктамъ и стремленіямъ, которыхъ они служатъ будто бы представителями?—Какъ ни выпутывайтесь изъ этихъ противорѣчій, выйдетъ только софизмъ и не болѣе, именно потому, что ложно представляется отношеніе пророчества къ народу и закону. Даже одинъ тотъ фактъ, что пророки никогда и нигдѣ не ссылаются на народное сознаніе, какъ оправданіе своей рѣчи и дѣятельности, достаточенъ для разоблаченія несостоятельности этой теоріи. Нѣтъ, единственное основаніе пророчества—законъ, въ его духѣ и свободѣ, и въ этомъ отношеніи они стоятъ на одной почвѣ съ народомъ, порабощеннымъ законному формализму, но съ сознаніемъ, что здѣсь—истина, духъ Господень и свобода. При уклоненіи народа—ихъ антогонизмъ, при правильномъ ходѣ—ихъ полнѣйшее единство. Законъ, законъ и законъ—вотъ основное слово пророчества во всѣ времена въ его отношеніи къ народу и только съ этой точки зрѣнія понятна исторія пророчества. Съ этой мыслію мы представимъ краткій очеркъ внѣшней исторіи пророчества въ народѣ Еврейскомъ. Внутреннюю мы изложимъ по частямъ при самомъ разборѣ пророческихъ писаній.

II.

Возбужденіе и усиленную дѣятельность пророческаго духа, справедливо замѣчаетъ Генгстенбергъ, встрѣчаемъ мы въ исторіи Израиля во всѣ важныя для народной жизни времена, когда народъ сталъ болѣе готовъ слушать и внимать пророческому слову. Это возбужденіе и усиленіе неразрывно связаны съ оживотвореніемъ теократическаго духа народа, какъ средство, которымъ пользовался Іегова для воспитанія своего народа.

Законодатель Еврейскаго народа долженъ былъ быть вмѣстѣ и первый въ показанномъ смыслѣ пророкъ Еврейской подзаконной церкви. Давъ законъ, который долженствовалъ быть пѣстуномъ народа, духъ или истина міросозерцанія котораго должны постепенно раскрываться болѣе и болѣе—чрезъ служеніе пророческое, онъ самъ долженъ былъ расчистить поле и дать первое направленіе этому развитію, явить въ себѣ образъ пророка. И онъ дѣйствительно былъ пророкъ, образъ для всѣхъ прочихъ пророковъ; его вдохновенныя пророческія рѣчи къ народу о данномъ чрезъ него Іеговою законѣ—образецъ рѣчей пророческихъ. Само собою разумѣется, что эти рѣчи не могли быть широкимъ объясненіемъ внутренняго смысла закона и вообще развитіемъ дальнѣйшимъ законной истины: законъ только что былъ данъ приспособительно къ

неразвитому еще дѣтскому состоянію духовной жизни народа, и онъ еще не готовъ былъ къ болѣе высокому духовному пониманію закона. Вотъ почему рѣчи Моисея состоятъ исключительно изъ увѣщаній—соблюдать законъ Іеговы, не отступать отъ него, изъ предостереженій, изъ угрозъ въ случаѣ неповиновенія закону и изъ обѣтованій временныхъ благъ покорнымъ и исполняющимъ законъ.

Но такъ не готовъ былъ еще народъ, что и эти простыя вдохновенныя рѣчи не производили иногда должнаго впечатлѣнія на него, онъ не довольно внималъ имъ и не рѣдко повергалъ въ безутѣшную скорбь самого великаго Пророка; ему болѣе были нужны въ это время дѣла, и дѣла великія, чѣмъ слова. Впрочемъ, основанія пророчества, его задача и цѣль, указаны уже были, какъ мы видѣли, Моисеемъ, образомъ пророковъ, и когда приспѣетъ время, этотъ пророческій духъ Моисея воспрянетъ съ силою. . Моисей такое твердое основаніе положилъ ему, которое не могло сокрушиться до исполненія временъ. Во времена самого Моисея дѣйствій другихъ пророковъ не видно, хотя не сомнѣнно, что пророки были, какъ это видно изъ повѣствованія о 70-ти пророчествовавшихъ старцахъ; великая личность Моисея заслоняла собою дѣйствія другихъ пророковъ, такъ что, при его великомъ значеніи, значеніе прочихъ было уже не такъ замѣтно, какъ это бывало и въ послѣдствіи, при Самуилѣ, напр., Давидѣ, Иліи и Іереміи.

Пророческій духъ Моисея, чрезъ возложеніе его рукъ по избранію Божію, сообщенъ былъ въ извѣстной мѣрѣ преемнику его, Навину, и его пророческія рѣчи суть отголоски рѣчей Моисея; но ихъ значеніе и вліяніе было еще менѣе, чѣмъ—рѣчей Моисея, по той же причинѣ.

Послѣ Навина, въ періодъ Судей, слово пророческое, по замѣчанію первой Книги Царствъ (3, 3) было *честно*,—т. е., рѣдко, пророковъ было мало, хотя все-таки они были и должны были быть. И неудивительно, что ихъ было мало; народъ еще мало способенъ былъ понимать слово пророческое, еще не приспѣло время дѣйствовать словомъ много, когда слово даже Моисея часто не имѣло силы; народъ слушался только чудесъ и смирялся только предъ казнями. Что видимъ мы послѣ поселенія Евреевъ въ землѣ обѣтованной? Историкъ этого времени постоянно повторяетъ: и забылъ народъ Бога, отступилъ отъ закона Его, и Богъ отдалъ ихъ въ рабство такому-то царю или такому-то народу. Тогда только израиль снова обращался къ Богу своему, и Богъ избавлялъ его.

Но проходитъ нѣсколько времени, и народъ снова начинаетъ нечествовать, снова забываетъ Бога. Чѣмъ могло быть тогда пророческое слово? Гласомъ въ пустынѣ, мѣдью звѣнящею или кимваломъ бряцающимъ. Народъ былъ еще не достаточно развитъ духовно, чтобы понимать слово Духа и слушаться его; ему нужны были, какъ и при Моисеѣ, чудеса и карательныя дѣйствія: на него можно было дѣйствовать болѣе дѣломъ, чѣмъ словомъ. Вотъ почему слово пророка въ это время было *честно*, т. е. рѣдко.

Новая эпоха пророческаго служенія и пророческой дѣятельности начинается со времени Самуила. Все съ дѣтства показывало въ немъ самомъ великаго, необыкновеннаго дѣятеля—втораго Моисея: и его рожденіе и его необыкновенное призваніе и его необыкновенныя дѣла въ юности; признаки времени предуказывали и потребности народа давали знать и предвидѣть появленіе великой личности, и въ лицѣ Самуила дѣйствительно явился необыкновенный человѣкъ и великій продолжатель дѣла Моисея, какъ пророка. Величіе этой личности, когда смотрѣли на нее по отношенію къ развитію Ветхо-Завѣтнаго пророчества, привело даже нѣкоторыхъ къ мысли, что Самуилъ—первый основатель пророческаго служенія въ народѣ Еврейскомъ. Не считаемъ нужнымъ говорить противъ этого мнѣнія; такъ очевидна его несостоятельность изъ разсмотрѣнія проявленій пророчества при Моисеѣ и въ послѣдующее время и изъ разсмотрѣнія основоположеній пророчества въ законѣ и взаимнаго отношенія жречества и пророчества, потому что основаніе его—въ законѣ, и Самуилъ дѣйствовалъ на основаніи этого Богодарованнаго закона и только продолжалъ дѣло Моисея въ этомъ отношеніи; со временъ его мы видимъ, только усилилась пророческая дѣятельность, не сильно проявлявшаяся до его временъ, по высказаннымъ обстоятельствамъ. Религіозно-нравственное и политическое состояніе и потребности народа Еврейскаго временъ Самуила именно требовали такого возбужденія и усиленія и развитія пророческой дѣятельности и вполнѣ объясняютъ необходимость этого явленія, а равно его характеръ и видоизмѣненія.

Время около появленія Самуила было временемъ перехода Еврейскаго народа съ одной ступени исторической жизни и развитія на другую. И это-то переходное время, а равно характеръ новой эпохи народной жизни, необходимо требовали усиленія пророческой дѣятельности, которая съ тѣхъ поръ, измѣняя свое направленіе, вообще не ослабѣвала до тѣхъ поръ,

пока народъ не ступилъ еще на новую ступень политической и религіозно-нравственной жизни, именно до времени самаго возвращенія Евреевъ изъ плѣна.

1) Мы сказали, что въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа, по характеру самаго народа, жестоковыйнаго, какъ называли его Моисей и Навинъ, склоннаго къ языческимъ культамъ болѣе сроднымъ ему по его естественному развитію, и трудно понимавшаго высокія истины закона, во времена Судей были нужны болѣе дѣла и—дѣла разительныя чѣмъ слово убѣжденія; народъ слушался казней, но не слова; прошла казнь, миновалось бѣдствіе, и народъ снова отступалъ отъ Іеговы. Послѣ Моисея, въ продолженіе этого 200 лѣтняго періода Судей, народъ, кажется, не то, чтобы одичалъ, но довольно упалъ нравственно и не способенъ былъ слушать слово, смиряясь лишь предъ дѣломъ, особенно въ срединѣ этого періода. Но это привлеченіе народа къ Богу и закону Его наказаніями, это воспитаніе народа бѣдствіями не могло, да и не должно было оставаться постояннымъ и единственнымъ средствомъ къ достиженію цѣли воспитанія; казнь, какъ внѣшняя сила, можетъ дѣйствовать только внѣшнимъ образомъ, на внѣшняго человѣка, можетъ внушать страхъ, въ которомъ нѣтъ любви, составляющей основаніе закона, она можетъ подавить на время преступленіе, но не искоренить его, а потому она имѣетъ значеніе временное, какъ средство необходимое, впрочемъ, когда нѣтъ еще возможности замѣнить ее другимъ, болѣе сильнымъ и духовнымъ, словомъ убѣжденія и раскрытія высшихъ идей, когда народъ еще не способенъ развиваться этимъ духовнымъ средствомъ. Оно—средство необходимое, какъ приготовленіе народа къ воспитанію этимъ послѣднимъ средствомъ, но потому-то самому оно—средство временное. Бѣдствія общенародная пробуждаютъ мало по малу духовныя силы народа, возбуждаютъ духовныя его потребности, заставляютъ его вникнуть глубже въ свое положеніе, обозрѣться и узнавать, что въ немъ есть и что ему нужно. Но какъ скоро средствомъ достигнута цѣль, оно становится не нужнымъ, дальнѣйшей цѣли нужно достигать новыми средствами; какъ скоро бѣдствія мало-по малу пробудили духовныя силы и потребности народа, они мало по малу должны оканчиваться и уступать мѣсто другому средству къ цѣли, оставаясь сами уже средствомъ второстепеннымъ побочнымъ. Такимъ необходимымъ, но временнымъ, средствомъ народнаго воспитанія, въ періодъ Судей, были почти

постоянныя общенародныя порабощенія. По мѣрѣ времени, въ училищѣ этихъ бѣдствій должны были болѣе и болѣе пробуждаться силы народнаго духа, развиваться и крѣпнуть; и дѣйствительно, изъ исторіи Судей мы видимъ, что обращеніе народа къ Іеговѣ становилось постепенно искреннѣе, и, такъ сказать, сознательнѣе, хотя еще все-таки грубо и плотяно. Чтобы довершить это постепенное развитіе сознательности, нужно было, наконецъ, самое сильное общенародное бѣдствіе, которое бы окончательно потрясло народъ и пробудило его; такимъ бѣдствіемъ было плѣненіе ковчега завѣта при Иліи; это было самое тяжкое бѣдствіе: ибо безъ кивота завѣта народъ Еврейскій переставалъ быть народомъ Іеговы. Тогда-то настало время—дѣло и казнь замѣнить словомъ убѣжденія, хотя, конечно, нельзя было совершенно оставить и первое; или сказать точнѣе—настало время въ число средствъ народнаго воспитанія ввести слово пророческое и дать ему особенное, важное мѣсто; тогда-то явился великій пророкъ Самуилъ, который сильнымъ словомъ судилъ Израиля и слова котораго, за исключеніемъ одного случая, всегда имѣли сильное, рѣшительное дѣйствіе на народъ; тогда-то открылось обширное поле для дѣятельности пророковъ словомъ убѣжденія, которое теперь не могло уже оставаться безъ пользы, такъ какъ бѣдствія развили воспріемлемость народа къ слову. Съ этихъ поръ пророческая дѣятельность, какъ средство воспитанія, не должна была прекращаться, до времени полнаго своего развитія, но, несмотря на препятствія,—все болѣе и болѣе развиваться и приносить плодъ свой, и съ этихъ поръ дѣйствительно пророческое слово не умолкало до извѣстнаго времени, и стало дѣйственно въ народѣ Еврейскомъ, такъ что пророки часто даютъ цѣлое направленіе извѣстному періоду времени; имъ внимаютъ не только народъ, но и цари, хотя и не всегда это случалось, особенно въ позднѣйшее время.

Далѣе – 2) съ постепеннымъ развитіемъ духовныхъ силъ народа, въ немъ постепенно выработывалась, въ продолженіе періода Судей, идея царства, съ осуществленіемъ которой онъ собственно и всталъ на новую ступень своей жизни; народъ думалъ перемѣнить форму правленія, поставивъ себѣ вмѣсто Судей царей. Эту мысль народъ выражалъ еще во времена Судей, но тогда еще она не созрѣла и—не могла осуществиться (предложеніе царства Гедеону) Послѣднее бѣдствіе, кажется, окончательно утвердило его въ этой мысли. Послѣд-

нее средство противъ народныхъ порабощеній иноземцамъ—предоставленіе высшей гражданской власти главному жрецу—Первосвященнику, оказалось не дѣйствительнымъ: Илій оказался не на своемъ мѣстѣ; нуженъ былъ вождь войска,—Илій имъ не былъ и не могъ быть, нуженъ былъ сильный гражданскій правитель,—первосвященникъ имъ не могъ быть, его положеніе въ теократіи, опредѣленное закономъ, было иное. И вотъ—никогда еще прежде позоръ и униженіе Израиля не доходили до той степени, какъ при Первосвященникѣ—Судіи. Твердой рукой Левитъ и пророкъ Самуилъ началъ править довѣрявшимъ ему народомъ, снялъ поношеніе съ Израиля и успокоилъ народъ; но подъ старость съ нимъ случилось тоже, что съ Иліемъ, его дѣти оказались совсѣмъ неспособными замѣнить его. Въ народѣ съ новой силой проснулась мысль о царѣ; неблагоразумное управленіе дѣтей Самуиловыхъ было поводомъ къ осуществленію этой мысли. Дѣло, очевидно, было важнѣйшее въ жизни теократическаго народа. Самуилъ сначала воспротивился осуществленію этого желанія, какъ еще преждевременнаго, какъ это и оправдалось на первомъ же несчастномъ царѣ; но народъ упорствовалъ; во всемъ другомъ онъ слушался его безпрекословно, но на этомъ настаивалъ, и Самуилъ поставилъ ему царя. Дѣло это, говоримъ, важнѣйшее и по отношенію къ дальнѣйшей жизни народа, и по тому, какъ совершилось оно. Важность этого событія выразилъ Самъ Богъ, сказавъ, что своимъ требованіемъ народъ выражаетъ желаніе, чтобы Онъ самъ не царствовалъ надъ ними; народъ, значитъ, вступалъ въ новую эпоху жизни.

Главное различіе новой формы правленія отъ прежней—то, что она, во избѣжаніе многоразличныхъ бѣдствій народныхъ и по плану Верховнаго міроправленія, имѣвшаго возставить Всемірнаго Царя изъ царскаго рода Давидова, должна была быть наслѣдственная, и представительная, какъ это дѣйствительно и было. Прежде Самъ Богъ непосредственно воздвигалъ мужей для суда надъ народомъ, когда онъ обращался къ нему, мужей по сердцу Своему, которымъ и давалъ Духа Своего; значитъ, Самъ непосредственно царствовалъ надъ народомъ; теперь должно было быть иначе: избираемъ былъ царь—непосредственный представитель и полновластный правитель народа на всю его жизнь, и притомъ престолъ долженъ былъ быть преемственный. Тогда Богъ воздвигалъ человѣка для правленія, какой былъ нуженъ Ему, не стѣсняясь ничѣмъ; здѣсь этого быть не могло, а могли быть цари и не

по сердцу Его, которые могли уклоняться отъ закона Его и властвовать самовольно, въ похотѣхъ сердца своего, какъ это и видимъ въ исторіи царей. Опасность въ этомъ случаѣ для народа, особенно не твердаго въ законѣ Іеговы, была очевидна: народъ, руководимый и управляемый нечестивымъ царемъ. могъ очень далеко уклониться съ пути Іеговы, какъ это оказалось впослѣдствіи. Вслѣдствіе сего требовалась крѣпкая охрана противъ злоупотребленія царской власти, каковою не могъ быть законъ, а равно и жречество, какъ это оказалось впослѣдствіи; нужна была постоянная, живая, сильная божественнымъ авторитетомъ, охрана, нужно властное, живое слово, нужны были пророки вѣстники живаго слова Іеговы. Притомъ, Іегова не могъ оставить Свой народъ безъ непосредственнаго руководительства. Но какъ же было руководить его въ томъ случаѣ, когда представители народа—цари не могли быть посредниками при этомъ руководительствѣ? Нужно было избирать другихъ людей для сообщенія имъ откровеній; нужны были пророки, какъ посредники, въ дѣлѣ теократіи, между Богомъ, царемъ и народомъ. Ивотъ мы видимъ, что съ царствомъ Еврейскимъ неразрывно и непрерывно соединена дѣятельность пророческая.

Съ другой стороны, самый фактъ избранія царя показалъ, какъ можетъ быть неистово настойчивъ народъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и какъ онъ далеко можетъ зайти въ своей настойчивости. Нужна была сила для ограниченія возможнаго своеволія народа, сила постоянно живая и дѣйственная, которая могла бы удержать по возможности его бурные порывы, и-по возможности, не вызывая казней и общественныхъ бѣдствій, дѣйствовать на него словомъ убѣжденія; нужны были постоянные стражи съ авторитетомъ Божественнымъ, которые бы ограничивали развитіе народнаго своеволія и направили стремленія народа къ ихъ истинной цѣли. направляли бы по истинному пути вообще его жизнь внутреннюю. Это не было обязанностію жречества, это было дѣло царя. а главнымъ образомъ пророковъ, когда цари были не надежны. И во всей послѣдующей исторіи Израиля мы видимъ пророковъ на стражѣ развитія народныхъ стремленій, соотвѣтственно различнымъ времэнамъ и обстоятельствамъ. Зорко слѣдятъ они за народомъ съ точки зрѣнія закона, замѣчаютъ всякія склонности и стремленія его, цѣнятъ всякія проявленія народной жизни.

Далѣе—3) съ развитіемъ въ сознаніи народа идеи царства неразрывно соединена идея царства Мессіи, къ осуществленію которой долженъ былъ предуготовиться народъ. Съ осуществленіемъ этой идеи земнаго царства въ народѣ, когда поставлены были цари, предстояла полная возможность раскрыть шире идею царства Мессіи, не опасаясь непониманія ея народомъ; образъ и образы были готовы теперь въ самой теократіи, и народъ былъ уже опытнѣе въ пониманіи высокихъ идей закона; между тѣмъ эта идея царства Мессіи внутренно составляла основной пунктъ всего закона, средоточіе всей жизни народа Еврейскаго; значитъ, съ раскрытіемъ ея, разумѣется, постепеннымъ, должно было раскрывать внутренній смыслъ, значеніе и цѣль самаго основнаго пункта закона, и тѣмъ уяснять вполнѣ цѣль народа въ его дальнѣйшей судьбѣ, раскрывать всѣ черты будущаго царства Мессіи, его лица, его значенія въ человѣчествѣ, свойствъ Его царства или церкви и пр. и пр. Ко всему этому народъ еще не готовъ былъ въ періодъ Судей, онъ былъ еще, какъ постоянно называлъ его Моисей, жестоковыенъ и чувственъ для того, чтобы понимать эти великія идеи; да и не было доступныхъ для него въ самой теократіи образовъ для раскрытія этой идеи. Образъ величайшаго пророка народъ имѣлъ въ Моисеѣ, и самъ Моисей, въ своемъ образѣ, указалъ прямо на Мессію, какъ на пророка; образа теократическаго царя еще не было. Теперь же, во все послѣдующее время возможно было раскрытіе Мессіанской идеи, и мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, особенно со временъ Давида, идеала теократическаго царя, раскрытіе этой идеи было постояннымъ почти дѣломъ пророковъ, которыхъ нуженъ былъ непрерывный рядъ теперь, чтобы соотвѣтственно извѣстнымъ временамъ и обстоятельствамъ, такъ или иначе, просвѣтлять и укрѣплять, расширять сознаніе народное въ этомъ отношеніи.

Наконецъ—4) мы видѣли, что на основаніи закона Моисеева, по духу и смыслу его постановленій, пророчество должно было идти объ руку съ жречествомъ; оба они равно необходимы для поддержанія и развитія идей теократіи, одно для этого величественнаго формализма, другое для одухотворенія, такъ сказать, его, для указанія, развитія и проведенія въ жизнь животворнаго духа, заключеннаго въ немъ. При оскудѣніи, по высказаннымъ причинамъ, пророчества въ періодъ Судей, жречество, безъ поддержки его, постепенно упадало, его духъ и сила оскудѣвали; нравственность жреческая

къ концу періода Судей, особенно въ домѣ Илія, живое тому свидѣтельство; явились непостижимыя въ теократическомъ обществѣ злоупотребленія должностію жреческою. Но замѣтимъ, что съ такимъ ослабленіемъ жречества должно было колебаться даже внѣшнее стояніе теократіи, весь его формализмъ Необходимы были для Еврейскаго общества послѣ Илія, въ которомъ ясно обнаружился упадокъ жречества, съ одной стороны, противодѣйствіе такому его направленію, ограниченіе его своеволія, съ другой—поддержка ему въ стремленіи къ осуществленію его назначенія, нужны были пророки. Вѣкъ Самуила, вѣкъ этого переходнаго состоянія Евреевъ, былъ и долженъ быть началомъ такого ограниченія жречества пророчествомъ, ограниченія, которое для дальнѣйшаго развитія теократіи не должно было прекращаться до извѣстнаго времени, и мы дѣйствительно видимъ, что съ тѣхъ поръ пророчество или идетъ рука объ руку съ жречествомъ, или встаетъ въ оппозицію ему для ограниченія его. Но эта потребность обнаружилась настоятельнымъ образомъ только въ вѣкъ Самуила, послѣ Илія.

Такимъ образомъ, религіозно-нравственное и политическое состояніе народа временъ Самуила необходимо вызывало постоянную и болѣе или менѣе усиленную дѣятельность пророковъ, которая, измѣняя по временамъ свое направленіе, дѣйствительно, не оскудѣвала съ тѣхъ поръ до извѣстнаго времени, но постоянно развивалась все болѣе и болѣе.

Само собою разумѣется, что Самуилъ, главный дѣятель въ началѣ этого важнаго для жизни Еврейскаго народа времени, долженъ былъ явить въ себѣ истинный образъ пророка, и онъ дѣйствительно былъ таковымъ: онъ второй основатель Еврейскаго пророчества, почему еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, по характеру своей дѣятельности, онъ поставляется на ряду съ Моисеемъ (Іер. 15, 1) Сообразно обстоятельствамъ времени, ему нужно было, главнымъ образомъ и прежде всего, устроить внѣшнюю жизнь своего народа, по закону Моисееву, ввести въ жизнь его постановленія; отсюда характеръ его, какъ пророка, по преимуществу практическій, и, такъ сказать, административный; его дѣятельность вращалась болѣе въ кругу внѣшнихъ предписаній закона, въ кругу внѣшняго устроенія жизни народа по закону. Послѣ того, какъ подобно Моисею, онъ призванъ на великое служеніе народу, онъ является въ духѣ и силѣ какъ органъ откровенія Божества, съ безусловнымъ во всѣхъ отношеніяхъ авторитетомъ, и своею

дѣятельностію обнимаетъ не только область пророческой дѣятельности, но и жреческой и судейской, являя тѣмъ отношеніе къ нимъ пророчества: онъ, какъ пророкъ, объясняетъ народу волю Божію, выраженную въ законѣ, соотвѣтственно современнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ народа и теократіи; онъ присутствуетъ какъ главный при жертвоприношеніяхъ; онъ обтекаетъ землю Еврейскую, собираетъ народъ въ Веѳилѣ, Галгалахъ, Рамѣ и пр. и судитъ ему. Онъ поставляетъ царя; но въ тоже время поразительно показываетъ отношеніе къ нему пророчества: какъ органъ откровенія Божества, онъ властвуетъ надъ царемъ, несовершеннымъ въ смыслѣ истинной теократіи, такъ что царь его волею и силою отвергается, какъ скоро въ своихъ распоряженіяхъ противится ему, высказывая своевольство, не согласное съ теократіею. Вообще, онъ является вдохновеннымъ посредникомъ между Богомъ, царемъ, народомъ и жречествомъ, въ ихъ отношеніяхъ законныхъ. Съ нимъ вмѣстѣ являются цѣлые сонмы пророковъ, извѣстные подъ именемъ „сыновъ пророческихъ“, которыми руководствовалъ Самуилъ,- въ Гаваонѣ, Рамѣ, Веѳилѣ, Іерихонѣ и Галгалахъ. Такъ сильно вдругъ возбужденъ былъ пророческій духъ, когда приспѣло время его дѣятельности, и -неудивительно, говоримъ, что пророческая дѣятельность должна была усиленно открыться цѣлыми сонмами: ибо тогда совершался великій переворотъ въ жизни народной,—пробужденіе новой жизни, при чемъ, для направленія ея, нужна была одновременная усиленная дѣятельность многихъ, какъ это всегда бывало и бываетъ во время великихъ народныхъ переворотовъ. Потому и Самуилъ является окруженнымъ пророками, мужами, которые проникнуты его духомъ и которые теперь, какъ вѣрные помощники, совокупно съ нимъ, какъ ихъ настоятелемъ, по выраженію 1 й книги Царствъ, дѣйствуютъ въ великомъ переворотѣ народной жизни. Такая усиленная дѣятельность пророческая продолжалась до самаго времени окончанія этого переворота, т. е., до времени утвержденія на престолѣ Давида.

Когда въ лицѣ Давида Самуилъ поставилъ народу царя по сердцу Божію, уже не столь настоятельно нужна была усиленная дѣятельность и надзоръ пророковъ; въ немъ и при немъ осуществилась вполнѣ идея царя и царства теократическаго, и пророческій духъ въ немъ соединялся съ высшимъ царскимъ достоинствомъ; онъ былъ теократическій царь, которому часто Богъ непосредственно открывалъ волю Свою, кото-

рая и приводилась въ исполненіе подданными его, по власти царской, съ авторитетомъ пророческимъ, Божественнымъ. Усиленная пророческая дѣятельность при немъ ослабляется; пророческихъ обществъ, гдѣ бы въ большомъ числѣ соединялись пророки, при немъ нѣтъ, но нѣсколько великихъ пророковъ видимъ мы около царя, бодрствующихъ, наблюдающихъ и предохраняющихъ, чтобы и такой царь, какъ Давидъ, въ недобрый часъ не отступалъ отъ закона Іеговы, вразумляя его въ надобныхъ случаяхъ. Таковы были пророки въ особенности Гадъ и Наѳанъ, о коихъ упоминаетъ исторія. Въ особенности этотъ послѣдній является съ авторитетомъ пророка въ духѣ Самуила, и—могущественный царь всегда слушаетъ его наставленія, вразумленія и совѣты съ покорностію, а во дни своей старости, въ послѣдній годъ своего правленія становится подъ его полное руководство. Во время смутной исторіи воцаренія Соломона очень характеристически выразилось отношеніе пророчества къ жречеству въ лицѣ Садока и того же Наѳана съ Самуиловымъ духомъ: пророкъ не входитъ въ строго опредѣленныя при Давидѣ жреческія обязанности; первосвященникъ совершаетъ помазаніе, а пророкъ Наѳанъ наблюдаетъ надъ дѣятельностію жреца, показывая какъ бы симъ, что пророкамъ во времена лучшаго состоянія теократическаго царства, какъ органамъ Іеговы, собственно Царя Израильскаго, принадлежало верховное наблюденіе надъ цѣлой жизнью Израильскаго народа, надъ дѣятельностію царскою и первосвященническою, тѣмъ болѣе надъ народомъ. И въ первыя времена царствованія Соломона, когда онъ ходилъ еще въ путѣхъ отца своего, не видно сильной дѣятельности пророческой: царь былъ, какъ Давидъ, самъ органомъ откровеній Божественныхъ. Но когда, подъ конецъ своего правленія, онъ уклонялся отъ Бога своего вослѣдъ боговъ чужихъ, во имя своего деспотизма Восточнаго, каковой наслѣдовалъ отъ него и сынъ его Ровоамъ, снова являются пророки. Ахія изъ Силома высказываетъ опредѣленіе Божіе о раздѣленіи царствъ, и—съ исполненіемъ этого опредѣленія, наступаетъ новый періодъ пророческой дѣятельности, такъ какъ событіе имѣло величайшее вліяніе на дальнѣйшее развитіе народной жизни.

Что касается до внутренняго развитія самого пророчества, во все это время, т. е. что оно развивало въ сознаніи народномъ изъ закона и Мессіанской идеи, на какую ступень возвело оно это сознаніе· то ступень эта опредѣлялась самымъ

ходомъ событій; въ началѣ—до Давида оно должно было заняться лишь внѣшнимъ устроеніемъ жизни народной, введеніемъ закона въ жизнь народную безъ дальнѣйшаго развитія его идеи; но съ утвержденіемъ царства, при устройствѣ внѣшней жизни, пророчество развивало въ народѣ идею царства Мессіи, въ возможной полнотѣ и въ доступномъ образѣ земнаго царства; счастливое состояніе царства Израильскаго при Давидѣ было образомъ для раскрытія свѣтлыхъ сторонъ царства Мессіи, его блеска, его славы, его богатства, его мира и тишины, а равно его вѣчности въ колѣнѣ Давидовомъ; это выразилось въ рѣчахъ Наѳана къ Давиду, въ обѣтованіяхъ Соломону и—особенно—во вдохновенныхъ пѣсняхъ самихъ Давида и Соломона; съ другими пѣснопѣвцами того времени, впрочемъ, эти изображенія состояли еще большею частію въ общихъ чертахъ; частныя нѣкоторыя черты были прикрыты еще символами; вообще же, пророчество раскрылось полно, сильно и привлекательно. Не знаемъ, все ли, что содержится объ этомъ въ книгахъ Давида и Соломона, понимало Еврейское общество ихъ времени; но нѣтъ сомнѣнія, что эти книги развили въ сознаніи народа многое, чего прежде не было.

Раздѣленіе одного теократическаго Еврейскаго царства на два было событіемъ важнѣйшимъ для народа, по вліянію его на дальнѣйшую жизнь народную вообще и въ частности на пророчество.—Извѣстно, что значитъ раздѣленіе одного царства на два въ жизни каждаго народа, съ коимъ случалось это,—какое это великое бѣдствіе для органическаго полнаго развитія народныхъ силъ. Конечно, оно не было бы такъ гибельно въ теократическомъ царствѣ, если бы оба народа не уклонялись отъ закона Іеговы, одного. Но случилось не такъ. Пророкъ Ахія, изрекшій опредѣленіе Божіе объ отнятіи большей части царства Еврейскаго отъ наслѣдниковъ Соломона, содѣйствовалъ Іеровоаму, новому царю надъ отдѣлившимся царствомъ, къ достиженію и укрѣпленію царской власти. Но вскорѣ долженъ былъ перемѣнить свои отношенія къ новому царю,—какъ Самуилъ перемѣнилъ свои прежнія отношенія къ Саулу.—Извѣстно, что Іеровоамъ сдѣлалъ еще больше зла для народа, чѣмъ Саулъ; онъ ввелъ, вслѣдствіе политическихъ цѣлей, въ свое новое царство отчужденіе отъ чистой, истинной религіи, и Ахія не могъ не противодѣйствовать этому, хотя и не извѣстно, какія слѣдствія были этого противодѣйствія.—Между тѣмъ, съ отстраненіемъ но-

ваго царства отъ чистаго культа Іеговы, необходимо рушилась связь между обоими царствами, и—политикою Іеровоама были, такимъ образомъ, разрушаемы старанія пророковъ, начиная съ Самуила, основать и созидать Еврейское общество на чистой религіи Іеговы. Очевидно теперь, прежде всего, нужно было подумать о возсоединеніи отпадшаго царства съ оставшимся, въ отношеніи къ религіи, и вотъ, царство Ефремово или Израильское является главнымъ мѣстомъ пророческой дѣятельности: ибо о посредствѣ въ этомъ дѣлѣ царской и жреческой власти въ такихъ обстоятельствахъ нечего было и помышлять. Единственное, которое могло казаться дѣйствительнымъ, средство къ возсоединенію было здѣсь пророчество.— Съ особенною силою проявился духъ пророческій въ этомъ отдѣлившемся царствѣ съ тѣхъ поръ, какъ при Ахаавѣ, тирянка жена его, Іезавель не только отвергла культъ Іеговы, но открыто хотѣла поставить на мѣсто его культъ Ваала; когда она съ звѣрскою свирѣпостію обратилась противъ истинныхъ пророковъ, и, изгоняя ихъ, замѣняла жрецами Ваала, и, такимъ образомъ, уничтожала все дѣло Самуила, уничтожала истинную религію въ ея существѣ: тогда мы видимъ, что вдругъ какъ бы возобновились времена Самуила; начинается такая же усиленная дѣятельность пророческая, какъ и во времена великаго Самуила, которая тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе видитъ противодѣйствія себѣ со стороны царской власти, оставившей истинную религію. Много пророковъ умерщвлено Іезавелью (3 Цар. 18, 4. 79, 10); другіе изъ пророковъ Іеговы дѣлаются придворными пророками, презрѣвъ Божественное призваніе и изъ лести предрекая угодное царю (3 Цар. 22, 6); но въ южной части Израильскаго царства и въ колѣнѣ Веніаминовомъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ великій Самуилъ, возжигается пламенная ревность по религіи Іеговы въ сердцѣ величайшаго пророка того времени Иліи, снова являются прекратившіеся было со временъ Самуила сонмы пророческіе; пророки опять дѣйствуютъ усиленно и одновременно во многихъ мѣстахъ цѣлыми сонмами, руководимыми Иліей, потомъ Елисеемъ, какъ въ прежнее время Самуиломъ.

Въ лицѣ Иліи воскресъ образъ Самуила, только духъ его, его сила и энергія, по требованію времени, обнаружились съ большею рѣзкостію и рѣшительностію, съ какимъ-то страшнымъ, поражающимъ могуществомъ, съ поядающею ревностію, и съ страшнымъ величіемъ: съ неумолимой строгостію умерщ-

вляетъ онъ пророковъ Ваала, не смотря на звѣрскую злость Iезавели; въ безпокойной ревности несетъ его Духъ Господень то на Iорданъ, то въ Финикiю, то на Кармилъ, то въ пустыню Iорданскую, то въ Самарiю, то въ Iудею, то, наконецъ, въ гору Божiю Хоривъ. Ежели безбожный царь оказываетъ ему не болѣе послушанiя, какъ Саулъ Самуилу: то однакоже признаетъ слово его Божественнымъ и не дерзаетъ наложить руку на посланника Господня. И разнообразныя преслѣдованiя Iезавели онъ выдерживаетъ съ силою и энергiею непобѣдимою; присутствуетъ ли онъ при ней,—впечатлѣнiе и слово его могучей личности обезоруживаетъ злобствующую царицу; но пока она собирается съ мыслями противъ пророка, онъ уже опять въ своемъ одиночествѣ, въ пожирающей его пламенной ревности до тѣхъ поръ, пока не было ему откровенiя, что *не въ огнѣ, не въ бурѣ, Господь, но въ духѣ хлада тонка.* Тогда онъ оставляетъ свое пророческое служенiе.

Елисей былъ достойный преемникъ духа и силы Илiиной, и также ревностно подвизался противъ отпадшаго царства. Это были главы многочисленныхъ пророковъ того времени, которые составляли въ это время какъ бы особую касту въ царствѣ Израильскомъ; пророческiя училища являются здѣсь съ твердою организацiей и въ тѣснѣйшей внутренней связи между собою. Подобно первосвященнику, Илiя помазываетъ себѣ въ преемника Елисея; въ священныхъ, прославленныхъ въ древности мѣстахъ страны въ Веѳилѣ, Iерихонѣ и Галгалахъ имѣютъ постоянное мѣстопребыванiе цѣлые сонмы пророковъ. Но сила зла въ этомъ отпадшемъ царствѣ была такъ велика, что и дѣятельность такихъ великихъ пророковъ оставалась безплодною; отпадшее царство видимо шло къ погибели, такъ что дальнѣйшая усиленная дѣятельность пророческая была бы безплодна, и вотъ, эта сила ослабляется, пророческая дѣятельность ограничивается только частными лицами (4 Цар. 14, 15); Iоиль и Амосъ дѣйствуютъ здѣсь еще, но почти тщетно; Осiя былъ послѣднимъ пророкомъ въ этомъ несчастномъ царствѣ; около 40 лѣтъ неослабно старался онъ своихъ соотечественниковъ обратить на путь истинный и возсоединить отпадшихъ, но опять тщетно; царство должно было пасть и въ концѣ 8-го вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ оно было разрушено Салманассаромъ. Понятно, что отличительнымъ характеромъ пророческой дѣятельности въ этомъ царствѣ должно было быть развитiе внѣшней стороны закона, возсоединенiе съ религiею царства Iудина и вообще устроенiе внѣшней жизни по закону Моисееву.

Въ Іудейскомъ царствѣ, со времени раздѣленія, подъ управленіемъ царей изъ племени Давидова чистое служеніе Іеговѣ —истинная религія постоянно была господствующею. Поэтому мы не видимъ здѣсь пророковъ, соединяющихся въ общества, сонмы; они дѣйствуютъ отдѣльно, хотя и не одинаково. Случалось и не рѣдко, что и здѣсь народъ, въ слѣдъ за царями, удалялся отъ Бога своего и обращался къ богамъ чужимъ, и въ это время усиливалась пророческая дѣятельность; воздвигали на нихъ гоненія, но не ослабѣвала ихъ ревность. Впрочемъ, большею частію случалось такъ, что послѣ одного или нѣсколькихъ царей, отступавшихъ отъ Бога, являлись цари благочестивые, ревностно истреблявшіе язычество и преслѣдовавшіе отступленіе отъ Бога. То и другое составляли содержаніе для пророческихъ рѣчей пророковъ этого періода, который былъ цвѣтущимъ періодомъ пророческой дѣятельности, свидѣтельства о которомъ остались въ пророческихъ книгахъ Ветхо-завѣтнаго канона. Впрочемъ, и это царство, въ общемъ ходѣ своей жизни, довольно замѣтно ослабѣвало и оскорбляло Бога своего своею склонностію къ идолопоклонству, которая особенно въ послѣднія времена замѣтно усиливалась; пророческое слово не всегда было дѣйственно, даже случалось, что посягали на жизнь великихъ пророковъ; религіозно-нравственное чувство народа притуплялось; нужно было сильное какое-либо средство для пробужденія его и поддержанія силы пророческаго слова; нужно было повергнуть народъ въ горнило общественнаго бѣдствія для очищенія его отъ всѣхъ внѣшнихъ наростовъ, которые покрывали его и дѣлали его безчувственнымъ, но бѣдствія временнаго: ибо жилъ въ немъ остатокъ благословеннаго сѣмени. Такимъ бѣдствіемъ былъ для него плѣнъ Вавилонскій, въ продолженіе котораго народъ, при содѣйствіи пророковъ, почувствовалъ совершенное отвращеніе ко всему языческому, что прежде такъ влекло его къ себѣ, и привязанность къ своему родному достоянію; почувствовалъ силу и значеніе рѣчей пророческихъ, которыя прежде хотя и слушалъ, но забывалъ, и — всѣмъ сердцемъ обратился къ Богу своему, Іеговѣ, какъ это мы видимъ изъ историческихъ книгъ, описывающихъ послѣ-плѣнное время, и изъ всей позднѣйшей исторіи Евреевъ.

Значеніе пророчества въ продолженіе всего этого періода для духовнаго воспитанія народа—величайшее. Пророки этого періода, въ своихъ рѣчахъ, примѣнительно къ историческимъ обстоятельствамъ народа, въ должной полнотѣ раскрывали

духъ и смыслъ закона, какъ пѣстуна-руководителя къ вступленію въ новое царство—царство благодати; царство Мессіи раскрыли они въ образахъ болѣе частныхъ и подробныхъ, и иногда съ наглядною живостью. Нѣтъ нужды подробно слѣдить за этимъ постепеннымъ развитіемъ Мессіанской идеи, мы встрѣтимся съ нимъ при болѣе подробномъ чтеніи пророческихъ книгъ. Сдѣлаемъ лишь одно общее замѣчаніе: лицо Мессіи и характеръ Его царства развиты въ такой подробности, что Апостолы, при повѣствованіи о жизни и дѣлахъ Спасителя, то и дѣло приводятъ Ветхо-завѣтныя пророчества въ подтвержденіе истинности сказаннаго, и Спаситель Самъ весьма часто упоминаетъ о нихъ, и всѣ эти свидѣтельства приводятся большею частію изъ пророческихъ рѣчей этого періода. Этого достаточно, чтобы видѣть, какъ полно и широко развита была идея о Мессіи и Его царствѣ въ этотъ періодъ, особенно Исаіею, Іереміею, Даніиломъ и другими. Конечно, можетъ быть, не все усвоилъ себѣ народъ—современники пророковъ; но лучшіе изъ народа понимали многое, и ихъ упражненію оставалось усвоить себѣ все остальное; объ этомъ пониманіи свидѣтельствуетъ жажда, съ которою послѣ плѣна собрали оставшіяся пророчества этого періода и внесли ихъ въ канонъ, наряду съ прочими Божественными книгами, и именно пророчества, т. е., пророческія рѣчи только этого періода, хотя, конечно, были и другія причины къ этому.—Частныя характеристическія черты развитія пророческаго служенія и его отношеній въ этомъ періодѣ мы раскроемъ при частной характеристикѣ пророковъ этого періода, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло. Этимъ періодомъ великихъ пророковъ, который оканчивается плѣномъ Вавилонскимъ, оканчивается и исторія пророчества въ народѣ Еврейскомъ.

Пророческія рѣчи, произнесенныя во вновь устроившемся послѣ плѣна городѣ, это уже не что иное, какъ отголосокъ прежнихъ пророческихъ откровеній, раздавшійся вслѣдствіе случайныхъ препятствій къ возстановленію храма. Только въ одномъ Захаріи духъ пророческій выразился почти съ прежней силой и рѣшительностію.—Новое политическое и культовое устройство, данное народу Зоровавелемъ, Ездрою и Неемією, не вызвало уже новыхъ вдохновеній, новыхъ пророческихъ рѣчей, кромѣ помянутыхъ. Насталъ новый періодъ жизни политической и религіозной въ Еврейскомъ народѣ, въ продолженіе котораго,—а онъ продолжался болѣе 300 лѣтъ, —пресѣкся рядъ пророковъ, по предсказаніямъ самихъ же

пророковъ; цѣль пророчества въ Еврейскомъ народѣ была теперь достигнута, все, что нужно было сдѣлать для воспитанія народа, для приготовленія его ко вступленію въ новое царство Мессіи, сдѣлано, во вдохновенныхъ рѣчахъ пророковъ подробно раскрыта идея царства Мессіи, тайны Его Лица и дѣйствій, —тайны Его церкви; народъ сердцемъ обратился къ закону Бога своего и пересталъ хромать, колеблясь между служеніемъ Іеговѣ и служеніемъ богамъ инымъ; служеніе пророческое прекратилось. Притомъ же, въ самой сферѣ пророческой дѣятельности явилось нѣчто такое, что ослабляло дѣятельность пророческую. Это усиленіе ложныхъ пророковъ, и какое-то странное недовѣріе къ истиннымъ пророкамъ, чтó говорилъ еще Іеремія (—23 9—40). Іезекіиль во время плѣна произнесъ такую же рѣчь (гл. 13-я), пророчество ослаблялось и послѣ плѣна, говоримъ, совершенно прекратилось, и—насталъ новый періодъ народной жизни, періодъ самодѣятельнаго, самостоятельнаго усвоенія откровенныхъ истинъ и самодѣятельнаго приготовленія народа къ принятію Мессіи и ко вступленію въ Его царство. Спустя слишкомъ 300 лѣтъ послѣ того, когда при Иродѣ Идумеянинѣ явилось ожиданіе скораго исполненія пророчествъ о Мессіи и Его царствѣ, является послѣдній Ветхо-Завѣтный пророкъ, въ духѣ и силѣ древнихъ великихъ пророковъ, чтобы сказать послѣднее слово древнему Израилю, и указать на Лицо пришедшаго Мессіи.

III.

Отъ очерка общественной дѣятельности пророковъ въ Еврейскомъ народѣ обратимся къ очерку ихъ частной жизни, соберемъ въ одномъ образѣ общія черты жизни пророка внѣшней и изобразимъ потомъ его внутреннее состояніе, особенно во время откровеній.

Пророкъ Еврейскій не самъ собою, не по своей волѣ вступалъ на поприще особеннаго пророческаго служенія; онъ призывался къ тому Самимъ Богомъ. Это, какъ мы видѣли, существеннѣйшій отличительный признакъ истиннаго пророка Еврейскаго. Съ этихъ поръ частный, большею частію неизвѣстный прежде, членъ Еврейскаго общества выступалъ на поприще общественной и особенной по характеру своему дѣятельности; призваніе было первымъ моментомъ и вмѣстѣ побужденіемъ къ этой перемѣнѣ. Цѣль этого призванія или помазанія въ пророческое служеніе, какъ предварительнаго

дѣйствія, состоитъ въ томъ, чтобы приготовить помазуемаго или избираемаго къ новому роду служенія, довести его до сознанія, что онъ избирается въ особое орудіе дѣйствія Божественнаго Духа, настроить духъ его такъ, чтобы онъ въ состояніи былъ воспринимать Божественное откровеніе, для чего, само собою разумѣется, нуженъ особый даръ или дары, которые и сообщаемы были при этомъ избраніи или помазаніи. При этомъ иногда раскрывалась призываемому частная задача его пророческой дѣятельнести, соотвѣтственно частнымъ потребностямъ того времени и обстоятельствамъ политическимъ или религіозно-нравственнымъ.

Призваніе или помазаніе это, сколько можно заключать о немъ изъ указаній самихъ Ветхо-завѣтныхъ книгъ, совершалось или непосредственно Самимъ Богомъ, или при посредствѣ другихъ лицъ, пророковъ, но непремѣнно по указанію же Божію. Непосредственное призваніе совершалось или безъ всякихъ видимыхъ символическихъ дѣйствій, или же съ символами. Когда призываемъ былъ къ пророческому служенію Самуилъ, онъ находился во святилищѣ вмѣстѣ съ первосвященникомъ Иліемъ и спалъ; вдругъ слышитъ голосъ зовущій его; послѣ троекратнаго воззванія, Богъ открыветъ ему волю Свою о домѣ Илія и о судьбахъ Израиля; тѣмъ и оканчивается призваніе Самуила. Другіе пророки призываемы были въ видѣніяхъ, какъ, напримѣръ, Исаія, Іеремія, Іезекіиль, при посредствѣ какихъ-либо символическихъ дѣйствій; напримѣръ, къ устамъ Исаіи Серафимъ прикасается углемъ горящимъ; подтверждая избраніе Іереміи въ званіи пророка, Богъ касается рукою устъ его; Іезекіиль воззванъ былъ къ пророческому служеіею при символическомъ дѣйствіи снѣденія свитка и проч. Но Елисей, напримѣръ, призывается къ пророческому служенію не непосредственно, а чрезъ Илію, при чемъ видимымъ знакомъ призванія служитъ помазаніе (3 Цар. 19, 16) и поверженіе милоти. Несомнѣнно, что всѣ пророки были призываемы такъ или иначе, хотя и не осталось историческихъ свидѣтельствъ обо всѣхъ; несомнѣнно, говоримъ, ибо безъ предварительнаго и яснаго призванія пророки не могли съ такою увѣренностію принимать откровенія за Божественныя, небесныя откровенія и съ такимъ дерзновеніэмъ возвѣщать слово прямо отъ лица Іеговы, какъ это видимъ въ дѣлѣ ихъ служенія. Не иначе, какъ вслѣдствіе вразумительнаго только призванія, напримѣръ, пророкъ Михей могъ говорить о себѣ: „истинно я исполненъ силою посредствомъ Духа Іего-

вы, и судомъ и могуществомъ, чтобы возвѣщать Іакову беззаконіе его и Израилю грѣхъ его“ (3, 8). Такое рѣшительное утвержденіе Пророка, безъ сомнѣнія, могло происходить только изъ глубокаго сознанія въ дѣйствительномъ избраніи и помазаніи его въ пророческое служеніе, хотя историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ. Самъ Богъ устами пророка Амоса, въ обличеніе неблагодарности Израильскаго народа, говоритъ: „Я постановилъ изъ сыновъ вашихъ пророковъ“ (2, 11 съ подл.). Здѣсь значеніе Еврейскаго слова *постановить* даетъ мысль о нѣкоторомъ особенномъ дѣйствіи Божіемъ, полагающемъ начало извѣстному образу дѣйствованія или порядку вещей.

Божественное призваніе къ дѣлу пророчества нѣкоторые поставляютъ въ зависимость отъ способностей и душевныхъ качествъ лица призываемаго. „Пророкомъ, говоритъ Маймонидъ, могъ быть только мужъ мудрый, господствующій надъ страстями, не предающійся мечтамъ о предметахъ мірскихъ, имѣющій разумъ обширный и основательно образованный“.—Дѣйствительно, важность нравственныхъ условій, каковы, напримѣръ, нравственная чистота, воздержаніе отъ мірскихъ привязанностей, искреннее благочестіе, ревность по вѣрѣ, безкорыстное попеченіе о благосостояніи общества и пр. для избранія въ пророческое служеніе, вполнѣ подтверждается исторіей. О Самуилѣ, напримѣръ, сказано, что онъ еще въ отрочествѣ *бѣ благъ предъ Господемъ и человѣки*. Моисей, образъ Ветхозавѣтныхъ пророковъ, еще прежде призванія своего показалъ явные опыты любви къ народу Божію и ревности о правдѣ, и послѣ о немъ замѣчается, что онъ былъ кротчайшій человѣкъ между всѣми людьми. Отрокъ Даніилъ въ чужой землѣ, лишенный добрыхъ руководителей, окруженный блескомъ и пышностью царскаго двора, оставался вѣрнымъ отечественному закону, и т. п. И могло ли быть иначе? Призывая къ пророческому служенію извѣстное лицо Богъ дѣлалъ его провозвѣстникомъ воли Своей, вводилъ въ участіе Своихъ таинъ, поставлялъ въ ближайшее общеніе съ Самимъ Собою,—преимущества, которыя предоставляются въ удѣлъ мужамъ только по сердцу Божію. *Тайна Іеговы*, говоритъ Давидъ,—*боящимся Его*. Высокія, чистыя нравственныя качества, безъ сомнѣнія, могли быть и были средствомъ приближенія къ Богу и призванія въ особенное служеніе толкователя воли Божіей. Но что касается до другихъ, особенно умственныхъ качествъ, Исторія не даетъ ни малѣйшаго

повода смотрѣть на нихъ, какъ на посредства, которыя приводили бы пророковъ къ Божественному призванію и откровеніямъ, которыя обусловливали бы избраніе пророка; не богатство умственныхъ дарованій, но чистая и чуткая воспріемлемость ихъ къ слову Бога, вотъ необходимое качество вѣстника слова Божія; все богатство естественныхъ умственныхъ даровъ—ничто предъ просвѣщеніемъ духа человѣческаго Духомъ Божественнымъ. Вообще, впрочемъ, пророки не указываютъ въ естественныхъ силахъ своихъ никакого посредствующаго перехода отъ человѣческаго къ Божественному, никакой прямой и непосредственной связи между дарами природы и даромъ пророческимъ; а напротивъ, часто противополагаютъ мудрость человѣческую совѣту Божію и слову Его.

Избираясь Богомъ въ служеніе Его слову, пророки получали и тѣ силы и дары, которые нужны были имъ для прохожденія этого великаго служенія. Впрочемъ, они должны были и собственною свободно-нравственною дѣятельностію удерживать себя въ достоинствѣ своего служенія; въ противномъ случаѣ они отвергаемы были Богомъ и не рѣдко становолись ложными пророками. Устроенные свыше въ орудія Божественнаго Духа, они должны были тѣмъ рачительнѣе охранять себя отъ всего, что не соотвѣствовало ихъ назначенію и служенію. Въ священныхъ книгахъ открыто намъ нѣсколько указаній на обязанности лицъ, принявшихъ на себя пророческое служеніе, въ этомъ отношеніи. Къ числу такихъ обязанностей относится, прежде всего, духовное бодроствованіе. Такъ, Богъ, поставивъ Іезекіиля въ пророка, внушаетъ ему, что онъ сдѣлалъ его *стражемъ дома Израилева* (3, 17); то же названіе прямо или не прямо усвояется и въ другихъ мѣстахъ. „Стражей или соглядатаевъ, говоритъ въ объясненіе сего одинъ толкователь, Евреи во время военныхъ безпокойствъ имѣли обыкновеніе поставлять на возвышенныхъ мѣстахъ, откуда удобно было видѣть окрестности на дальнее разстояніе. Они должны были, не смѣжая глазъ, стоять на стражѣ своей и, при первомъ усмотрѣніи чего нибудь особеннаго, тотчасъ подавать знакъ трубою“. Неоспоримо, что въ этомъ случаѣ безопасность страны много зависѣла отъ ихъ бдительности. Не трудно потому понять, что когда Богъ поставлялъ пророковъ стражами дома Израилева, то этимъ возлагалъ на нихъ обязанность, чтобы вся жизнь ихъ была непрестаннымъ бодрствованіемъ, обращеннымъ, впрочемъ, не на пути и окрестности Іерусалимскія,

но къ той незримой области, откуда приходитъ слово Его. Эту-то духовную бдительность пророкъ Илія называетъ *предстояніемъ предъ лицемъ Іеговы.*

Другою, столь же важною обязанностію пророковъ была точная и безбоязненная вѣрность дѣлу ихъ служенія. Хотя эта обязанность возлагается на каждаго всякимъ родомъ служенія, но здѣсь видъ ея нѣсколько иной, нежели тамъ. Извѣстно, что для судіи, напр., требованія правды, которой онъ служитъ органомъ, опредѣлены положительными законами; не противорѣча этимъ законамъ явно, онъ уже правъ предъ властію, хотя внутренно можетъ и не питать привязанности ни къ правдѣ, ни къ закону. Напротивъ, вѣрность въ дѣлѣ служенія пророковъ могла опредѣляться только внутреннимъ ихъ благоговѣніемъ, съ какимъ они должны были носить въ себѣ Божественное слово, отдѣляя отъ него все человѣческое. „Пророкъ, говоритъ Богъ чрезъ Іеремію, у котораго есть сонъ, пусть и разсказываетъ его какъ сонъ; а у котораго есть Мое слово, пусть изрекаетъ слово Мое вѣрно. Зачѣмъ въ чистыхъ зернахъ быть соломѣ?“ (23, 28). Но не довольно того, чтобы пророки съ благоговѣніемъ приняли и хранили Божественное слово; имъ надлежало еще ревностно и безтрепетно проповѣдывать его, передъ кѣмъ бы то ни было, и какъ бы ни казалось оно горькимъ и тяжкимъ для слушающихъ: *внегда глаголати Ми беззаконнику*, говоритъ Богъ Іезекіилю, *смертію умреши, и не возвѣстиши ему, ни соглаголеши еже остатися беззаконнику и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея взыщу* (3, 18; 33, 8). Современники пророковъ, иногда отвергая слова ихъ говорили имъ: *не прорицайте, не повѣдайте, не глаголите*; за запрещеніями иногда слѣдовали угрозы, упреки, злоумышленія, преслѣдованія, темничныя заключенія, страданія и даже насильственная смерть. Но все это не могло заградить уста пророкамъ; они готовы были на все за свою проповѣдь.

Въ связи съ этими обязанностями была бѣдная, страдальческая и большею частію скитальческая жизнь пророковъ и ихъ строгое безкорыстіе. Призванные къ пророческому служенію оставляли житейскія заботы, чтобы тѣмъ удобнѣе поддерживать себя въ состояніи духовнаго бодрствованія и безпрепятственно совершать дѣло, къ которому призваны, покидали иногда свое семейство, отчизну, родовую собственность и безъ постояннаго пристанища ходили всюду, гдѣ нужна

была ихъ проповѣдь. Принявъ званіе пророка, Елисей тотчасъ оставляетъ свою ниву, Амосъ—свое стадо, Іеремія—преимущества жреческаго происхожденія своего. Впрочемъ, были, конечно, пророки, имѣвшіе и постоянное мѣсто жительства; только они не были и не могли быть настолько привязаны къ нему, чтобы эта привязанность могла хотя сколько-нибудь отвлекать отъ исполненія ихъ призванія.—Оставляя собственное, пророки тѣмъ менѣе могли домогаться чужаго. Принимать щедрыя подаянія не совмѣстно было ни съ тѣмъ безстрастіемъ къ земному, какимъ долженъ отличаться свыше поставленный стражъ народа Божія, ни съ той независимостію, какая нужна для нелицепріятнаго провозвѣстника слова Іеговы. Ибо пророки, по изреченію Самого Бога, должны были стоять предъ царями, князьями, жрецами и народомъ стольже непоколебимо, какъ „крѣпкій городъ, желѣзный столпъ и мѣдная стѣна“ (Іер. 1, 18). И дѣйствительно, истинные пророки столько были безкорыстны, что даже цари не рѣшались предлагать имъ богатыхъ подарковъ. Іеровоамъ, царь Израильскій, посылаетъ въ даръ пророку Ахіи не таланты серебра или золота, или что-либо драгоцѣнное, но нѣсколько хлѣбовъ и сосудъ меда. О внѣшнемъ содержаніи въ Палестинѣ можно было и не заботиться; плоды, корни, дикій медъ, акриды для пищи и ручьи для питья были въ изобиліи всегда и, при строгости жизни пророковъ, были достаточны для нихъ, вмѣстѣ съ тѣми немногими подаяніями, которыя получали они отъ людей добрыхъ и благочестивыхъ. Такимъ образомъ, и внѣшнею своею жизнію, и внѣшними отношеніями пророки свидѣтельствовали, что они истинные посланники Божіи.

IV.

Призваніемъ пророка къ пророческому служенію начинался рядъ тѣхъ откровеній, которыя служили ему предметомъ для рѣчей, откровеній воли Божіей для сообщенія ея людямъ. Что пророки говорили не сами отъ себя, а то, что̀ повелѣвалъ имъ говорить Богъ, объ этомъ ясно сами они свидѣтельствуютъ, когда говорятъ о происхожденіи возвѣщаемаго ими слова: *тако глаголетъ Господь*; *уста Господня глаголаша сія; слышите слово Господне; бысть слово Господне ко мнѣ* и пр., или когда сказываютъ объ ощущеніи дѣйствовавшей въ нихъ силы, напр.: *бысть на мнѣ рука Господня; нападе на мя Духъ Господень, и бысть на мнѣ Духъ Божій* и пр. и пр.—Не считаемъ нужнымъ говорить о мнѣніи тѣхъ, ко-

торые думаютъ, будто подъ этими и подобными выраженіями, нужно разумѣть лишь не болѣе, какъ особенное воодушевленіе пророковъ, начало котораго лежитъ исключительно и единственно въ духѣ человѣческомъ и—то выраженіе воли Божіей, которое пророки умѣли постигать или въ чрезвычайныхъ явленіяхъ природы, или въ необыкновенномъ ходѣ происшествій, или во внутреннемъ чувствѣ. Подобнымъ образомъ можно трактовать пророковъ лишь при невѣріи въ возможность непосредственнаго Божественнаго откровенія.—Но что помянутыя выраженія: *бысть слово Господне ко мнѣ, нападе на мя Духъ Господенъ* и пр.—не просто иносказательныя выраженія, а выражающія сущность дѣла; это видно изъ того, что они безъ всякихъ поясненій встрѣчаются не разъ или два, но почти постоянно въ пророческихъ писаніяхъ; встрѣчаются не столько въ срединѣ пророческихъ рѣчей, гдѣ языкъ пророковъ естественно могъ становиться болѣе образнымъ, живымъ и возвышеннымъ отъ полноты восторга, сколько при началѣ рѣчей, въ видѣ простыхъ, обыкновенныхъ надписаній; и—что еще важнѣе—встрѣчаются иногда въ связи съ такими обстоятельствами, которыя даютъ рѣшительную мысль, что подъ тѣми выраженіями отнюдь нельзя разумѣть какого-либо дѣйствія естественной способности пророковъ. Напримѣръ, пророкъ Наѳанъ на объявленное ему Давидомъ желаніе построить храмъ Господу сперва отвѣчаетъ, въ качествѣ простаго совѣтника, слѣдующее: *вся елика суть въ сердцѣ твоемъ—иди и твори*; но потомъ, когда *бысть слово Господне* къ Наѳану, онъ же говоритъ Давиду: *сія глаголетъ Господь: не ты созиждеши мнѣ домъ.* Самуилъ, какъ повѣствуется въ книгѣ Царствъ, при избраніи будущаго царя изъ сыновъ Іессея, рѣшился было отдать преимущество Еліаву; но пришедшее къ нему слово Господне тутъ же уничтожило намѣреніе естественной предусмотрительности пророка: *рече Господь Самуилу: не зри на лице его, ниже на возрастъ величества его, яко уничижихъ его* (1 Цар. 16, 6. 7). Наконецъ, если допустить противную такому пониманію помянутыхъ выраженій мысль, то явилось бы неразрѣшимое недоумѣніе: какъ же понимать тѣ мѣста, гдѣ слово Господне представляется, напримѣръ, превышающимъ разумѣніе Даніила (8, 27), смягчающимъ ревность Иліи (3 Цар. 19, 9—19), торжествующимъ надъ противленіемъ Іоны (1, 3. 3, 3), надъ скорбію Іереміи (20, 7--9), сребролюбіемъ Валаама (Числ. 23, 24), и проч. и проч.

Божественная сила, дѣйствовавшая въ пророкахъ, не всегда одинаковымъ образомъ возбуждала ихъ къ пророческому служенію и одушевляла ихъ во время прохожденія пророческаго служенія и особенно во время откровеній. Пророки иногда видятъ сны (Дан. 7, 1), иногда - видѣнія; иногда слышатъ слово. Богъ чрезъ Моисея высказываетъ три рода откровеній: видѣніе, сонъ и бесѣдованіе лицемъ къ лицу (впрочемъ, этого послѣдняго рода откровенія удостоился, по прямому слову Божію, одинъ только Моисей); иногда пророки *бываютъ въ духѣ,* чувствуютъ *на себѣ руку Іеговы, духъ беретъ ихъ* и пр. Потому, какъ христіанскіе, такъ особенно Іудейскіе писатели указываютъ на многоразличные способы пророческихъ откровеній. Но—священныя книги даютъ замѣтить, что всѣ эти способы имѣютъ отношеніе именно къ помянутымъ тремъ главнымъ и общимъ способамъ откровеній: бесѣдованію лицомъ къ лицу, сну и видѣнію или созерцанію.—Такъ, изъ словъ Іезекіиля видно, что *носившій его духъ* открывалъ ему видѣнія: *и духъ взя мя и принесе мя въ землю Халдейскую въ плѣнники, въ видѣніи духомъ Божіимъ* (11, 24). Валаамъ, при ощущеніи въ себѣ Духа Божія, называетъ себя человѣкомъ истинно зрящимъ, т. е., которому сообщены видѣнія. Справедливость этой мысли подтверждается еще словомъ пророка Іоиля, который, предсказывая обильнѣйшее изліяніе Духа во времена Мессіи, способами проявленія его полагаетъ: *прорекутъ сынове ваша и дщери ваша, и старцы ваши сонія узрятъ и юноши ваши видѣнія увидятъ.* Самый обыкновенный и общій пророкамъ изъ помянутыхъ способовъ откровеній, это—*видѣніе*—Евр. *газонъ,* ὅρασις. Этотъ же способъ выражается словами—*быть въ духѣ,* ощущать *на себѣ руку Іеговы* и проч., что видно изъ одинаковости пророческихъ состояній, обозначаемыхъ этими выраженіями. Способъ откровенія во снѣ—рѣже встрѣчается; бесѣда лицемъ къ лицу—у одного Моисея; но у позднѣйшихъ пророковъ за то часто встрѣчается откровеніе посредствомъ простаго слова—*было слово* и проч. Что это за состояніе человѣка—пророка во время откровеній посредствомъ этихъ способовъ? Различіе этихъ способовъ указываетъ на различное состояніе и лицъ, при откровеніяхъ имъ каждымъ изъ этихъ способовъ. Начнемъ рѣчь съ самаго употребительнаго, но труднѣйшаго къ уразумѣнію способа—*видѣнія.*

Это состояніе пророка, при откровеніи ему посредствомъ видѣнія, безъ всякаго сомнѣнія, состояніе отличное отъ обык-

новеннаго состоянія человѣческаго сознанія. Пророки ясно иногда высказываютъ эту необыкновенность: *я былъ въ духѣ, я видѣлъ видѣніе* и проч. Это состояніе пророковъ во время откровеній посредствомъ видѣнія обыкновенно называется пророческимъ воодушевленіемъ, или пророческимъ восторгомъ. Что это за состояніе? Какъ относится оно къ обыкновенному человѣческому, естественному состоянію сознанія? Этотъ самъ по себѣ важный вопросъ получаетъ еще большую важность отъ того, что совпадаетъ тѣсно съ другимъ вопросомъ о прорицателяхъ языческихъ. Извѣстно, что и въ язычествѣ были такъ называемыя прорицалища. были пророки и пророчицы, которые во время своихъ прорицаній находились такъ же не въ обыкновенномъ состояніи. Потому — дальнѣйшій вопросъ: какое различіе въ этомъ отношеніи между истинными Еврейскими пророками и языческими?

Со временъ споровъ въ древней церкви въ монтанистами, стало господствующимъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: различіе между восторженнымъ, воодушевленнымъ состояніемъ истинныхъ пророковъ и пророковъ ложныхъ, языческихъ, состоитъ въ томъ, что состояніе этихъ послѣднихъ было экстатическое—безсознательное, тогда какъ истинные пророки не были экстатики, а изрекали свои пророческія рѣчи съ полнымъ, яснымъ, разумнымъ человѣческимъ сознаніемъ, чего не было и не могло быть у прорицателей языческихъ. Это мнѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что оно высказано людьми, которые стояли лицемъ къ лицу съ язычествомъ, дѣйствовали среди его, близко стояли къ проявленіямъ пророчества въ монтанизмѣ, который переносилъ языческій экстазъ на почву откровеннаго пророчества, и, слѣдовательно, могли знать эти состоянія хорошо. Жаль только, что это мнѣніе не развито подробно; все, что мы имѣемъ въ твореніяхъ древнихъ объ этомъ предметѣ, ограничивается обыкновенно мыслію, что языческіе пророки, а равно и Монтанъ, во время своихъ прорицаній, были въ экстазѣ, и потому, обыкновенно, не сознавали, что говорили, а нужны были для нихъ истолкователи, и, слѣдовательно въ то время, какъ учили другихъ, они сами не понимали, чему учили; Еврейскіе же пророки изрекали свои пророчества не въ экстатическомъ состояніи, а съ полнымъ сознаніемъ, и потому вполнѣ понимали и сознавали, что говорили и чему учили. Эта мысль несомнѣнно справедлива въ томъ отношеніи, что пророки Еврейскіе съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ говорили то, что

имъ открыто было въ особенномъ состояніи духа—воодушевленія. Надобно вѣрить и тому, что прорицатели языческіе въ безсознательномъ состояніи были, когда были въ состояніи воодушевленія прорицательскаго, что сознаніе ихъ было помрачено: ибо объ этомъ свидѣтельствуютъ сами очевидцы—язычники; отсюда и названіе ихъ—μάντις отъ μαίνομαι—бѣшусь, дѣйствую подъ вліяніемъ чего-то, при отсутствіи собственнаго сознанія. Латинское названіе этого состоянія—furor, а лица назывались—insanus, insana vates.

Но дѣло въ томъ, что пророки Еврейскіе, которые видѣли видѣнія, произносили свои пророческія рѣчи не въ то самое время, когда они были въ пророческомъ воодушевленіи, а послѣ, когда они изъ необыкновеннаго состоянія приходили въ обыкновенное, когда видѣнія оканчивались, однимъ словомъ, когда они приходили въ себя. Мы немного имѣемъ примѣровъ въ исторіи, когда бы пророки, видѣвшіе видѣнія говорили свои рѣчи во время самыхъ видѣній; почти единственный примѣръ этого—Валаамъ; а то обычныя фразы пророковъ: *была* на мнѣ рука Господня; *былъ* я въ духѣ, я *видѣлъ*, *было* видѣніе, я *видѣлъ* видѣніе и проч., эти фразы несомнѣнно удостовѣряютъ, что пророки, видѣвшіе видѣнія, говорили свои рѣчи послѣ видѣній и восторговъ, высказывали то, что уже видѣли, что имъ было открыто. Потому они и говорили съ полнымъ, яснымъ, свѣтлымъ сознаніемъ, припоминая, анализируя, размышляя о томъ, что они видѣли, что имъ открыто и что они говорили. Восторженная рѣчь ихъ была лишь отголоскомъ того, что созерцали они въ особенномъ состояніи восхищенія, восторга. Еще повторимъ, что мы теперь говоримъ лишь о *видѣніяхъ* и рѣчахъ о томъ, что они созерцали въ этихъ видѣніяхъ, а не о другихъ способахъ откровеній, въ болѣе спокойномъ, обыкновенномъ, естественномъ состояніи духа, когда они передавали слово Бога, бывшее не въ видѣніи. А то, что имъ открывалось именно въ видѣніи, они изрекали послѣ уже видѣнія.

Если теперь пророки языческіе говорили о своихъ откровеніяхъ мнимыхъ во время самыхъ восторговъ: то въ этомъ еще не существенное различіе ихъ отъ пророковъ истинныхъ, и истинные пророки были въ восторгѣ; вопросъ въ томъ, что за состояніе восторга, въ какомъ состояніи духъ пророковъ, съ его силами и способностями, находился въ это время откровеній, или—какъ относится это состояніе къ обыкновенному естественному состоянію человѣческаго сознанія, и—въ

чемъ различіе этого состянія у пророковъ истинныхъ, Еврейскихъ и языческихъ? Послѣдніе были въ экстазѣ, а первые не были въ экстазѣ,—вотъ что только отвѣчаетъ древнее мнѣніе на этотъ вопросъ. Но этотъ отвѣтъ неопредѣленъ и не выясненъ. Онъ основывается на правильномъ предположеніи, что между Божественно—воодушевленнымъ состояніемъ истинныхъ пророковъ и ложнымъ, небожественнымъ воодушевленіемъ ложныхъ прорицателей языческихъ есть, должно быть существенное различіе, но въ чемъ это различіе, это мнѣніе не выяснило, не говоримъ, впрочемъ, что поняло не такъ.

Если ближе разсмотрѣть тѣ мѣста священныхъ книгъ, гдѣ указывается на состояніе, въ какомъ пророки были при откровеніяхъ имъ воли Божіей посредствомъ видѣній: то должны будемъ сказать, что это состояніе существенно, характеристически отличается отъ обыкновеннаго состоянія человѣческаго сознанія, что непосредственное дѣйствіе Божества на духъ пророка во время подобныхъ откровеній измѣняло обычный ходъ дѣятельности душевныхъ способностей пророка и направляло ихъ иначе. Такую перемѣну состоянія своего душевнаго ощущали сами пророки, это показываютъ уже самыя выраженія, я былъ въ духѣ, духъ Божій объялъ меня и я видѣлъ, рука Господня была на мнѣ и проч. Особенно это замѣтно въ видѣніяхъ пророка Іезекіиля, который ясно указываетъ различіе состоянія своего при видѣніяхъ отъ обычнаго состоянія (8,1—5. 11,24—25). Такъ же замѣтно это различіе состояній у Даніила (8,2.7. 10,4—10,16—19). Этотъ духъ Божій, приводившій пророковъ въ замѣтное для нихъ самихъ, отличное отъ обыкновеннаго, состояніе, дѣйствовалъ непреодолимо, съ силою, которой не могъ противиться пророкъ, хотя бы и помышлялъ противиться, слѣдовательно, съ полновластіемъ. Такое полновластіе Божественнаго надъ человѣкомъ пророкъ Іеремія прекрасно изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *Іегова, Ты увлекъ меня, я увлеченъ; Ты превозмогъ меня, Ты преодолѣлъ меня. Я подумалъ было: не стану я говорить о семъ; и не буду впередъ говорить Его именемъ; но у меня въ сердцѣ какбы огонь загорѣлся; въ кости мои что-то вложено; не въ силахъ держать я, не могу* (20,7—9). Въ этомъ состояніи пророческаго увлеченія или воодушевленія пророки обыкновенно видятъ то, что нельзя видѣть тѣлесными очами, ощущаютъ то, что не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ; внѣшнія чувства какъ будто закрыва-

ются для внѣшняго міра, для внѣшнихъ ощущеній, и при недѣятельности ихъ, а иногда при видимой дѣятельности, пророки ощущаютъ и созерцаютъ другое, предметы невидимаго, тайнаго для другихъ окружающихъ, міра. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи сказаніе о Валаамѣ. Онъ самъ называетъ себя человѣкомъ съ открытыми очами, но въ то же время видящимъ видѣнія Божія и слушающимъ словеса Божія; онъ смотритъ на кущи Израиля и на домы Іакова, но въ тоже время говоритъ не о томъ, что видитъ тѣлесными очами и—не о томъ, что слышитъ тѣлесными ушами; его взоръ устремленъ на будущее Еврейскаго народа, онъ видитъ, какъ прекрасны шатры Іакова и жилища Израиля; разстилаются какъ долины, какъ сады при рѣкѣ, какъ алойныя дерева, насажденныя Господомъ, какъ кедры при водахъ, видитъ какъ польется вода изъ ведръ его, и сѣмя его будетъ какъ великія воды, какъ *изыдетъ человѣкъ отъ сѣмене его, который возобладаетъ языки многими, превзойдетъ Агага царь его и возвысится царство его* и пр. (Числ .24, 3—7). *Я вижу Его*, говоритъ онъ далѣе, *но нынѣ еще нѣтъ его*; *я зрю его, но не близко*; *взойдетъ звѣзда отъ Іакова, возстанетъ жезлъ отъ Израиля* и пр. (ст. 17). Точно такъ же и всѣ другіе пророки, во время откровеній въ видѣніяхъ, при недѣятельности внѣшнихъ чувствъ, созерцаютъ предметы тайнаго невидимаго міра. не доступные для внѣшнихъ чувствъ, и, слѣдовательно, находятся въ какомъ-то совершенно особенномъ, отличномъ отъ обыкновеннаго, состояніи духа и тѣла. Исаія видитъ Господа на возвышенномъ тронѣ, окруженнаго серафимами; Михей также видитъ Іегову на тронѣ, окруженнаго небеснымъ воинствомъ (3 Цар. 22, 19); Езекіиль, какъ мы видѣли, изъ Месопотаміи видитъ то, что дѣлается въ храмѣ Іерусалимскомъ и самомъ Іерусалимѣ символически, другой пророкъ видитъ, что по горамъ разсыпался Израильскій народъ, какъ будто овцы, не имѣющія пастыря, и пр. и пр.; всюду видѣнія необыкновенныя, при особенномъ состояніи духа и тѣла. Страхъ и ужасъ не рѣдко нападаетъ на пророка въ подобномъ состояніи, и эти состоянія сопровождаются иногда совершеннымъ ослабленіемъ духа и тѣла. Такъ, еще объ Авраамѣ говорится, что когда было ему видѣніе, страхъ напалъ на душу его, тьма объяла его (Быт. 15, 12). Даніилъ повѣствуетъ, что одинъ разъ, какъ увидѣлъ онъ видѣніе, не осталось въ немъ силы, цвѣтъ лица перемѣнился

ужасно, и онъ не могъ собраться съ силами, а когда услышалъ голосъ, то упалъ ницъ и лежалъ лицемъ къ землѣ, и только рука коснувшаяся приподняла его (10, 8—10). Въ другой разъ тотъ же Даніилъ послѣ видѣнія такъ ослабѣлъ тѣлесно, что слегъ въ постель и былъ боленъ нѣсколько времени (8, 27). Иногда эта сила Божественнаго надъ человѣческимъ, это увлеченіе изъ области тѣлеснаго, чувственнаго, внѣшняго, была такъ велика, что какъ бы безсознательно выражалась въ странныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ тѣлу и внѣшности: въ пророческомъ восторгѣ раздираютъ одежду, обнажаются и такъ проводятъ нѣсколько времени. Такъ, напримѣръ, когда Саулъ искалъ недовольнаго имъ Самуила и врага своего Давида, не далеко отъ мѣста, гдѣ находились эти послѣдніе, объялъ его Духъ Божій, и онъ шелъ пророчествуя; а когда пришелъ къ нимъ: то Духъ напалъ на него съ такою силою, что пророчествуя предъ ними, онъ совлекъ ризы своя и паде нагъ весь день той и всю нощь (1 Цар. 19, 24). Вообще, что пророческое состояніе и по внѣшности отлично было отъ обыкновеннаго, это показываетъ также повѣствованіе о Саулѣ, когда онъ только-что еще сталъ царемъ. Самуилъ сказалъ ему, что когда онъ встрѣтитъ ликъ пророковъ, снидетъ на него Духъ Божій, и онъ будетъ пророкомъ среди пророковъ, и вотъ когда исполнилось слово Самуила, всѣ тѣ, которые знали прежде Саула и видѣли его теперь, въ недоумѣніи вопрошали одинъ другаго: что это такое сталось съ сыномъ Кисовымъ? Неужели и онъ сталъ пророкомъ? Такъ замѣтна эта перемѣна состоянія душевнаго и тѣлеснаго въ пророкѣ. На это же необыкновенное состояніе духа и тѣла указываетъ прямо то, что люди невѣрующіе считали пророковъ неистовыми, сумасшедшими. Такъ, когда одинъ изъ пророковъ по порученію Самуила приходилъ къ царю Іиую, царедворцы послѣ спрашивали его, зачѣмъ къ нему приходилъ этотъ неистовый, а Іиуй отвѣчалъ: вы вѣсте мужа сего и суесловіе его (4 Цар. 9, 11). Такъ пророкъ Іеремія говоритъ, что одинъ лживый священникъ, нѣкто Шемани, писалъ къ священникамъ, будто Іегова поставилъ его, Шемани, первосвященникомъ вмѣсто Іодды, чтобы онъ, Шемани, всякаго неистоваго и пророчествующаго сажалъ въ колоду и цѣпи, и въ числѣ ихъ перваго пророка Іеремію (Іер. 29, 26—27). Вообще, по всему видно, что пророки находились во времена дѣйствія на нихъ Духа Іеговы, особенно при видѣніи, въ особенномъ состояніи духа и тѣла,

когда дѣятельность внѣшнихъ чувствъ прекращается, какъ бы замираетъ, духъ какъ бы отдѣляется отъ тѣла на время, забываются на время и тѣло, и его потребности, и все внѣшнее; духъ погружается или возносится въ другой міръ, созерцаетъ предметы и ощущаетъ жизнь этого иного невидимаго, слышитъ слово Іеговы, видитъ образы какъ бы внѣшними чувствами и вообще какъ бы чувственно находится и дѣйствуетъ въ другомъ мірѣ, и это не во снѣ, а въ бодрственномъ состояніи.

Какъ назвать это состояніе какъ бы чувственнаго переселенія въ иной міръ, съ забвеніемъ земнаго окружающаго, переставшаго дѣйствовать на внѣшнія чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на сознаніе? Не ошибемся, кажется, если назовемъ это состояніе экстазомъ. Да, пророки во время этихъ видѣній находились въ экстатическомъ состояніи. Думаемъ, что имѣемъ право назвать такъ это состояніе, хотя, какъ мы видѣли, мнѣніе древнихъ писателей какъ будто не позволяетъ его называть такъ, приписывая экстатическое состояніе только языческимъ прорицателямъ. Мы имѣемъ право назвать его экстазомъ: потому что сами священные писатели даютъ мысль такъ называть это состояніе. Не говоримъ уже о томъ, что LXX употребляютъ иногда это слово для означенія подобныхъ состояній; такъ, напр., когда Авраамъ видѣлъ видѣніе, и напалъ на него ужасъ, т. е. онъ былъ въ какомъ-то особенномъ состояніи, LXX перевели: ἔπεσεν ἐπ' αὐτὸν ἔκστασις, (Быт. 15, 12). Въ новомъ Завѣтѣ мы находимъ это слово, употребленное для означенія именно такихъ состояній, въ какомъ были пророки во время пророческаго видѣнія. Такъ, напримѣръ, Апостолу Петру разъ было видѣніе, совершенно такое же, какія видѣли древніе пророки; это-символическое видѣніе плащаницы Петръ, въ обыкновенномъ состояніи духа взошелъ помолиться, и вдругъ ἔπεσεν ἐπ' αὐτὸν ἔκστασις: онъ видитъ небо отверстое и плащаницу оттуда сходящую и проч.; видѣніе окончилось и Петръ пришелъ снова въ прежнее состояніе: ἐν ἑαυτῷ διηπόρει ὁ Πέτρος (Дѣян. 10. 10, 17). Когда Петръ самъ повѣствуетъ объ этомъ видѣніи и экстазѣ, онъ выражается такъ: ἐγώ ἤμην ἐν πολει Ἰώππῃ προσευχόμενος καὶ εἶδον ἐν ἐκστάσει ὅραμα (11, 5). Дѣло понятное: Петръ видитъ видѣніе, находясь въ экстатическомъ состояніи, видѣніе по характеру своему совершенно подобное видѣніямъ древнихъ пророковъ; состояніе Петра—необыкновенное во время этого видѣнія; онъ самъ замѣчаетъ, какъ началось это состояніе и

когда окончилось; совершенно подобно тому, какъ и Ветхозавѣтные пророки сознаютъ особенность своего состоянія во время видѣній; и если Апостолъ Петръ называетъ это состояніе свое экстазомъ: почему не назвать такъ и состояніе Ветхо-завѣтныхъ пророковъ, совершенно подобное или даже одинаковое съ Петровымъ? Есть еще и другое основаніе для этого. Иногда, въ писаніяхъ пророческихъ сами пророки, упоминая о своемъ состояніи во время пророческихъ восторговъ, это состояніе выражаютъ словами; духъ подъялъ меня, духъ взялъ меня, духъ восхитилъ меня (ἁρπάγω); мы въ Новомъ Завѣтѣ имѣемъ примѣръ подобнаго восхищенія въ восхищеніи Апостола Павла, которое онъ описываетъ во 2-мъ посланіи къ Коринѳянамъ (12). Онъ изображаетъ свое состояніе при этомъ такъ, что оно совершенно подобно состоянію пророческаго восторга, когда они при бездѣйствіи внѣшнихъ чувствъ уносились въ иную область, въ иной міръ, созерцали иные предметы: въ тѣлѣ ли былъ или внѣ тѣла, говоритъ Апостолъ, не знаю, Богъ знаетъ; только восхищенъ былъ (ἡρπάγη) до третьяго небесе, въ рай, и слышалъ неизреченные глаголы и проч. Нѣтъ нужды доказывать, что такое восхищеніе есть то же, что пророческій восторгъ и то же, что Апостолъ Петръ называетъ ἔκστασις. Наконецъ въ Новомъ Завѣтѣ для означенія этого восхищенія, этого восторга, употребляется еще другое выраженіе и по большей части, это выраженіе—быть въ духѣ—ἐν πνεύματι Тайновидецъ Іоаннъ не разъ употребляетъ это выраженіе для означенія того состоянія, въ которомъ онъ находился во время Божественныхъ ему откровеній. Но не трудно видѣть, что характеръ этихъ откровеній таковъ же, какъ и Ветхо-Завѣтнымъ пророкамъ, таковъ же, какъ и Апостолу Петру. И въ самомъ дѣлѣ, говоря о пророкахъ, Христосъ и Апостолы не разъ утверждаютъ, что пророки находились во время откровеній въ духѣ—ἐν πνεύματι, и подтвержденіе сему мы находимъ въ самыхъ пророческихъ писаніяхъ; они часто употребляютъ выраженіе—былъ въ духѣ, духъ взялъ меня и пр.

Если же всѣ эти состоянія одинаковы: то ихъ можно охарактеризовать тѣмъ же словомъ, какимъ характеризовалъ его Петръ, именно—ἔκστασις.

Итакъ, изъ разсмотрѣнія тѣхъ мѣстъ, гдѣ указывается на состояніе пророковъ во время откровенія имъ воли Божіей, посредствомъ видѣній, видно, что это состояніе было экстатическое, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что пророки были

въ экстазѣ. Потому, высказанное древними толкователями различіе истинныхъ пророковъ отъ ложныхъ, будто только ложные пророки были въ экстазѣ, а истинные не въ экстазѣ, оказывается не точнымъ, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ выясненнымъ. Но если такъ, то въ чемъ же это различіе? Въ чемъ состоитъ тотъ и другой экстазъ, и чѣмъ они характеризуются отличительнымъ.

Еще нѣкоторые изъ древнихъ, въ слѣдъ за Филономъ, полагали, что пророки во время своего воодушевленія въ экстазѣ находились въ такомъ состояніи, что дѣйствіе Божественнаго Духа прекращало дѣятельность ихъ естественныхъ способностей и силъ душевныхъ, такъ что они были только орудіями духа, гуслями или трубами, издававшими Божественные звуки, или лучше зеркаломъ, въ которомъ отражалось одно только Божественное; вся дѣятельность человѣческая самостоятельная, вся жизнь въ нихъ какъ бы замирала; дѣйствовалъ въ нихъ одинъ только Божественный Духъ, безсознательно для нихъ самихъ, и только съ окончаніемъ этого состоянія, когда Духъ Божій переставалъ непосредственно дѣйствовать на нихъ, возвращалось къ нимъ сознаніе и они *вспоминали* откровеніе и въ восторженныхъ рѣчахъ передавали его людямъ.—Такимъ образомъ экстазъ пророческій представляли, какъ состояніе безсознательное, какъ невольное, когда ни умъ, ни воля, ни прочія способности пророка не дѣйствуютъ, при дѣйствіи Божественнаго Духа. Между тѣмъ состояніе воодушевленія ложныхъ языческихъ прорицателей представляли хотя также безсознательнымъ, но только эту безсознательность производили отъ безпорядочной дѣятельности силъ и способностей душевныхъ, отъ временнаго помраченія ума, помѣшательства, можетъ быть, подъ вліяніемъ дьявола. Въ этомъ, какъ кажется, смыслѣ Тертулліанъ различаетъ ἔκστασις отъ μανία, или furor, признавая, что ложные языческіе пророки во время своихъ одушевленій находились именно въ этомъ послѣднемъ состояніи, въ маніи, умопомѣшательствѣ, бѣшенствѣ. Это мнѣніе о различіи состоянія истинныхъ пророковъ Еврейскихъ и ложныхъ языческихъ во время восторга, воодушевленія, экстаза, принято было многими Богословами западными и доселѣ имѣетъ своихъ защитниковъ; между прочими этого мнѣнія держится многоуважаемый Генгстербергъ, глава современныхъ супранатуралистовъ на западѣ. Онъ думаетъ, что пророческое воодушевленіе или восхищеніе непремѣнно соединено съ прекращеніемъ всей самодѣятель-

ности духовныхъ силъ человѣка и рефлексіи его, что остается одно внутреннее чувство; неопредѣленное, которое одно и дѣйствуетъ въ это время, онъ такъ выражаетъ свою мысль объ этомъ, а равно и о различіи этого состоянія отъ состоянія водушевленія или экстаза языческихъ пророковъ: „истинные пророки были по истинѣ восхищаемы въ иную высшую область (т. е. во время пророческихъ восторговъ); при чемъ прекращалась у нихъ всякая человѣческая самостоятельная дѣятельность и рефлексія или разумное сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замирала какъ бы и низшая жизнь души; сила созерцанія предметовъ Божественныхъ освобождалась отъ своихъ земныхъ оковъ и дѣлалась способною, подобно чистому зеркалу, воспринимать въ себя и отражать впечатлѣнія Божественной истины. Необыкновенныя тѣлесныя состоянія, сопровождающія экстазъ, порождаются борьбою человѣческаго съ Божественнымъ, которая вмѣстѣ съ побѣдою послѣдняго надъ первымъ оканчивается успокоеніемъ, духъ Божій восхищаетъ духъ человѣческій и въ созерцаніи своемъ сей послѣдній забываетъ и о томъ, и о всемъ человѣческомъ. У языческихъ прорицателей, напротивъ, экстазъ, хотя также сопровождается и выражается отсутствіемъ рефлексіи и сознанія, но эта безсознательность пораждается тѣмъ, что низшія силы души, подъ чуждымъ вліяніемъ становятся въ борьбу и противодѣйствіе съ высшими, является безпорядочное движеніе силъ и способностей душевныхъ, необходимо сопровождающееся безпорядочными движеніями тѣла, является умопомѣшательство, разстройство силъ душевныхъ, сопровождающееся или можетъ быть, происходящее отъ разстройства тѣлеснаго организма. Цѣль борьбы здѣсь не покой; а напротивъ, чѣмъ сильнѣе разстройство и борьба, чѣмъ ядовитѣе раздраженіе, чѣмъ страшнѣе броженіе и штурмъ страстей, тѣмъ болѣе Божественнымъ считалось такое состояніе, для чего во множествѣ употреблялись наркотическія средства. Кратко: состояніе восторга истинныхъ пророковъ было сверхъестественное, состояніе языческихъ прорицателей было неестественное, повременное безуміе, сумашествіе, на что указываетъ и Греческое слово, которымъ назывались эти люди — μάντις отъ μαίνω бѣснуюсь, сумасбродствую. И изъ описаній этихъ прорицателей во время прорицанія видно, что это были люди дѣйствительно помѣшанные, или помѣшавшіеся различными средствами временно“. Надобно сознаться, что въ этомъ мнѣніи много вѣрнаго, особенно въ характеристикѣ экстаза языческихъ про-

рицателей; тѣмъ не менѣе однакоже различіе экстаза сихъ послѣднихъ отъ экстаза истинныхъ пророковъ, а слѣдовательно и характеристика этого послѣдняго экстаза означена невѣрно, понято ложно воодушевленіе истинныхъ пророковъ: 1) Различіе состоянія восторга истинныхъ и языческихъ пророковъ опредѣлено смѣшанно и неправильно оттого, что въ обоихъ этихъ состояніяхъ признается отсутствіе рефлексіи, мысли и сознанія. У языческихъ прорицателей, по убѣжденію изслѣдовавшихъ это дѣло, дѣйствительно сознаніе помрачалось; они не сознавали того, что говорили; у нихъ было затменіе сознанія и самосознанія, и это, какъ увидимъ, объясняли языческіе мыслители философски, такъ что это, по ихъ воззрѣнію, такъ и должно было быть. (Разумѣется, отсюда исключаются не истинные прорицатели, обманщики, надѣвавшіе на себя только маску мантики, языческіе шарлатаны, а равно люди чрезвычайно опытные, но притворявшіеся мантиками, для большихъ успѣховъ; рѣчь идетъ объ истинныхъ мантикахъ). Такъ мантики или прорицатели во время своихъ мантическихъ восторговъ теряли сознаніе; у нихъ было омраченіе сознанія. Но таковы ли были истинные пророки? Нѣтъ, они сохраняютъ полное свѣтлое, ясное сознаніе о своемъ состояніи въ экстазѣ—въ видѣніи; они воспоминаютъ и передаютъ свои видѣнія съ самыми подробными чертами, что, конечно, невозможно было бы, если бы прекращалась у нихъ дѣятельность познавательн. способностей, если бы дѣйствіе духа останавливало дѣйствіе силъ душевныхъ, если бы не было у нихъ рефлексіи, сознанія и самосознанія. Этого именно не было у языческихъ прорицателей; да у нихъ и нѣтъ изображенія этихъ состояній, у нихъ голые, краткіе, афористическіе и загадочные отвѣты на вопросы вопрошавшихъ. Но то ли у истинныхъ пророковъ? Прочтите любое видѣніе пророка, какая точность и подробность! возьмите, напримѣръ, первое видѣніе Іезекіиля, возможно ли представить, чтобы безъ дѣятельности и притомъ усиленной и очищенной дѣятельности познавательныхъ силъ духа, возможно было такъ ясно и отчетливо усвоить черты этого видѣнія и такъ подробно изображать ихъ? Или возьмите, напримѣръ, видѣніе храма тѣмъ же Іезекіилемъ; да впрочемъ возьмите любое видѣніе какого-либо пророка, и увидите то же самое. 2) Генгстенбергъ, въ оправданіе своей мысли ссылается на тѣ мѣста, въ которыхъ пророки изображаютъ силу духа, увлекающаго ихъ такъ, что они никакъ не могутъ противостоять ему и со-

вершенно поддаются его дѣйствію, духъ объемлетъ ихъ и уноситъ непроизвольно въ иную область и носитъ тамъ и т. под. Все это такъ, но и сознаніе, и самодѣятельность пророковъ при семъ отнюдь не прекращаются; они видятъ видѣнія, и при этомъ бесѣдуютъ, спрашиваютъ, отвѣчаютъ, недоумѣваютъ, радуются и т. под Возьмите, напр., тѣ видѣнія, когда пророки призываемы были къ пророческому служенію. Исаія, напр., исповѣдуетъ свою грѣховность при видѣ святаго величія Господа Саваоѳа, изъявляетъ готовность идти на дѣло пророческаго служенія и вопрошаетъ Господа: доколѣ не престанетъ гнѣвъ Его? (глава 6). Пророкъ Іеремія отказывается идти на дѣло пророческое по причинѣ своей молодости; но вдругъ, при прикосновеніи руки Божіей, чувствуетъ готовность свою (гл. 1). Пророкъ Захарія обращается постоянно съ вопросомъ къ Ангелу, который въ видѣніи говорилъ въ немъ (1, 8—9 и др.). Все это было бы необъяснимо, если предположить, что въ восторгѣ у пророковъ прекращалось сознаніе и самодѣятельность силъ душевныхъ не было рефлексіи и самосознанія. Духъ уноситъ ихъ, уноситъ иногда насильственно, непроизвольно (хотя не часто это бываетъ), но—не лишая сознанія, а просвѣтляя и очищая его. При этомъ только и возможны продолжительныя видѣнія и стоянія предъ лицемъ славы Божіей. 3) Совершенно неправильно различать такъ сверхъестественное и неестественное, какъ различаются они въ высказанномъ мнѣніи; насильственное прекращеніе духовной дѣятельности чуждою силою, если только это возможно, также неестественно, какъ неестественно насильственное разстройство способностей душевныхъ, и такое состояніе останется всегда состояніемъ неестественнымъ. Именно потому-то и можно и нужно полагать, что мантика языческая не есть состояніе Божественнаго возбужденія и дѣйствія, что въ ней омраченіе сознанія стоитъ на первомъ планѣ, что оно, это омраченіе—необходимое условіе подобнаго состоянія, можно сказать, сущность его; тогда какъ отличительный характеръ дѣйствія Духа Божія состоитъ не въ томъ, чтобы убивать дѣятельность душевныхъ силъ и вообще разумно-сознательную жизнь человѣка, а напротивъ—оживлять, очищать, укрѣплять, возвышать; Духъ Божій есть духъ, не убивающій человѣческій духъ при соприкосновеніи съ нимъ, а животворящій. 4) Необъяснимо такое чисто объективное представленіе или изображеніе этихъ состояній сами ми пророками, если мы не признаемъ въ нихъ во время этихъ

самыхъ состояній полной дѣятельности силъ душевныхъ, чистоты, ясности и разумности самосознанія, полной дѣятельности рефлексіи. Еще менѣе объяснить можно при такомъ мнѣніи эту индивидуальность, особенность въ способѣ изображенія подобныхъ состояній, свойственную каждому пророку, эту печать личности, которая есть въ изображеніяхъ каждаго пророка. Напротивъ, нисколько не удивительно это, если мы допустимъ полное участіе дѣятельности человѣческаго духа въ подобныхъ состояніяхъ, дѣятельности усвояющей все это откровеніе и изображающей послѣ содержаніе этихъ откровеній. Принятіе откровенія непосредственнаго вообще не сопровождается, не можетъ сопровождаться недѣятельностію душевныхъ силъ человѣка, не есть и не можетъ быть бездѣйствіе ихъ; а напротивъ, очищеніе и возвышеніе дѣятельности каждой силы духа до пониманія Божественнаго и для пониманія его, возбужденіе всего самаго глубочайшаго въ сродномъ Божественному Духу духѣ человѣческомъ, для взаимодѣйствія ихъ: откровенія съ одной стороны, пріемлемости съ другой, пріемлемости разумной сознательной; здѣсь именно нужно взаимодѣйствіе, а не уничтоженіе одного другимъ, иначе не возможно откровеніе. Внутреннее чувство неопредѣленное ничего здѣсь сдѣлать не можетъ. Нужно, чтобы принялъ, понялъ и усвоилъ себѣ сознательно человѣкъ откровеніе Божіе. Это—вообще; то же должно сказать и объ отношеніи духа человѣческаго къ Духу Божественному въ частности и въ состояніи пророческаго восторга; ясность самосознанія, чистота и полнота дѣятельности душевныхъ силъ -- необходимыя принадлежности его.

Итакъ, состояніе истинныхъ пророковъ въ пророческомъ восторгѣ при видѣніяхъ, или пророческій экстазъ, есть состояніе совершенно сознательное и дѣятельное, но отличное отъ обыкновеннаго состоянія человѣческаго сознанія и дѣятельности духовныхъ силъ, такое состояніе, въ которомъ при дѣйствіи непосредственномъ Божественнаго Духа на духъ человѣческій, все суетное и земное въ естествѣ пророковъ прекращало свою дѣятельность, и потому вся внутренняя жизнь ихъ вдругъ сосредоточивалась въ одномъ духовномъ созерцаніи, въ одномъ видѣніи предметовъ міра невидимаго; очищенныя, просвѣтленныя и возвышенныя до созерцанія, пониманія и усвоенія Божественнаго, силы духа человѣческаго отрѣшались на время отъ всего внѣшняго, земнаго, чувственнаго, и жили только въ созерцаніи и усвоеніи открываемаго Духомъ

Божіимъ; духъ человѣческій, восхищенный, какъ бы отдѣлялся отъ тѣла, не чувствовалъ его потребностей, не нуждался въ его внѣшнихъ чувствахъ, и эти чувства какъ бы прекращали свою дѣятельность, свое вліяніе на него, онъ весь былъ одно внутреннее разумно-сознательное созерцаніе. Какъ скоро видѣніе, восхищеніе или восторгъ оканчивался, духъ человѣческій снова чувствовалъ себя среди внѣшняго, чувственнаго, подъ вліяніемъ внѣшнихъ чувствъ, въ неразрывной связи съ ними, пророкъ приходилъ въ себя, но живо и сознательно представлялъ себѣ все представлявшееся ему въ видѣніи.

Теперь, при такомъ представленіи о пророческомъ восторгѣ или экстазѣ измѣняется отношеніе этого состоянія къ экстазу языческихъ прорицателей, и становится болѣе понятнымъ ихъ рѣзкое различіе, или лучше сказать, совершенная особенность. Въ пророческомъ восторгѣ истинныхъ пророковъ—взаимодѣйствіе просвѣтленнаго, возвышеннаго и очищеннаго духа человѣческаго съ дѣйствіемъ на него Духа Божественнаго, въ экстазѣ языческомъ одинъ духъ человѣческій, омраченный и разстроенный, доходитъ до потери сознанія и потому совершенно не нормальной дѣятельности; экстазъ пророческій производится единственно дѣйствіемъ Духа Божественнаго; экстазъ языческій порождается или вліяніемъ разстроеннаго тѣлеснаго организма, или дѣйствіемъ какихъ-либо силъ природы. Одинъ изъ изслѣдователей экстаза языческаго во всѣхъ его видахъ выводитъ положительное слѣдствіе, что всѣ мистическіе экстазы языческихъ мантиковъ имѣютъ свое основаніе въ тѣлесномъ организмѣ этихъ мантиковъ въ расположеніи ихъ къ экзальтаціи, при содѣйствіи или вліяніи извѣстныхъ силъ природы; сильныя страсти чувственныя, болѣзненныя состоянія организма, вліяніе природныхъ силъ на такія организмы, одуряющая пища и питье, наркотическія средства въ сильныхъ пріемахъ,—вотъ, говоритъ онъ, причины необыкновенныхъ экзальтированныхъ состояній Пиѳій, Вакханокъ, въ Шаманизмѣ, ясновидцевъ Лапландскихъ и Шотландскихъ и пр. Вотъ отъ чего, по его мнѣнію, происходитъ то, что эти мантики и прорицатели въ своихъ воодушевленіяхъ вращаются исключительно въ области природы, тогда какъ видцы Еврейскіе вращаются исключительно въ области міра духовнаго, не видимаго. Замѣчательно еще то обстоятельство, по наблюденію его же, что при безсознательности, въ какой находятся эти языческіе пророки во время своихъ воодушевленій, вездѣ у нихъ на первомъ планѣ выступаетъ

свое *я*, интересы эгоистическіе; тогда какъ и тѣни подобнаго не замѣтно въ видѣніяхъ пророковъ истинныхъ; тѣ не могутъ отрѣшиться отъ своихъ эгоистическихъ интересовъ,—не показываетъ ли это, что здѣсь духъ человѣческій оставленъ исключительно себѣ и находится подъ необоримымъ вліяніемъ одной только чувственности, въ области которой человѣкъ осуществляетъ свои эгоистическіе интересы. Наконецъ, экстазъ языческій, совершающійся подъ вліяніемъ внѣшняго, чувственнаго, всегда имѣетъ отношеніе къ извѣстнымъ временамъ года, къ извѣстнымъ явленіямъ природы, къ извѣстнымъ мѣстамъ наконецъ, чего въ экстазѣ пророческомъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда и не можетъ быть. Вообще экстазъ пророческій и манія или фуроръ языческій относятся между собою такъ же, какъ самое нормальное состояніе — здравіе человѣческаго духа взятаго въ себѣ самомъ, очищеннаго и возвышеннаго до созерцанія Божественнаго, къ болѣзни духа, находящагося подъ необоримымъ вліяніемъ внѣшняго чувственнаго элемента: мантика—проявленіе болѣзненнаго состоянія духа и тѣла, поелику или внѣшними чувственными средствами вызывается экзальтація въ немъ преднамѣренно, напримѣръ, употребленіемъ сильныхъ наркотическихъ средствъ, или это—просто ненормальное состояніе духа, разстройство гармоніи душевной и духовной жизни, принимаемое за Божественное воодушевленіе. Здравіе духа въ этомъ отношеніи у истинныхъ пророковъ основывается и покоится на истинныхъ, нормальныхъ отношеніяхъ духа человѣческаго къ Духу Божественному, на общеніи, на сродствѣ духа чаловѣческаго съ духомъ Божественнымъ, вслѣдствіе чего, при взаимодѣйствіи ихъ, не уничтожается свобода духа человѣческаго, его самостоятельность, а вступаетъ онъ въ высшую жизнь Духа Божія, участвуетъ въ этой жизни, блаженствуетъ въ ней. Болѣзнь же духа въ языческой мантикѣ выражается совершеннымъ подчиненіемъ духа чувственности, при чемъ его разстройство, омраченіе сознанія—необходимые результаты при его напряженномъ состояніи. Тамъ духъ во всей его чистотѣ, какъ бы отдѣлившійся отъ всего чувственнаго и погружающійся въ видѣніе безконечнаго Духа; здѣсь духъ въ его нечистотѣ, совершенно связанный чувственнымъ внѣшнимъ эгоистическимъ, погруженный въ эго чувственное и эгоистическое и разстроивающійся при ихъ возбужденномъ взаимодѣйствіи.

V.

Чтобы этотъ отзывъ о языческихъ мантикахъ или прорицателяхъ не показался поверхностнымъ и бездоказательнымъ, мы изложимъ важнѣйшія свидѣтельства о нихъ древнихъ, и притомъ не христіанскихъ писателей, которыхъ можно было бы, пожалуй, подозрѣвать въ пристрастіи, а самихъ язычниковъ, у которыхъ предъ глазами были эти прорицалища или оракулы, и которыхъ можно подозрѣвать въ пристрастіи въ пользу ихъ развѣ, а не во вредъ. При этомъ, надѣемся, еще рѣзче обнаружится различіе между пророками истинными и прорицателями языческими, или лучше, ихъ совершенная особенность. Итакъ, что же открывается изъ свидѣтельствъ языческихъ писателей о ихъ пророкахъ? То, что мы кратко высказали уже.

Мы сказали, что мантика въ формѣ пророческаго экстаза у язычниковъ, это—экзальтація предрасположенныхъ къ ней натуръ, производимая различными искусственными средствами, экзальтація до совершеннаго омраченія сознанія, до полной безсознательности. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что прорицалище или оракулъ въ языческомъ мірѣ обыкновенно привязанъ былъ къ извѣстнымъ опредѣленнымъ мѣстамъ, такъ что прорицатель или прорицательница именно только въ этихъ мѣстахъ и могли приходить въ экстатическое состояніе, окруженные при томъ тайною, въ другихъ же мѣстахъ не обнаруживали этой способности. Таковы—Пиѳія въ Дельфахъ, оракулъ Кларійскаго Апполлона при Колоѳонѣ, Дидимейскаго Аполлона въ Милетѣ, Лигирійскій оракулъ во Ѳракіи и пр. и пр., о которыхъ мы имѣемъ свидѣтельства. Мы будемъ имѣть дѣло лишь съ важнѣйшими.—И во всѣхъ этихъ и подобныхъ мѣстахъ экстазъ прорицателей и прорицательницъ, вообще оракуловъ, производился искусственно, посредствомъ извѣстныхъ силъ природы и употребленія извѣстныхъ средствъ. Такъ, въ Дельфахъ, гдѣ уже самое положеніе мѣста въ глуши дикой, орошаемой небольшой рѣкой, долины Парнаса, располагало душу особенно суевѣрнаго язычника и особенно язычницы къ особенному настроенію, воодушевленіе или экстазъ Пиѳіи производился посредствомъ особыхъ, наркотическихъ, испареній въ родѣ какого-то чада, выходившаго изъ дикой разсѣлины, надъ которой стояло внутреннее святилище храма, и въ которую еще проведенъ былъ рукавъ изъ свя-

щеннаго источника Кассотисъ. Здѣсь въ таинственной обстановкѣ, сидя на треножникѣ, жуя листья лавроваго дерева и напившись изъ помянутаго источника, Пиѳія насыщалась эгими испареніями и приходила въ экстазъ, въ которомъ ей представлялось безъ сомнѣнія то, о чемъ натолковали ей жрецы, бывшіе при ней переводчиками или истолкователями ея оракульскихъ изреченій. О такомъ искусственномъ способѣ произведенія экстаза Пиѳіи Дельфъ свидѣтельствуютъ Страбонъ, Павзаній, Діонисій Сицилійскій, Плутархъ и Цицеронъ. Страбонъ эти испаренія называетъ—πνεύμα (вѣтеръ) ἐνθυσιαστικον. Павзаній говоритъ: ταυτης Κασσώτιδος τό ὕδωρ ἐν τῶ ἀδίττω τυ θειυ τάς γυνέκας μαντικὰς ποιεῖν; въ томъ же родѣ и друг. свидѣтельства. Подобнымъ образомъ оракулъ Эгирскій приходилъ въ экстазъ посредствомъ чрезмѣрнаго употребленія крови жертвенныхъ животныхъ (Павзаній). Жрица Аполлонова оракула на Акрополисѣ въ Аргосѣ приходила въ экстатическое состояніе, напиваясь кровью ночью приносимаго въ жертву ягненка (онъ же). Прорицатель Колоѳонскаго оракула приходилъ въ экстазъ, напившись, послѣ торжественнаго жертвоприношенія, изъ священнаго источника, который находился у основанія священной высоты, гдѣ былъ оракулъ (Тацитъ); по всей вѣроятности этотъ источникъ былъ такого же рода, какъ и въ Дельфахъ. При оракулѣ Бранхидскомъ жрица мыла ноги и кромки своего платья въ водѣ священнаго источника; паръ, поднимавшійся отъ этого, она втягивала въ себя и отъ этого приходила въ экстазъ. Оракулъ Діониза во Ѳракіи извѣстенъ былъ въ древности, какъ чрезмѣрно много употреблявшій вина, и отъ этого приходившій въ особенное состояніе—экстаза (Плиній). И многое множество такихъ отзывовъ объ оракулахъ у древнихъ, и въ частности объ извѣстныхъ оракулахъ, и вообще. Овидій говоритъ объ источникахъ, изъ которыхъ пили прорицатели, и воды которыхъ, вѣроятно, съ примѣсью какихъ-либо одуряющихъ средствъ, приводили въ манію: „кто пьетъ изъ нихъ, неистовствуетъ (furit); дальше бѣги отъ нихъ всякій, кто заботится о здоровьѣ ума своего“. А Цицеронъ говоритъ „множествомъ средствъ приходятъ въ воспламененіе такіе люди“ Какихъ еще свидѣтельствъ требовать, чтобы видѣть, что мантика—не нормальное состояніе души и тѣла. потемнѣніе сознанія посредствомъ разныхъ одуряющихъ средствъ, именно потемнѣніе сознанія—безсознательность, какъ видно изъ объясненій Плутарха и Платона. Гдѣ же мы найдемъ что-либо подобное

въ Еврейской исторіи у еврейскихъ пророковъ, и какъ же можно сравнивать состояніе ихъ восторга при видѣніяхъ съ безумнымъ потемнѣніемъ сознанія у языческихъ мантиковъ?

Можно теперь понять, почему и всѣ другія условія проявленія Еврейскаго пророчества и мантики такъ различны или лучше—совершенно противоположны.

а) Произведенная одуреніемъ экзальтація, или помраченіе сознанія, при извѣстной настроенности, порождала смѣшенные и странные образы и странную рѣчь, для поясненія которой нужны были особые толкователи. При помянутомъ оракулѣ Дельфійскомъ были пять мужей, называемыхъ ὅσιοι, которые одни только могли приближаться къ треножнику на которомъ сидѣла Пиѳія, и слушать ея рѣчи. На нихъ и лежала обязанность безсознательно произносимымъ словамъ и безсвязнымъ, не имѣющимъ значенія звукамъ Пиѳіи, находящейся въ экстазѣ, давать толкъ, смыслъ, связь и значеніе, и такимъ образомъ отвѣчать вопрошавшимъ. Толкователи—пророки были точно также при оракулѣ Діониза во Фракіи, и у Аполлона Птойскаго (Геродотъ). То же самое было и въ другихъ мѣстахъ. Эти толкователи были большею частію жрецы, предъ которыми благоговѣлъ народъ, и слѣдовательно все это, можетъ быть, какъ положительно впрочемъ говорятъ нѣкоторые, было не болѣе, какъ fraus pia жрецовъ. Да и самые прорицатели и прорицательницы были изъ жреческаго рода. Было ли хоть что-нибудь подобное въ исторіи Еврейскаго пророчества?

б) Отвѣты пророковъ и пророчицъ языческихъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена, были сообщаемы вопрошавшимъ въ поэтической формѣ рѣчи, краткіе, отрывочные, загадочные, большею частію въ формѣ героическихъ народныхъ легендъ, въ формѣ гекзаметра, который потому и называется дельфійскимъ или пиѳійскимъ стихомъ. Для сложенія подобныхъ стиховъ были при оракулахъ особые поэты или стихослагатели (Страбонъ и Плутархъ). Впрочемъ въ позднѣйшее время Пиѳія перестала отвѣчать стихами, что и было причиной невѣрія въ оракулъ (Плутархъ), а вольнодумцамъ языческимъ подало поводъ къ насмѣшкамъ надъ оракуломъ (Лукіанъ), противъ которыхъ вѣрующіе язычники защищались, придумывая разныя болѣе или менѣе остроумныя, но всегда фальшивыя объясненія этого факта, какъ, напримѣръ, вѣрующій Плутархъ въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: почему Пиѳія перестала отвѣчать стихами.

в) Для полученія оракульскихъ изреченій или отвѣтовъ были назначены извѣстныя времена. Первоначально, во времена древнѣйшія для этого назначенъ былъ одинъ только седьмой день перваго весенняго мѣсяца—Пиѳіосъ, или по Дорическому діалекту, Бизіосъ, когда съ торжественнымъ величіемъ раздавались отвѣты всѣмъ вопрошавшимъ, которыхъ собиралось къ этому времени несмѣтное количество, и которыхъ порядокъ опредѣлялся жребіемъ (Есхилъ). Впослѣдствіи это дѣлалось по разу въ мѣсяцъ (Плут. ἅπαξ ἑκάστυ μηνός), а еще позднѣе, изрекались отвѣты Пиѳіи и въ другіе дни, по желанію вопрошавшихъ, особенно великихъ лицъ, и особенно пословъ отъ государствъ и государей. Впрочемъ и въ это время были такъ называемые несчастные дни (ἡμέραι ἀποῤῥάδες), когда Пиѳія не всходила на свой треножникъ, можетъ быть, дни, когда не могла Пиѳія приходить въ экстазъ, не смотря на употребленіе одуряющихъ средствъ, по какимъ-либо чисто органическимъ причинамъ. Придирались въ этомъ случаѣ къ какимъ-нибудь несчастнымъ примѣтамъ, напр., если при жертвоприношеніи пролетѣла или крикнула какая-либо птица, считающаяся несчастной, или не такъ клокотала вода, или оселъ заревѣлъ и пр. и пр., и объявляли этотъ день несчастнымъ, когда боги не хотятъ открыть прорицалищу воли своей (Плут.).

г) Характеристическимъ признакомъ оракуловъ и окружавшихъ ихъ жрецовъ было корыстолюбіе и богатство. Это, кажется, было не маловажною цѣлію прорицалищъ. Вопрошеніе и отвѣты оракуловъ предваряемы были со стороны вопрошавшихъ богатыми жертвами, подарками и приношеніями оракуламъ. Изъ нихъ составлялось огромное богатство, заключавшееся въ оракульскихъ хранилищахъ (θυσαυροί), которыми и пользовались жрецы и жрицы оракуловъ.

д) Важнымъ характеристическимъ признакомъ прорицалищъ была наслѣдственность прорицательской способности въ какомъ либо священномъ родѣ. Это не всегда было, но по большей части такъ. Такъ было при Дельфійскомъ оракулѣ. Въ Милетѣ при оракулѣ Аполлона Дидимейскаго, котораго культъ перешелъ и къ Іонійцамъ, жрецы и прорицатели происходили всѣ изъ одного древняго рода Бранхидовъ, потомковъ сказочнаго дельфійца Бранха, почитавшагося за основателя капища, гдѣ былъ дидимейскій оракулъ Аполлона. При оракулѣ Аполлона Кларійскаго при Колофанѣ прорицаніе и жречество было послѣдственнымъ въ одномъ древнемъ родѣ, который производилъ себя отъ древняго Ѳивскаго прорицателя Терезія. Въ

большомъ уваженіи былъ родъ пелопонезскихъ прорицателей Ямидовъ, которымъ принадлежалъ знаменитый Юпитеровъ оракулъ близь Олимпа, и члены котораго завели и другіе оракулы впослѣдствіи, отдѣлившись отъ главнаго (Цицеронъ).

е) Двусмысленность языческихъ прорицалищъ извѣстна; дѣло понятное, что это—толкованія неопредѣленныхъ, безсознательныхъ изреченій Пиѳіи хитрыми жрецами, по ихъ посильному разумѣнію событій настоящихъ и будущихъ.

ж) Мы сказали уже, что изреченія языческихъ оракуловъ не болѣе, какъ афоризмы и—въ нихъ нѣтъ ни одного принципа, ни одного духа.

Но довольно; по плодамъ древо познается; по проявленіямъ виденъ характеръ проявляемаго. Можно ли видѣть въ исторіи Еврейскаго пророчества что либо подобное этимъ проявленіямъ прорицательскаго духа, весьма характеристичнымъ? Не привязанное ни къ мѣсту, ни къ роду, не нуждающееся ни въ какихъ посторонних таинственныхъ возбужденіяхъ, не окруженное никакими жрецами и жрицами, не имѣвшее въ виду ничего, кромѣ закона Іеговы, не требующее никакихъ постороннихъ истолкователей, выражавшееся всегда ясно по возможности и опредѣленно, съ однимъ духомъ, съ однимъ принципомъ въ продолженіе слишкомъ 1000 лѣтъ,—оно было поистинѣ отраженіемъ Божественнаго Духа, откровеніемъ воли истиннаго Бога—Іеговы, тогда какъ то было экзальтаціей потемненнаго сознанія, или натуральнымъ экстазомъ въ грубомъ смыслѣ слова. И возможно ли, повторяемъ, сравнивать эти состоянія, и видѣть въ нихъ хоть какое-нибудь единство принципа или начала, единственно потому что тѣ и другіе находились не въ обыкновенномъ состояніи характеризуемомъ словомъ ἔκστασις. Дѣло въ томъ, что это за состояніе.

Не безынтересно теперь знать, какъ относились мыслящіе люди языческой древности, философы, напримѣръ, языческіе къ этому роду мантики, т. е. экстазу Пиѳіи и прорицателей. Таинственностью облекли все это жрецы языческіе, тѣмъ не менѣе проявленія экстатическія не могли быть не извѣстны. Какъ же объясняли это люди мыслящіе? Безъ всякаго сомнѣнія, соотвѣтственно съ своими религіозными и философскими представленіями о Богѣ и мірѣ. Возьмемъ важнѣйшія, замѣтивъ предварительно, что по большей части не вѣрили они этимъ пророкамъ и пророчицамъ, иные только примѣнялись къ народной вѣрѣ въ нихъ, но были и искренно вѣровавшіе и силившіеся показать и объяснить ихъ Божественное про-

исхожденіе и достоинство. Осмыслить и объяснить мантику въ формѣ экстаза языческихъ прорицателей философскимъ путемъ представлялось возможно двоякимъ образомъ: можно было производить этотъ экстазъ или а) изъ естественныхъ силъ природы, подчиненной богамъ, или б) признать въ немъ погруженіе въ божество, отчужденіе отъ всего земнаго и созерцаніе сверхчувственнаго. Представителемъ перваго объясненія можно почесть главнымъ образомъ Плутарха - жреца, наблюдавшаго оракуловъ и написавшаго цѣлое сочиненіе объ этомъ. Вотъ его мнѣніе: энтузіазмъ пророковъ, говоритъ онъ, имѣетъ основаніе въ извѣстномъ устройствѣ и расположеніи тѣлеснаго, организма (κράσει καὶ διαθέσει τȣ σώματος). Какъ вообще происходитъ много вліяній на тѣлесный организмъ отъ земли, такъ въ частности въ ней есть нѣчто такое, что производитъ воодушевленіе и экстазъ мантиковъ и что по своему существу весьма сродно съ человѣческой душой. Это нѣчто принимается человѣкомъ или чрезъ посредство воздуха или чрезъ посредство влаги, и дѣйствуетъ на душу точно такъ же, какъ огонь на металлъ, или дѣйствіе этого нѣчто на возбужденіе духа подобно тому, какое производитъ на мозгъ чадъ вина. Вотъ почему можетъ случиться естественно и случается что нѣкоторые оракулы совершенно умолкаютъ, когда мантическія испаренія земли, по причинѣ землетрясеній или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ физическихъ причинъ, уходятъ въ глубь земли или вовсе исчезаютъ, равно какъ изчезаютъ колодцы, источники и ключи священные. (Замѣтимъ, что Плутархъ жилъ уже въ періодъ, когда отжили свой вѣкъ оракулы и когда была уже послѣдняя вспышка мнимо-пророческаго энтузіазма въ Греко-римскомъ язычествѣ). Но защитникъ божественнаго ихъ достоинства--Плутархъ продолжаетъ; „впрочемъ, я не хочу сказать этимъ, что пророческій энтузіазмъ есть только дѣйствіе естественныхъ причинъ, а не производится самими богами. Человѣческая душа уподобляется въ этомъ случаѣ музыкальному инструменту; естественныя силы земли какъ-то—испаренія, воды, кровь и проч. суть струны, но Богъ—художникъ управляетъ ими и играетъ. Ибо, продолжаетъ онъ, какъ, по Платонову ученію, всякое явленіе есть продуктъ матеріи и движущей ее Божественной силы, такъ и здѣсь: энтузіазмъ мантиковъ есть продуктъ естественныхъ нѣкоторыхъ силъ природы и Божественной силы въ ихъ дѣйствіи на душу человѣка".—Таковъ результатъ наблюденій Плутарха. Очевидно, что самая сущность объясненія—

изъ естественныхъ силъ природы въ ихъ дѣйствіи на душу человѣка, это фактъ, а дополненіе, что здѣсь дѣйствуютъ и боги, очевидно вставлено только для оправданія ихъ божественнаго достоинства, приданнаго имъ народной вѣрой, и его можно оставить въ сторонѣ.

Представителемъ объясненія энтузіазма языческихъ прорицалищъ болѣе такъ сказать духовнымъ образомъ, независимо отъ дѣйствія извѣстныхъ естественныхъ средствъ экзальтаціи, служитъ поэтъ-философъ Платонъ. Его объясненіе противоположно Плутархову, хотя Плутархъ и ссылается на него, и сходятся они оба въ томъ только, что это состояніе—*безсознательное.* Не обращая вниманіе на тѣ средства, какими возбуждается это состояніе, Платонъ разсматриваетъ только его само въ себѣ и объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: энтузіазмъ или экстазъ пророковъ—это такое состояніе, въ которомъ духъ, безъ посредства самосознающей мысли, чрезъ непосредственное Божественное прикосновеніе, дѣлается участникомъ истиннаго, добраго и прекраснаго. Здѣсь пробуждается въ духѣ воспоминаніе о томъ, что онъ созерцалъ въ состояніи предсуществованія, т. е. до тѣхъ поръ, пока не заключенъ былъ въ темницу этого земнаго тѣла. (Извѣстно, что любимая Платонова идея—предсуществованіе свободнаго отъ тѣла духа, который посылается въ тѣло какъ въ темницу и рвется постоянно изъ этой темницы). Подобно пойманной птичкѣ, продолжаетъ философъ-поэтъ, рвется онъ за границу своего плѣна, чтобы вознестись выше эмпирическаго міра явленій къ своему первоначалу—къ міру вѣчныхъ идей, въ истинно-сущее (τό ὄντως ὄν). Онъ отрывается отъ обыденныхъ человѣческихъ отправленій и весь устремляется единственно къ Божественному, и потому обыкновенные люди, не могущіе понять этого состоянія, часто считаютъ такого человѣка сумасшедшимъ, неистовымъ, бѣснующимся. Такъ какъ это состояніе—безсознательное, то все, сказанное въ состояніи энтузіазма или экстаза, говоритъ Платонъ, необходимо требуетъ истолкованія, иначе оно непонятно. Для насъ довольно изъ этого объясненія замѣтить, что это состояніе экстаза языческихъ пророковъ—безсознательное и потому сказанное въ немъ требуетъ толкованія, довольно, говоримъ, чтобы видѣть совершенное отличіе этихъ пророковъ отъ пророковъ истинныхъ. Вѣрно ли остальное—это зависитъ отъ взгляда на вѣрность или не вѣрность философской системы міросозерцанія Платона. Итакъ, изъ объясненія двоихъ древнихъ мыслителей,

путемъ философскимъ трактовавшихъ языческихъ прорицателей, видно несомнѣнно, что энтузіазмъ ихъ есть безсознательное состояніе, производимое разными естественными средствами. Это—фактъ, идеальное же объясненіе его у нихъ предъ судомъ исторіи оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ несостоятельны тѣ теоретическія начала ихъ философіи, на которыхъ основывается это объясненіе.

VI.

Изъ того, что пророки, въ то время, какъ получали Божественныя откровенія въ видѣніяхъ, находились не въ обыкновенномъ, а въ особенномъ состояніи пророческаго воодушевленія или созерцанія, происходитъ много важныхъ особенностей въ передачѣ или изложеніи откровеній въ ихъ пророческихъ рѣчахъ. Мы покажемъ теперь эти особенности, свойственныя пророческимъ рѣчамъ, сравнительно съ другими произведеніями Богопросвѣщенныхъ писателей священныхъ книгъ, обращая вниманіе на отношеніе ихъ къ этой формѣ Божественныхъ откровеній, къ пророческому восторгу—созерцанію.

1) Если во время откровеній пророки были въ особенномъ состояніи внутренняго созерцанія: то нельзя ожидать, чтобы они изображали въ своихъ пророческихъ рѣчахъ предметы откровеній вообще въ ихъ *полномъ объемѣ*, систематически, въ разсудочной послѣдовательности и во всѣхъ ихъ отношеніяхъ. Пророкъ, справедливо замѣчаетъ Гердеръ, былъ отнюдь не проповѣдникъ въ нашемъ смыслѣ слова, или публичный ораторъ, тѣмъ менѣе объяснитель какого-либо догматическаго мѣста. Такой полный, разсудочно связный и послѣдовательный образъ изложенія для нихъ не возможенъ, по самому характеру и способу откровеній, которыя они должны возвѣщать людямъ; такого способа изложенія можно требовать лишь отъ разсудочнаго, болѣе или менѣе отвлеченнаго способа мышленія, а не отъ непосредственнаго, нагляднаго, такъ сказать, созерцанія духовнаго. Пророки всякій разъ изображаютъ только то, что имъ открывалось въ духовномъ созерцаніи, въ извѣстномъ случаѣ, а открывалось имъ всякій разъ только то, что при извѣстномъ данномъ положеніи было возможно по ихъ духовному настроенію, что было нужно и цѣлесообразно. Этотъ характеръ отрывочности имѣютъ пророческія рѣчи особенно тѣ, въ которыхъ раскрывается Мессіанская идея, и его никакъ нельзя опускать изъ виду при объясненіи Мессіан-

скихъ пророчествъ, чтобы имѣть о нихъ правильное представленіе и не впасть во множество ошибокъ въ противномъ случаѣ. Ученіе о Мессіи и Его царствѣ пророки никогда не изображаютъ во всей его полнотѣ и подробностяхъ, въ связи и послѣдовательности. То по преимуществу изображаютъ они лицо Мессіи съ извѣстной стороны; то, нисколько не упоминая о Немъ, изображаютъ лишь свойства и характеръ Его царства въ какихъ либо частныхъ чертахъ, часто описываютъ самыя подробныя черты Его лица или царства, преходя молчаніемъ общія болѣе важныя; иногда останавливаются они только на торжественныхъ радостныхъ происшествіяхъ будущаго, иногда обращаютъ взоръ свой преимущественно къ событіямъ печальнымъ, трогательнымъ; иногда соединяютъ сходное по предметамъ, но разное по времени, въ одно изображеніе, проходя молчаніемъ различіе ихъ въ отношеніи ко времени. Такъ, напр., пророкъ Іеремія (23, 5—8) соединяетъ въ одно изображеніе обращеніе первенцевъ Іудейскаго народа къ Мессіи и ожидаемое въ будущемъ всеобщее обращеніе Евреевъ, преходя молчаніемъ имѣющее произойти между тѣмъ и другимъ событіемъ ослѣпленіе и ожесточеніе, а вслѣдствіе того и отверженіе большей части Израильскаго народа. Точно то же у пророка Іезекіиля (37, 21—28). Напротивъ, Даніилъ и Малахія изображаютъ другую сторону, ожесточеніе народа, опустошеніе земли и города и проч. и пр. Эту особенность пророческихъ рѣчей, можетъ быть, имѣлъ въ виду Апостолъ Павелъ, когда говорилъ: *отъ части познаваемъ и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор 13, 9). Важное слѣдствіе этой особенности пророческихъ рѣчей то, что на всѣ частныя отдѣльныя пророчества нужно смотрѣть, только какъ на части одной общей великой картины, и что только тогда можно составить эту общую картину, когда всѣ отдѣльныя черты ея собрать и соединить, давъ каждой свойственное ей мѣсто. Это намъ тѣмъ легче сдѣлать, что въ прошедшемъ, въ исторіи, мы имѣемъ путеводную нить, которая указываетъ каждой чертѣ свое мѣсто.

Въ области раціоналистической критики и экзегеза, какъ вообще свойство и характеръ пророчества, такъ въ частности и разсматриваемая особенность пророческихъ рѣчей, часто ложно понимаются и трактуются. Силятся изъ этой особенности вывести то слѣдствіе, что въ отношеніи къ пониманію и изображенію Мессіанской идеи между разными пророками есть разногласіе, и на этомъ основываютъ доказательство про-

сто человѣческаго происхожденія и характера этихъ пророчествъ, а не Божественнаго. Если, напримѣръ, Іоиль изображаетъ только свойства царства Мессіи, а не говоритъ о самомъ Лицѣ Мессіи: то изъ этого заключаютъ, что его ожиданія не простирались *на Лице одного Мессіи.* Если Іеремія говоритъ о Мессіи только въ славѣ и величіи Его: то заключаютъ, что Онъ не зналъ и не ожидалъ страждущаго, уничиженнаго Мессіи. Фальшь такого взгляда не трудно видѣть даже съ точки зрѣнія самихъ держащихся этого взгляда. Если бы этотъ взглядъ былъ справедливъ: то можно вывести такое заключеніе, что пророки не только между собою, но и сами съ собою стоятъ въ противорѣчіи. Такъ напримѣръ у Исаіи во 2-й главѣ, точно такъ же какъ у Іоиля, находится изображеніе Мессіанскаго царства безъ упоминанія о Лицѣ Мессіи. Но въ стоящей въ связи съ этой рѣчью рѣчи, сказанной, какъ можно заключать, въ то-же время, рѣчь идетъ о Лицѣ Мессіи (гл. 4) Еще яснѣе и съ частнѣйшими чертами рѣчь о Лицѣ Мессіи въ 7-й главѣ его книги. Точно такъ же во второй части его пророчествъ рядомъ съ общими изображеніями Мессіанскихъ временъ стоятъ изображенія Самаго Лица Мессіи, но-отдѣльно. Іеремія въ 31, 31 сл. говоритъ вообще о свойствахъ царства Мессіи, а въ 23, и въ другихъ мѣстахъ, только о Лицѣ Мессіи. Исаія изображаетъ во многихъ мѣстахъ прославленнаго Мессію, въ другихъ начертываетъ образъ уничиженнаго, страждущаго Мессіи, *поставляя уничиженіе причиною прославленія.* Если при разсмотрѣніи пророчествъ мы должны въ этомъ отношеніи поступать такъ же, какъ обыкновенно поступаемъ съ произведеніями свѣтскихъ мыслителей, т. е. опредѣлять ученіе напримѣръ извѣстнаго философа не по какимъ-либо отдѣльнымъ мѣстамъ, но вообще изъ всего содержанія и духа его писаній: то изъ этого видно, что мы тогда только можемъ узнать напр. Мессіанскія представленія пророка, когда разрозненныя и встрѣчающіяся въ различныхъ мѣстахъ черты совокупимъ въ одинъ цѣлый образъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что если нѣкоторыя черты остались не обозначенными: то изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, будто пророкамъ и неизвѣстны были эти черты вовсе. Несостоятельность такого слѣдствія открывается уже изъ того, что въ такомъ случаѣ нужно думать, будто позднѣйшіе пророки не знали прежде высказанныхъ пророчествъ, не знали вѣрованій цѣлаго народа и проч., что, очевидно, несправедливо и не возможно предположить. Основаніе такого неправильнаго по-

нимавія разсматриваемой особенности пророческихъ рѣчей то, что пророковъ хотятъ считатѣ или догматистами или публицистами, и потому ожидаютъ, или требуютъ, что если уже они начали говорить объ извѣстномъ предметѣ: то должны сказать о немъ по возможности все, что можно придумать и сказать о немъ. Но если смотрѣть на нихъ такъ, какъ должно, какъ на видцевъ Божественныхъ откровеній: то нѣтъ ничего страннаго, а напротивъ очень естественно, что они говорятъ только о томъ, что открыто имъ въ видѣніи, не присоединяя того, что они могли знать изъ прежнихъ откровеній, изъ откровеній другихъ *подобныхъ имъ мужей, изъ закона, исторіи* и народной вѣры. Оттого у нихъ—частности и разрозненныя черты въ изображеніяхъ, неполнота, непослѣдовательность и проч.

2) Если посредствомъ для Божественныхъ откровеній пророкамъ было внутреннее созерцаніе сихъ послѣднихъ: то изъ этого *должно было* произойти особенное представленіе и *изображеніе будущаго* въ откровеніи; именно, пророкамъ свойственно было будущее представлять въ одной общей картинѣ съ настоящимъ; ибо они все, что открывалось имъ, могли созерцать и созерцали, такъ сказать, въ одной перспективной картинѣ. Отсюда объясняются нѣкоторыя весьма важныя особенныя частности въ пророческихъ рѣчахъ въ отношеніи къ изображенію открываемыхъ имъ въ будущемъ событій.

а) При такомъ образѣ откровеній, нисколько не удивительно, если пророки, при возвѣщеніи этихъ откровеній, о происшествіяхъ и лицахъ отдаленнаго и отдаленнѣйшаго будущаго говорятъ такъ, какъ будто бы видятъ ихъ предъ собою и на нихъ указываютъ. Такъ, напримѣръ, пророкъ Исаія, говоря о временахъ Мессіи, какъ бы видитъ передъ собою начало этого времени, и говоритъ, что у насъ *родилось* дитя, *данъ* намъ сынъ, на раменахъ коего держава, и которому *наречено* имя: чудный, многосовѣтный, прозорливый, Богъ крѣпкій, вѣчный, отецъ, князь мира (9, 6—7). Точно такое же указаніе какъ бы уже на явившагося Мессію, въ словахъ Божіихъ, сказанныхъ чрезъ пророка Исаію: вотъ рабъ мой, котораго я поддерживаю, избранный мой, котораго любитъ душа моя; я возложилъ на Него Духъ мой и онъ возвѣститъ народамъ законы и проч. (42, 1. 2). Такъ въ 45 гл. 1 и дал. 13 у того же пророка Корешь, освободитель народа Божія изъ плѣна, представляется какъ бы въ настоящемъ, какъ бы появившимся уже съ своей могучей силой и помощію Іеговы,

Который даетъ ему эту силу. Такихъ мѣстъ въ пророческихъ писаніяхъ встрѣчается очень много. Отрицаніе этой особенности, а равно и неправильное пониманіе ея, довело нѣкоторыхъ особенно раціоналистическихъ толкователей до мысли, что въ этихъ мѣстахъ говорится о дѣйствительно явившихся лицахъ и совершившихся уже событіяхъ, вслѣдствіе чего таковые толкователи извращали смыслъ этихъ мѣстъ или кидали тѣнь подозрѣнія на время происхожденія подобныхъ пророчествъ и вообще доходили до извращенія исторіи въ томъ видѣ, какъ она изображена въ книгахъ Ветхо-завѣтнаго канона и понимается традиціей. А между тѣмъ, этому такъ и слѣдовало быть во многихъ случаяхъ: пророки видѣли событія и лица не столько, такъ сказать, во времени, сколько въ пространствѣ, въ одной картинѣ, и изображая въ рѣчи видѣнія, о будущихъ предметахъ иногда говорили, какъ о настоящихъ присущихъ имъ и не опредѣляли времени послѣдовательнаго преемства событій, или вообще времени предрекаемыхъ событій, исключая особенные случаи, когда были сообщаемы имъ болѣе точныя откровенія. Впрочемъ, въ последнее время эту особенность прор. рѣчи стали цѣнить болѣе по достоинству. Бунзенъ напримѣръ видитъ въ этой чертѣ характеристическое преимущество Ветхо-завѣтнаго пророчества предъ прорицаніемъ натуральнаго ясновидѣнія.

б) Изъ этой особенности объясняется неточность пророковъ въ употребленіи временъ глаголовъ и замѣтная перемѣна ихъ въ одномъ предложеніи: то въ прошедшемъ ставятъ они глаголы, то въ настоящемъ, то въ будущемъ, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ. Прежде объясняли, да и нынѣ еще объясняютъ нѣкоторые, поставленіе глаголовъ въ настоящемъ или прошедшемъ времени, когда пророки говорятъ о будущихъ событіяхъ, тѣмъ, что они дѣлали это, чтобы показать совершенную достовѣрность и истинность своего пророчества. Можетъ быть; но не удобнѣе ли эту особенность въ обозначеніи временъ объяснять тѣмъ, что они видѣли лица и событія не столько во времени, сколько въ пространствѣ и какъ бы въ настоящемъ, не всегда зная время и преемство событій и потому говорятъ о нихъ то въ прошедшемъ, то въ настоящемъ, то въ будущемъ, вообще не совсѣмъ опредѣленно относительно времени.

в) Изъ этой особенности пророческой рѣчи объясняется та частная особенность, что пророки не опредѣляютъ *времени исполненія* открываемыхъ имъ событій, если объ этомъ нѣтъ

особеннаго частнаго откровенія Божественнаго, какъ, напримѣръ, Даніилу о седминахъ, или Іеремін о времени плѣна. Пророки, очень естественно, сами не знали, когда сбудется открываемое имъ въ будущемъ событіе; они видятъ его исполненіе, но не во времени. Пророки,—весьма вѣрно замѣчаетъ объ этомъ одинъ изъ толкователей,—озаряемые Божественнымъ свѣтомъ, часто прозрѣвали въ будущее, но прозрѣвали такъ, какъ бываетъ съ нами, напримѣръ, когда мы вперяемъ взоръ свой въ небесныя пространства, усѣянныя звѣздами; именно мы видимъ, что звѣзда выше насъ; но какъ велико разстояніе между ними и нами, которыя изъ нихъ ближе къ намъ, которыя дальше отъ насъ, насколько ближе, насколько дальше, этого непосредственно не знаемъ мы. Точно то же и съ пророками; они созерцаютъ предъ собою картину событій, имъ открывается иногда при этомъ, или они сами угадываютъ, что эти событія еще будутъ; но когда? если нѣтъ особаго откровенія объ этомъ они не знаютъ. Вотъ почему пророки обыкновенно когда говорятъ, напримѣръ, о Мессіанскихъ временахъ, говорятъ неопредѣленно о томъ, скоро ли наступятъ они; ихъ обычная фраза при этомъ—*всахаритъ гайомимъ*, значитъ собственно въ послѣдующіе дни, въ послѣдующія времена. Сами пророки иногда прямо говорили, что время исполненія извѣстныхъ событій неизвѣстно имъ, а извѣстно одному только Богу (Зах. 14, 7). Отсюда объясняется одна характеристическая и очень важная особенность пророчествъ, безъ познанія которой большая часть пророчествъ можетъ быть понята и истолкована совершенно ложно, именно та особенность, что происшествія, которыя раздѣлены между собою длиннымъ періодомъ времени, являются въ рѣчахъ пророческихъ въ сопоставленіи одно съ другимъ, какъ будто бы они должны произойти непосредственно одно въ слѣдъ за другимъ. Въ созерцаніи пророковъ была только современность событій, а отнюдь не отдаленная ихъ послѣдовательность, не далекое разстояніе между ними. Поясшимъ сказанное нѣкоторыми примѣрами. Городу Вавилону нанесенъ первый роковый ударъ при завоеваніи его Персами. Но прошло еще болѣе тысячи лѣтъ до совершеннаго его раззоренія, когда остались одни лишь развалины богатѣйшаго города, а наконецъ одни неясные слѣды его существованія. Но прорк҃ъ Іеремія соединяетъ въ одномъ изображеніи и завоеваніе этого города и его совершенное раззореніе, нисколько не замѣчая, что отъ одного событія до другаго пройдетъ много и—очень

много времени (50. 51). Равнымъ образомъ, при пророчествахъ касающихся теократіи, обыкновенно дѣло ведется такъ, что когда духовныя очи пророка обращены на свѣтлую или темную сторону картины, на радостныя или печальныя происшестія, то ближайшія Божественныя благословенія или ближайшее осужденіе и наказаніе въ будущемъ соединяются съ отдаленными такъ, что какъ будто между ними не пройдетъ нисколько времени; объ этомъ временномъ разстояніи ихъ не упоминается, или почти не упоминается. Такое сопоставленіе основывается у нихъ всегда и исключительно на внутреннемъ сродствѣ *событій, на одинаковости внутренняго смысла* и духа этихъ событій Такъ, напримѣръ, у Исаіи непосредственно послѣ изображенія освобожденія Израильскаго народа отъ Ассиріанъ слѣдуетъ изображеніе освобожденія отъ враговъ другимъ—необыкновеннымъ лицемъ, которое воздвигнетъ Богъ изъ рода Давидова т. е. Мессію, при чемъ и намека нѣтъ на то, что между тѣмъ и другимъ событіями пройдетъ еще много времени (11). Такъ Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Осія, Амосъ и Михей соединяютъ въ одномъ изображеніи освобожденіе Евреевъ изъ плѣна временнаго съ освобожденіемъ народа отъ враговъ чрезъ Мессію и—ни одинъ пророкъ не выражаетъ при этомъ мысли, что Мессія будетъ освободителемъ не тѣхъ, *которые освободятся* изъ плѣна Вавилонскаго, что между тѣмъ и другимъ много еще пройдетъ времени. Даже въ изображеніяхъ одного Мессіанскаго царства Пророки не обращаютъ вниманія на временное различіе однихъ событій отъ другихъ, на разстояніе происшестій по времени, а сопоставляютъ ихъ, какъ преемственныя, какъ близкія. Такъ начало Мессіанскаго царства и его славное окончаніе сопоставляются въ одномъ изображеніи, какъ одно и то же. Іоиль, напр., не различаетъ перваго изліянія даровъ Духа въ день пятдесятницы, къ которому по яснымъ словамъ Апостола Петра относится пророчество Іоиля, и послѣдующимъ всеобщимъ изліяніемъ даровъ Духа въ царствѣ Мессіи на вѣрующихъ (*гл.* 2). Нерѣдко въ *пророческихъ изображеніяхъ* не замѣтно даже преемственности или близкой послѣдовательности изображаемыхъ ими имѣющихъ случиться чрезъ болѣе или менѣе долгое время событій или лицъ, а просто они представляются одновременными, вмѣстѣ одни съ другими, рядомъ, подобно тому, когда мы смотримъ на группу предметовъ издали, эти предметы представляются намъ слитными, *связанными*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ,

м они отстоятъ одинъ отъ другаго на извѣстномъ болѣе или менѣе далекомъ разстояніи. Это замѣчаніе, или эта особенность проливаетъ большой свѣтъ въ особенности на пророчества, содержащіяся во второй части книги пророка Исаіи. Очень часто тамъ, напр., освобожденіе изъ плѣна сливается съ духовнымъ освобожденіемъ чрезъ Христа въ одномъ изображеніи, какъ будто бы эти событія случатся вмѣстѣ, въ одно время, даже не преемственно одно за другимъ. Равнымъ образомъ, различныя наказанія Іудеевъ въ будущемъ, имѣющія случиться въ разныя времена представляются такъ, какъ будто постигнутъ онѣ Іудеевъ вмѣстѣ, въ одно время обрушатся всѣ эти бѣды на главу прогнѣвляющаго Бога народа; точно то же и въ отношеніи къ другимъ народамъ. Забвеніе или неправильное пониманіе этой особенности въ пророческихъ изображеніяхъ можетъ породить и дѣйствительно порождало много ложныхъ толкованій на тѣ мѣста пророческія, въ которыхъ выразилась эта особенность, вытекающая прямо изъ способа пророческихъ откровеній и того состоянія, въ какомъ находились пророки во время откровеній. Не обращая вниманія на то, что пророки соединяютъ въ одномъ изображеніи событія по внутреннему ихъ сродству между собою, хотя они раздѣляются болѣе или менѣе продолжительнымъ періодомъ времени, или не признавая этой особенности, одни смотрѣли на эти различныя событія въ пророчествѣ какъ на одно и тѣмъ извращали истину пророчества, натянуто прилагая черты одного событія къ другому, тогда какъ эти черты видимо не совмѣщаются, потому что относятся къ разнымъ событіямъ, которыя, хотя и сходны по духу и смыслу, но имѣютъ же и особенныя характеристическія черты въ своемъ временномъ явленіи или исполненіи. Другіе, неправильно понимая или не признавая этой особенности, пользовались изображеніемъ различныхъ по времени и отдаленныхъ событій въ ихъ преемственности или одновременности, какъ доказательствомъ чисто человѣческаго происхожденія и характера такихъ пророчествъ, и — очевидное дѣло — совершенно несправедливо. Если по самой природѣ созерцанія или видѣнія пророческаго, пророкъ отвлекаетъ событія отъ времени совершенія ихъ, или просто самъ не знаетъ въ точности этого времени, если ему не открыто оно; если онъ не имѣетъ и въ виду опредѣлять и указывать время событій, о которыхъ говоритъ: то изъ этого точно такъ же нельзя ничего заключить противъ Божественности происхожденія этихъ пророчествъ и пророческихъ изображе-

ній, какъ и изъ того, что не всякій пророкъ предвидитъ и изображаетъ всякое будущее событіе. Другое дѣло, если бы пророкъ предсказалъ, что вотъ такое-то событіе случится вотъ въ такое—то время, и оно не случилось бы, тогда бы изъ этого можно было по праву заключать противъ Божественности происхожденія подобныхъ пророчествъ. Но этого съ пророчествами, правильно понимаемыми, не случается. Еще другіе, отвергающіе непосредственность Божественнаго откровенія пророчествъ, изъ отрицанія этой особенности, т. е. изображенія одновременными событій, отстоящихъ иногда далеко по времени одно отъ другаго, дошли до другихъ несправедливыхъ выводовъ. Выходя изъ того основоположенія, что каждое изображеніе необходимо относится къ одному и тому же времени и къ одному предмету, все, что не оправдываетъ этого основнаго начала—въ пророчествахъ, они старались отстранить ложными изъясненіями, или просто насильственно отсѣкали. Или же, впадая въ другую крайность, находили двоякій смыслъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ и не слѣдовало бы искать, и тѣмъ давали широкое мѣсто произволу въ толкованіи пророчествъ въ примѣненіи ихъ къ событіямъ.—Какъ глубоко въ самомъ существѣ, въ духѣ пророчества лежитъ эта особенность изображенія событій, видно изъ того, что она есть даже въ пророчествахъ Христовыхъ, лжетолкованія которыхъ происходятъ большею частію именно отъ непризнанія, забвенія или отрицанія этой особенности. И Іисусъ Христосъ изображалъ иногда будущія событія различныя въ одной общей картинѣ, созерцая ихъ какъ-бы не во времени, а въ пространствѣ, и представляя или въ одновременности или въ преемственности такія событія, которыя имѣли случиться по прошествіи многихъ вѣковъ между однимъ и другимъ. Такъ напр. онъ сопоставляетъ въ одномъ изображеніи разрушеніе Іерусалима и будущую кончину міра, употребляя переходную частицу, для опредѣленія времени ихъ совершенія—εὐθέως—тотчасъ послѣ (Мѳ. 24, 29); очевидно, что онъ изображаетъ событія по внутреннему отношенію ихъ, видимому имъ во внутреннемъ созерцаніи, а не во внѣшней ихъ связи и послѣдовательности. Очень поучительны въ этомъ отношеніи слова Ап. Петра о пророкахъ и пророчествѣ (1 Петр. 1, 10—12). Апостолъ говоритъ, что пророки Духомъ Христовымъ сдѣлались участниками истинныхъ Божественныхъ откровеній о будущихъ событіяхъ, именно о страданіяхъ Христовыхъ и послѣдовавшемъ за тѣмъ прославленіи. Но однакожъ они тщетно силились из-

слѣдовать и опредѣлить самое время наступленія этихъ событій, о которыхъ они пророчествовали, такъ, что въ этомъ отношеніи они стоятъ ниже тѣхъ, которые жили во время исполненія этихъ событій, о которыхъ они и предсказывали.

Здѣсь мы должны отвѣтить на вопросъ: какимъ же образомъ, при изображеніи однородныхъ, но различныхъ и болѣе или менѣе отдаленныхъ по времени, событій въ пророческихъ рѣчахъ въ ихъ преемственности или одновременности, вообще въ ихъ близкомъ сопоставленіи вмѣстѣ, можно узнать и опредѣлить ихъ раздѣльность и послѣдовательность во времени болѣе или менѣе отдаленномъ? Средства къ этому, которыя имѣли частію сами пророки и ихъ современники, а въ особенности имѣютъ ихъ потомки, суть слѣдующія: а) иногда пророки получали особенныя откровенія о времени слѣдованія однихъ событій послѣ другихъ. Такъ напр. пророкъ Іеремія получилъ особенное откровеніе о томъ, что плѣнъ Вавилонскій продолжится около 70 лѣтъ. Такъ пророкъ Іоиль обозначаетъ время пришествія Мессіи словами *ахерей-хенъ*, чѣмъ ясно показываетъ, что это время наступитъ послѣ освобожденія Евреевъ изъ плѣна. Такъ пророку Даніилу открыто время, которое пройдетъ между освобожденіемъ Евреевъ изъ плѣна и началомъ царства Мессіи и проч. Такъ Самъ Іисусъ Христосъ, изображая въ одной общей картинѣ различныя по времени, но соединенныя по внутреннему отношенію событія, сначала не обозначая отдаленности ихъ одно отъ другаго по времени, далѣе (24, 34—36) нѣсколько различаетъ ихъ между собою и говоритъ, что первое, т. е. разрушеніе Іерусалима произойдетъ еще на глазахъ современнаго поколѣнія, а послѣднее отдаляетъ въ неизвѣстное будущее. Съ помощію такихъ опредѣленій времени можно дознавать, хотя и не совсѣмъ точно и не безъ трудности, послѣдовательность событій, сопоставленныхъ вмѣстѣ, и въ тѣхъ пророческихъ рѣчахъ, въ которыхъ нѣтъ и подобныхъ опредѣленій времени, можно узнавать по аналогіи и по частнымъ чертамъ. б) Предметы пророчествъ, сопоставленные вмѣстѣ въ одномъ изображеніи, какъ одновременные, можно раздѣлять чрезъ сравненіе такихъ мѣстъ съ тѣми, въ которыхъ эти предметы сопоставлены съ нѣкоторымъ раздѣленіемъ, или обособленіемъ. Такъ напр. во второй части книги Пр. Исаіи раздѣльно изображены предметы по времени въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ освобожденіи Евреевъ Киромъ и духовномъ освобожденіи вѣрныхъ Мессіею. Если сравнить эти мѣста съ тѣми, гдѣ предметы

представлены не раздѣльно, въ соединеніи: то особенность предметовъ въ нихъ, преемственность или послѣдовательность по крайней мѣрѣ общую усмотрѣть не трудно. в) Не рѣдко преемственность или послѣдовательность изображаемыхъ въ одной общей картинѣ событій, прикровенно указывается самими пророками тѣмъ, что они, вмѣсто того, чтобы исходнымъ пунктомъ времени для пророчества брать свое время, какъ это обыкновенно бываетъ, и отсюда уже, отъ этого пункта смотрѣть вдаль, на будущее, переносятся въ ближайшее время къ будущему, чѣмъ свое—настоящее, а оттуда уже созерцаютъ отдаленное будущее. Такъ напр. пророкъ Исаія въ большей части рѣчей содержащихся во второй части его книги, какъ бы отрѣшается отъ своего времени и поставляетъ себя во время плѣна Вавилонскаго, и изъ этого уже времени, а не изъ своего созерцаетъ будущія событія. Такъ, тотъ же пророкъ въ рѣчи о Христѣ, содержащейся въ 53-й гл. его книги, поставляетъ себя какъ бы между временемъ страданій и прославленія Мессіи, представляя страданія и уничиженіе причиною и началомъ прославленія Его, и говоря о страданіяхъ въ прошедшемъ времени, а о прославленіи въ будущемъ. Наконецъ г) самое вѣрное средство узнать послѣдовательность, или по крайней мѣрѣ раздѣльность событій, изображенныхъ въ пророческой рѣчи слитно, это исполненіе пророчествъ въ событіяхъ. Конечно, это средство не всегда могло быть примѣнимо и употребляемо, наприм. прежде исполненія пророчествъ мессіанскихъ и другихъ, тѣмъ не менѣе оно важно было для мыслящихъ людей и въ это время, до исполненія окончательнаго пророчествъ. Напр. очень часто, какъ уже замѣчали мы, освобожденіе изъ плѣна Вавилонскаго сопоставлялось въ пророческихъ рѣчахъ съ освобожденіемъ духовнымъ чрезъ Мессію; когда первое наступило, можно было относящіяся къ нему черты отдѣлить, оставались другія черты не приложимыя къ этому событію, эти послѣднія указывали на другое событіе въ будущемъ и—внимающіе пророчествамъ должны были ожидать исполненія и этого событія, какъ исполнилось первое. Такъ и вотъ почему находимъ мы у пророковъ послѣ-плѣннаго времени Мессіанскія пророчества чаще, обособленнѣе, опредѣленнѣе, раздѣльнѣе, чѣмъ у пророковъ прежнихъ, потому что сопоставленій съ другими событіями у нихъ менѣе; событія, съ которыми сопоставляли Мессіанское время прежніе пророки, прошли, и ихъ нужно было отдѣлить отъ тѣхъ, тѣ оставались такимъ образомъ точ-

нѣе, единичнѣе. Еще важнѣе это средство было для людей при наступленіи исполненія временъ. У пророковъ иногда, какъ видѣли мы, уничиженное состояніе Мессіи и Его прославленіе изображаются не въ раздѣльности, а въ совокупности временной. Но это различіе состояній временное можно было ясно видѣть, когда первое уже настало, а второе еще не открывалось. Точно также ясно было различіе предметовъ, сопоставленныхъ въ одномъ изображеніи рѣчи Іисуса Христа о разрушеніи Іерусалима и о кончинѣ міра, когда первое уже исполнилось, а втораго еще нѣтъ.—Эту разсмотрѣнную особенность изображеній будущаго въ пророческихъ рѣчахъ — именно изображеніе событій и предметовъ, раздѣленныхъ временемъ, въ ихъ непосредственной преемственности или одновременности, необходимо всегда имѣть въ виду при объясненіи пророчествъ событіями, для избѣжанія ложнаго пониманія и превратнаго толкованія пророчествъ.

3) Еще особенность пророческихъ рѣчей, необходимо проистекающая изъ способа откровеній въ видѣніяхъ, въ восторженномъ состояніи пророковъ въ это время, это—*особенная образность*. Если всѣ откровенія пророкамъ о будущемъ даваемы были имъ въ восторгѣ—во внутреннемъ созерцаніи: то необходимо было, чтобы они даваемы были имъ въ образахъ, подъ покровомъ символики; ибо всякое непосредственное познаніе, всякое созерцаніе необходимо—образное; отвлеченное понятіе есть достояніе только посредственнаго познаванія путемъ самостоятельной дѣятельности мысли по законамъ и требованіямъ логическимъ. Но образы, подъ покровомъ которыхъ открывалось пророкамъ будущее, должны были лежать въ кругу ихъ обычныхъ, обыденныхъ представленій и понятій, должны быть заимствуемы изъ тѣхъ жизненныхъ отношеній, подъ которыми пророки стояли. Ибо, съ одной стороны Божественное дѣйствуетъ на душу тѣхъ, кому сообщается воля его, не магически, но сообразно съ ихъ особенностями, познаніями и представленіями; съ другой стороны пророчества, если бы они сообщаемы были подъ покровомъ неизвѣстныхъ, незнакомыхъ образовъ, не достигали бы своей цѣли; они не были бы понятны ни для народа, ни даже для самихъ пророковъ. Если мы съ этой мыслью обратимся, напримѣръ, къ Мессіанскимъ пророчествамъ: то представится намъ какъ, на существѣ самаго пророчества основывающійся, фактъ, что царство Мессіи представляемо было подъ образа-

ми, заимствованными изъ прежней до-Мессіанской, Еврейской Теократіи, и что предметы, равно какъ и лица перваго, обозначались именами предметовъ и лицъ послѣдней, которые соединены съ ними внутреннимъ сходствомъ и сродствомъ. Такой способъ изображенія имѣетъ свое глубокое основаніе въ томъ, что Ветхо-Завѣтная икономія устроена была съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ имѣющей устроиться Мессіею и прообразовала сію послѣднюю. Пояснимъ сказанное примѣрами. Для изображенія лица Мессіи Ветхо-Завѣтная Теократія представляла пророкамъ троякій субстрактъ: Мессія представляется у нихъ великимъ царемъ, и пророки совокупляютъ въ одинъ образъ всѣ черты великаго земнаго представителя Теократіи Давида, котораго величіе и слава были только впрочемъ отблескомъ величія и славы его Божественнаго Потомка (Иса. 11. Іер. 23, Мих. 5). Они даже даютъ ему имя Давида, какъ такого царя, который возможно-совершеннѣйшимъ образомъ соотвѣтствовалъ идеѣ прообразовательнаго царя, какъ лучшій представитель Теократическаго царя (Іер. 30, 9. Іезек. 34, 23 и далѣе). Далѣе, Мессія представляется у нихъ какъ принявшій въ себя полноту Божественнаго Духа Пророкъ, который, осуществляя совершеннѣйшимъ образомъ идею пророчества, не какъ прообразовавшіе Его пророки только въ тѣсномъ кругу Палестины, но между всѣми народами, по всей землѣ будетъ учить, предостерегать, наказывать, благословлять (Иса. 42, 49). Наконецъ, Мессія представляется у нихъ какъ Первосвященникъ, который, не какъ прообразовавшій его Ветхо-Завѣтный первосвященникъ, даруетъ *дѣйствительно* отпущеніе грѣховъ всѣмъ людямъ (Зах. 6. Иса. 53). Но такъ какъ Мессія есть великій Пророкъ, Первосвященникъ и Царь: то и царство Его не есть царство существенно отличное отъ теократіи, совершенно новое царство, а только высшее, совершеннѣйшее осуществленіе, восполненіе и совершеніе ея. Посему, напримѣръ, Іерусалимъ или Сіонъ представляется у нихъ будущимъ центромъ будущей совершеннѣйшей Теократіи. Такъ, пророкъ Іоиль выражаетъ мысль, что только члены Теократіи спасены будутъ при предстоящемъ судѣ и наказаніи (3, 16 и д). Побѣду будущаго теократическаго царства надъ всѣми народами и языческими религіями Исаія, Михей и Іезекіиль представляютъ подъ образомъ возвышенія горы, на которой находился храмъ Соломоновъ, надъ всѣми прочими горами; будущее принятіе язычниковъ

въ царство Мессіи представляется первому изъ названныхъ пророковъ подъ образомъ собранія всѣхъ ихъ къ горѣ Сіону (гл. 2). Пророку Іереміи распространеніе будущаго царства является подъ образомъ расширенія и распространенія города Іерусалима. Такая же образность и въ обозначеніи другихъ частныхъ чертъ лица Мессіи и свойствъ Его царства. Всеобщность дѣйствія Божественнаго Духа во времени царства Мессіи представляется пророку Іоилю подъ символами чистаго пророчества, откровеній во снѣ и въ видѣніи, какъ это было у пророковъ Еврейскихъ. Мысль, что во времена Мессіи народы познаютъ и будутъ почитать единаго истиннаго Бога, Пророкъ Захарія выражаетъ подъ образомъ будущаго участія народовъ въ празднованіи праздника Кущей. Чистая любовь народа къ Богу своему представляется Осіею (2 и 14), Михеемъ (5) и Захаріею (13), какъ отверженіе народомъ того, что въ прежнія времена вообще, или что именно во времена пророковъ раздражало Бога противъ народа своего, напр. поклоненіе Ваалу или отступленіе отъ Бога вообще, помощь Египтянъ и Ассиріанъ, а не Бога своего, ложное пророчество и т. под. Изображеніе духовной славы, и блаженства во времена Мессіи въ изображеніи Пророковъ представляется подъ образомъ счастливыхъ временъ Теократіи при Давидѣ и Соломонѣ (Іер. 23, 6. Осіи 2,20. Мих. 41. Зах. 3, 10 и под.). Общая истина, что миръ и любовь будутъ между вѣрующими, когда они чрезъ Мессію примирятся съ Богомъ, представляется пророками подъ образомъ прекращенія печальнаго раздѣленія въ древней Теократіи, раздѣленія одного Еврейскаго царства на два (Иса. 11, 13). Враги Мессіанскаго царства не только называются общимъ именемъ враговъ древней теократіи *гоимъ*, но носятъ не рѣдко имя того народа, который во время извѣстнаго пророка особенно во враждебныхъ отношеніяхъ стоялъ къ народу Божіею, или особенно въ то время сильнаго народа. Такъ у Исаіи (25) они являются подъ именемъ Моава, у того же пророка (въ 63-й гл.) и у Амоса (9, 12) подъ именемъ Едома, у Іезекіиля (38) подъ именемъ Гога и Магога. Этихъ примѣровъ—не многихъ изъ безчисленныхъ—достаточно для подтвержденія этой особенной образности пророческой, т. е. что будущія событія и предметы пророкамъ представлялись подъ образами событій и предметовъ прошедшей или современной жизни народа.

И эту особенность пророческихъ изображеній, подобно другимъ, часто ложно понимали или вовсе отвергали.

Особенно въ этомъ отношеніи выступаютъ на видъ двѣ крайности. Въ одну крайность вдались плотскіе Іудейскіе толкователи, на сторону которыхъ стали и многіе изъ раціоналистическихъ толкователей, впрочемъ, по другимъ побужденіямъ. Они или совершенно отрицаютъ образный характеръ пророчествъ, или останавливаются на одномъ буквальномъ, чувственномъ пониманіи подобныхъ пророчествъ, не руководствуясь герменевтическими правилами, чтобы только достигнуть того результата, который нуженъ имъ для напередъ составленныхъ ими мнѣній. Руководящій интересъ здѣсь у Іудеевъ положительный, у новыхъ раціоналистовъ отрицательный. Въ эту крайность впадаютъ отчасти и тѣ толкователи, которые останавливаются чисто на буквальномъ пониманіи пророчествъ образныхъ, не пришедшихъ еще въ исполненіе. Въ другой крайности находятся тѣ толкователи, которые предметное содержаніе пророчествъ слишкомъ подчиняютъ образности; чрезъ излишнее пристрастіе къ образамъ поставляютъ ихъ въ ущербъ содержанію пророчествъ, чѣмъ ослабляютъ силу и убѣдительность пророчествъ. Чтобы избѣжать подобныхъ крайностей при объясненіи пророчествъ съ этой стороны, необходимо нужно обращать вниманіе на раздѣльность и отношеніе образа къ самому предмету. Правила, которыми можно руководствоваться при этомъ, можно представить слѣдующія:

а) Образны всѣ тѣ изображенія будущаго, въ коихъ есть явное отношеніе изображаемаго будущаго къ событіямъ прежнимъ въ исторіи Израильской. При этомъ случаѣ всегда нужно обращать вниманіе только на общую, связывающую будущее происшествіе съ прошедшимъ, мысль, а не на частности и подробности, которыя всегда имѣютъ свой корень только въ прошедшемъ событіи. Такъ, напр., если пророкъ Исаія о будущемъ освобожденіи Израильскаго народа говоритъ такъ между прочимъ: „и осушитъ Іегова заливъ моря Египетскаго, и подниметъ руку Свою на рѣку съ сильнымъ дыханіемъ Своимъ, и разсѣчетъ ее на семь рѣкъ и проведетъ чрезъ нее въ сандаліяхъ, и будетъ дорога оставшемуся народу его такъ, какъ была Израилю во время изшествія его изъ Египта“ (11, 15. 16); то очевидно, что предметное содержаніе пророчества только—будущее освобожденіе Еврейскаго народа, которое представляется пророку подъ образомъ прежняго освобожденія Евреевъ изъ рабства Египетскаго. Если пророкъ Осія о такомъ же будущемъ освобожденіи Израиля говоритъ: „Богъ приведетъ его въ пустыню и тамъ благосклонно будетъ бе-

слѣдовать съ нимъ; потомъ приведетъ его въ землю Ханаанскую и именно сначала въ плодоносную долину Ахорскую, и онъ будетъ спокоенъ тамъ, какъ во дни дѣтства своего, какъ во дни изшествія своего изъ земли Египетскія" (2, 14. 15): то очевидно, что подъ этимъ образомъ, заимствованнымъ изъ прежней еврейской исторіи, пророкъ выражаетъ только ту мысль, что Израильтяне современемъ Богомъ своимъ Іеговою будутъ освобождены отъ бѣдственнаго состоянія, потомъ успокоены Имъ и благословлены счастіемъ и богатствомъ. Ср. Иса. 4, 5

б) Во многихъ мѣстахъ къ образному пониманію пророческихъ изображеній приводитъ то соображеніе, что пророки сами себѣ противорѣчить не могутъ. Если бы, напримѣръ, захотѣли, какъ дѣлали многіе каббалисты, понимать буквально тѣ мѣста, въ которыхъ пророки называютъ Мессію прямо царемъ Давидомъ, и принять ихъ мнѣніе, что Давидъ воскреснетъ и будетъ царствовать какъ Мессія: то эти мѣста мы поставили бы въ прямое противорѣчіе съ тѣми мѣстами, въ которыхъ Мессія называется сыномъ Давидовымъ или жезломъ отъ корене Іессеева, отраслію Давида и пр. Если напр. буквально понимать мѣсто Іер. 33, 18 и думать, что здѣсь выражается мысль о продолженіи Левитскаго служенія и закона о жертвахъ во времена Мессіи: то станемъ въ противорѣчіе съ другими мѣстами, напр. 31, 31, гдѣ мысль, что во времена Мессіи будутъ всѣ вѣрующіе въ непосредственномъ отношеніи къ Богу. Въ особенности это основаніе имѣетъ силу противъ тѣхъ, которые хотятъ понимать буквально тѣ мѣста, гдѣ говорится о войнахъ и побѣдахъ во времена Мессіи. Весьма во многихъ мѣстахъ пророки поставляютъ на видъ, что царство Мессіи будетъ царствомъ мира и счастія, что всѣ народы дѣйствіемъ Іеговы покорятся Ему; а между тѣмъ тѣ же пророки говорятъ о войнахъ и побѣдахъ во времена Мессіи (Иса. 11, 9 и др.): необходимо нужно признать, что въ одномъ случаѣ пророки говорятъ въ несобственномъ смыслѣ, образно, символически. Въ этомъ случаѣ образность всегда на той сторонѣ, гдѣ можно найти побужденіе къ ней въ кругѣ образныхъ представленій самихъ пророковъ.

в) Другія мѣста сами собою указываютъ, что въ нихъ— образность и первый смыслъ ихъ образный. Такъ, напр., если пророкъ Малахія говоритъ, что предъ пришествіемъ Мессіи явится Илія, то подъ этимъ нельзя разумѣть собственно Илію, историческое лицо, но пророка, подобнаго Иліѣ, какъ и по-

казалъ Самъ Господь Іисусъ. При обозрѣніи послѣднихъ 8 главъ книги пророка Іезекіиля кажется на первый разъ, что буквальное пониманіе ихъ имѣетъ многое за себя, однако же и въ нихъ есть многія мѣста, которыя нужно принять не иначе, какъ за образныя, и которыя даютъ явный намекъ на то, какъ нужно понимать все это отдѣленіе. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи мѣсто 47, 1—12. Изъ храма долженъ истечь обильный источникъ неизмѣримой глубины, этотъ источникъ долженъ исцѣлить воду Мертваго моря и всюду, гдѣ будетъ протекать, долженъ распространять жизнь вокругъ себя, только лужи и болота, воду которыхъ этотъ источникъ не приметъ въ себя или не захватитъ на пути своего теченія, не будутъ цѣлебны. Кто, даже при маломъ знаніи образности пророческихъ рѣчей, будетъ отрицать, что подъ этимъ образомъ означается обѣтованіе о дѣйствіяхъ Божественнаго Духа, который обильно будетъ изливаться на вѣрующихъ во времена Мессіи? Тоже должно замѣтить о подобномъ образномъ представленіи Захар. 14, 8—10. Что у пророка Исаіи Эдомъ служитъ образнымъ обозначеніемъ царства Мессіи (53 и 63), это видно изъ всего контекста рѣчи, гдѣ возвѣщаемое наказаніе представляется простирающимся на всѣ народы земли и пр.

г) Не нужно опускать изъ виду, при отдѣленіи чистаго образа отъ предмета образуемаго, общій характеръ каждаго пророка. Несомнѣнно, что хотя всѣ пророки созерцали истину въ образахъ, но у однихъ-образы, такъ сказать, предметнѣе, покрывало прозрачнѣе, чѣмъ у другихъ; у каждаго пророка въ этомъ отношеніи можно примѣчать значительное отличіе отъ другихъ. Сравните, напр., образность пророка Исаіи съ образностію пророка Іезекіиля; нельзя не замѣтить, что у перваго образы гораздо легче, прозрачнѣе, предметнѣе, чѣмъ у послѣдняго.

д) При опредѣленіи границы между образомъ и предметомъ въ тѣхъ пророчествахъ, которыя еще не исполнились, нужно руководствоваться аналогіею вѣры. Если одинъ и тотъ же Духъ Божій говорилъ въ пророкахъ Ветхо-Завѣтныхъ и въ писателяхъ Ново-Завѣтныхъ: то между ними не можетъ быть мѣста никакому противорѣчію. Уже по этому основанію нужно отвергнуть, напримѣръ, буквальное объясненіе тѣхъ пророчествъ, въ которыхъ говорится о будущихъ преимуществахъ Еврейскаго народа, о возстановленіи храма и возстановленіи Левитскаго служенія послѣ временъ Мессіи: ибо пи-

сатели Новаго Завѣта прямо говорятъ, что Левитское служеніе окончилось съ пришествіемъ Мессіи—Іисуса. Впрочемъ, этимъ признакомъ нужно пользоваться съ осторожностію, послѣ тщательнаго изслѣдованія Новозавѣтнаго ученія, отъ правильнаго или неправильнаго пониманія котораго зависитъ въ этомъ отношеніи правильное или неправильное пониманіе отношенія образа къ предмету въ подобныхъ пророчествахъ.

Впрочемъ, е) наконецъ, надобно замѣтить и то, что какъ пророки и ихъ современники, по высказаннымъ признакамъ, не всегда въ состояніи были образъ и предметъ отдѣлить одинъ отъ другаго, такъ точно и мы, отдаленные потомки ихъ, не всегда можемъ сдѣлать это съ безопасностію и увѣренностію въ тѣхъ пророчествахъ, кои еще не исполнились. Такого раздѣленія нужно еще ждать отъ исторіи.

4) Новая особенность, происходящая отъ того состоянія, въ какомъ находились пророки во время своихъ откровеній, это-нѣкоторая темнота или прикровенность нѣкоторыхъ изъ ихъ пророческихъ изображеній, самихъ въ себѣ, въ особенности если смотрѣть на нихъ независимо отъ исполненія пророчествъ, съ точки зрѣнія ихъ современниковъ, или вообще жившихъ прежде исполненія пророчествъ. Эта темнота или прикровенность есть слѣдствіе трехъ изложенныхъ уже нами особенностей. а) Пророкамъ, сказали мы, открывалось не все въ будущемъ, а только то, что требовалось извѣстными обстоятельствами, оттого у нихъ изображенія только частностей изъ будущаго, ихъ взоръ обнималъ только отдѣльныя части великой картины будущаго. Чтобы составить эту общую картину будущаго настолько, насколько открыто было оно имъ, и потомъ слѣдить постепенно, хронологически за исполненіемъ ихъ пророчествъ въ исторіи, нужно всѣ частныя пророчества ихъ совокупить въ одно послѣдовательное цѣлое; это, какъ мы замѣчали, не всегда трудно для потомковъ при помощи исторіи, когда она показываетъ, гдѣ какое изображеніе имѣетъ свое мѣсто, гдѣ какую частную черту нужно поставить въ общей картинѣ; и жившіе прежде исполненія пророчествъ, какъ мы видѣли, не лишены были средствъ для такого сопоставленія. Впрочемъ, такое сопоставленіе, такой систематическій распорядокъ пророчествъ все-таки былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ очень труденъ для нихъ; и пророки сами не всегда могли имъ помочь въ этомъ. Что, напримѣръ, соединеніе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Мессія изображается въ уничиженномъ состояніи и славѣ, трудно было для тѣхъ, кото-

рые не могли видѣть этихъ пророчествъ въ исполненіи, это ясно выразилось въ томъ обстоятельствѣ, что предъ пришествіемъ Христовымъ Іудеи пришли къ мысли о двухъ Мессіяхъ, о страждущемъ и славномъ. Конечно, это странность, нелѣпость; но она показываетъ между прочимъ, какъ трудно было нѣкоторыя отдѣльныя изображенія слагать въ одно цѣлое, показываетъ, что пророческія нѣкоторыя изображенія заключали въ себѣ темноту, прикровенность, не только для современниковъ, но и для потомковъ, особенно, когда Іудеи въ усвоеніи закона и пророковъ, оставлены были лишь собственнымъ силамъ, когда рядъ пророковъ прекратился.

б) Еще болѣе, чѣмъ отъ этой особенности, темнота происходитъ отъ другой особенности упомянутой, именно отъ той, что пророки созерцали будущее не столько во времени, сколько въ пространствѣ, а потому сходныя по смыслу и по духу событія, но совершенно разныя повремени, сопоставляли въ одномъ изображеніи, какъ событія непосредственно преемственныя или даже одновременныя. Конечно, и здѣсь, прежде самаго исполненія пророчествъ, возможно, какъ мы видѣли, ихъ разграниченіе, которое не мало свѣта проливаетъ на внутренній смыслъ и значеніе ихъ; но и это не лишено трудности и всегда есть возможность для ошибки. Если, напр., пророки сами, послѣ того, какъ они изъ восторженнаго состоянія приходили въ обыковенное, или ихъ современники, или первые ихъ потомки, начинали размышлять о тѣхъ пророчествахъ, въ которыхъ освобожденіе изъ плѣна Вавилонскаго изображается въ сопоставленіи съ другимъ освобожденіемъ человѣчества чрезъ другое лицо-необыкновенное, Божественное, Мессію, и изображается оно, какъ непосредвенно предшествующее этому, а это послѣднее какъ continuum того: то легко могли они прійти къ той мысли, что оба событія и въ исторіи, т. е. въ исполненіи пророчества, будутъ непосредственно соединены между собою, какъ преемственыя. Изъ этого мѣста видно, что у Іудеевъ въ плѣнѣ Вавилонскомъ образовалось мнѣніе, будто они изъ него будутъ освобождены Мессіею, и имъ доведены будутъ до великаго блаженства и счастія, и что обманутая надежда возбуждала въ плотскомъ народѣ ропотъ и жалобы на Бога, въ слѣдствіе чего пророкъ предрекаетъ непремѣнное пришествіе Мессіи въ храмъ Іерусалимскій. Еще примѣръ. То обстоятельство, что тихое, смиренное начало Мессіанскаго царства и его славное продолженіе и окончаніе соединяемы были въ одномъ

изображеніи, породило мнѣніе, что съ явленіемъ на земли Христа соединено и устроеніе его видимаго, земнаго царства этого мнѣнія, какъ видно изъ Евангельской исторіи, держались до времени сами Апостолы. Видно, что по причинѣ прикровенности пророчества въ изображеніяхъ, нѣсколько трудно было сопоставленныя событія обособлять и тѣмъ точно опредѣлять смыслъ и значеніе. Наконецъ в) еще болѣе, нѣкоторая темнота и прикровенность пророческихъ рѣчей порождались ихъ образнымъ характеромъ. Хотя мы опять видѣли, что независимо отъ исполненія пророчествъ, не было недостатка въ признакахъ для отличія и отдѣленія образа отъ предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ для распознанія частныхъ чертъ предсказываемаго событія независимо отъ образной оболочки; но въ частностяхъ и подробностяхъ все-таки такое отдѣленіе было трудно, подчасъ даже, скажемъ болѣе, невозможно. Пророки, а равно и прочіе члены Ветхо-Завѣтной теократіи, одни конечно болѣе, другіе менѣе, но всѣ безъ исключенія, должны были состоять къ пророчествамъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ члены Новозавѣтнаго царства Мессіи стоятъ къ пророчествамъ, въ которыхъ указывается на будущее развитіе Мессіанскаго царства въ Апокалипсисѣ; различіе лишь въ томъ, что тамъ въ образахъ болѣе прозрачности и болѣе примѣнимости къ понятіямъ и умопредставленіямъ Еврейскаго народа. И для насъ есть возможность распознавать образность апокалипсическую; но въ частностяхъ и подробностяхъ часто рѣшительно нельзя опредѣлить образнаго и предметнаго въ апокалипсическихъ изображеніяхъ, безъ опасности впасть въ произволъ и ложно понять исполненіе предрекаемыхъ событій. Еще болѣе возможности къ неправильному пониманію образности лежало въ томъ, что трудность его пониманія увеличивалась желаніемъ находить въ пророческихъ изображеніяхъ любимыя думы и надежды народныя; чувственное, плотское направленіе народныхъ стремленій думало и старалось находить въ пророческихъ рѣчахъ то, что особенно нравилось ему, чего оно хотѣло въ будущемъ, чего неосновательно надѣялось; національная гордость Іудеевъ заставляла ихъ пренебрегать тѣми средствами къ правильному пониманію пророческихъ рѣчей—образныхъ и символическихъ, которыя были у нихъ подъ руками: они изъ буквальнаго пониманія теократическихъ образовъ въ пророчесствахъ силились выводить свои любимыя представленія о Мессіи и его царствѣ, и выходила нерѣдко ложь, какъ это видимъ изъ воз-

зрѣнія на Мессію Іудеевъ, выражающагося въ Евангельской исторіи. Конечно, это вина самихъ Іудеевъ, но это свидѣтельствуетъ, что и самыя пророческія изображенія заключали въ своихъ образахъ, особенно въ сопоставленіи этихъ образовъ, нѣкоторую темноту и прикровенность.

Что самимъ пророкамъ не неизвѣстна была нѣкоторая темнота и прикровенность въ ихъ пророческихъ изображеніяхъ, это показываютъ многія изреченія ихъ Исаія, Іеремія, Іезекіиль не разъ говорили народу, что пророчества ихъ будутъ не понятны, не вразумительны для той части народа, которая думаетъ и мудрствуетъ худо. Напр. Ис. 6, 9—13. 29, 10. сл. Іезек. 33, 30—33. Это о худшей чясти народа. Но вотъ Даніилъ говоритъ, что и онъ не понималъ значенія нѣкоторыхъ видѣній его (Дан. 8, 27). Нѣтъ сомнѣнія, что значеніе тѣхъ образныхъ видѣній, которыя оставались необъясненными, напр. Іезек. 40—48, оставалось темнымъ, неудобовразумительнымъ не только для худшей части народа, но и для лучшей, можетъ быть и для самихъ пророковъ. Захарія пророкъ, не уразумѣвая смысла видѣній, часто обращается къ ангелу, чтобы онъ объяснилъ ему ихъ значеніе. Этотъ характеръ пророчества и пророческихъ изображеній особенно ясно выраженъ въ замѣчательномъ мѣстѣ втораго посланія Апостола Петра 1, 19 - 21. Апостолъ Петръ, прежде для доказательства истины христіанства ссылается на историческій фактъ, достовѣрность котораго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ свидѣтельствуется очевидцами; затѣмъ въ прочитанныхъ стихахъ ссылается онъ на другое доказательство этой истины, на все содержаніе Мессіанскихъ пророчествъ Ветхаго Завѣта, которыя только въ своемъ исполненіи сдѣлались ясны, удобовразумительны и понятны въ своемъ духѣ и истинѣ, тогда какъ они прежде, когда еще не озарены были свѣтомъ исполненія, подобны были свѣтильникамъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ, которые пробивали лучи свои въ окружающую ихъ тьму и свѣтили, но конечно, не яснымъ свѣтомъ. Онъ приводитъ и основаніе того, почему пророчество только въ своемъ исполненіи дѣлается вполнѣ яснымъ, удобовразумительнымъ: потому что пророки не самостоятельно, по своему представленію и понятію высказывали пророчества, но движимые Святымъ Духомъ—φερόμενοι—уносимые, восхищаемые, въ восторгѣ. Это мѣсто важно для насъ въ двоякомъ отношеніи: а) въ немъ ясно высказывается та, отвергаемая нѣкоторыми лжетолкователями пророчествъ, мысль, что нѣкоторая темно-

та Мессіанскихъ пророчествъ освѣщается окончательно только свѣтомъ исполненія ихъ. Въ совершенномъ согласіи съ этимъ мѣстомъ стоитъ и другое, указанное въ прошедшемъ чтеніи мѣсто изъ 1 посланія того же Апостола Петра 1, 10—12, въ которомъ тоже высказывается мысль, что совершеннѣйшее познаніе того, что пророчествовали о временахъ Мессіи, принадлежитъ только времени исполненія ихъ, и что назначеніе пророчества—не только для современнаго поколѣнія народа, но и для потомковъ отдаленныхъ; б) основаніе темноты и прикровенности пророчествъ и условливающейся этимъ необходимости объясненія ихъ исторіей—исполненіемъ, поставляется въ томъ, что пророки получали свои пророчества въ восторженномъ состояніи, чѣмъ утверждается основаніе всего нашего изслѣдованія о свойствахъ пророческихъ рѣчей, необходимо порождающихся отъ того состоянія, въ которомъ пророки получали Божественныя откровенія.

Нѣкоторые изъ новыхъ раціоналистическихъ толкователей, пренебрегая точностію сравненія между пророчествомъ и исполненіемъ, становятся въ положеніе жившихъ до исполненія пророчества и изъ темноты и прикровенности для нихъ пророчествъ выводятъ заключеніе, не благопріятное для сверхъестественнаго происхожденія пророчествъ. Разсуждаютъ такъ: совершенно простыя, въ формѣ голой прозы выраженныя изреченія, напримѣръ: что Израиль долженъ ожидать въ Мессіи не царя, подобнаго напр. Давиду, а Учителя великаго, что этотъ учитель родится при Иродѣ въ Виѳлеемѣ, что истину своей религіи Онъ запечатлѣетъ кровію своею при Тиверіѣ, что чрезъ разрушеніе Іерусалима и уничтоженіе Іудейскаго царства Онъ распространитъ свое ученіе по всей вселенной, таковыя и имъ подобныя, даже не многія изреченія, выраженныя въ формѣ голой прозы, не только носили бы на себѣ характеръ истинныхъ пророчествъ, но, если бы доказана была ихъ подлинность, были бы несравненно драгоцѣннѣе и полезнѣе не только для древнихъ Іудеевъ, но и для насъ, нежели всѣ Ветхо-Завѣтныя пророчества, какія теперь мы имѣемъ, вмѣстѣ взятыя. Но такое требованіе странно и болѣе, чѣмъ странно. Не говоря уже о томъ, что мы не можемъ требовать отъ откровенія того, чего намъ захотѣлось бы, есть весьма достаточныя основанія къ тому, чтобы такое мудрованіе считать совершенно не основательнымъ, и съ цѣлію пророчествъ совершенно не согласнымъ, даже противнымъ прямо сей цѣли, и тѣмъ оправдать именно такое, а не другое Бо-

жественое устроеніе въ развитіи пророчествхъ, какъ средствѣ воспитанія и приготовленія Еврейскаго народа: а) сколько извѣстно изъ откровенія, съ чѣмъ не можетъ не согласиться и разумъ человѣческій независимо отъ откровенія, несообразно съ самымъ существомъ Бога то, чтобы онъ принуждалъ человѣка къ вѣрѣ, насиловалъ его совѣсть и волю. Онъ живетъ и дѣйствуетъ въ природѣ и исторіи, проявляется въ нихъ такъ, что только ищущіе его могутъ находить его въ нихъ; не ищущіе и не хотящіе искать его могутъ находиться въ своей безпечности сколько это удоботерпимо для Божественныхъ цѣлей міроправленія. И пророчества сообщилъ Онъ для людей въ такой мѣрѣ ясности, что тотъ, кто не хочетъ обманывать себя и возноситься на разумъ Божій, а довѣряется откровенію, можетъ узнать существенное и важное для себя содержаніе ихъ, а для тѣхъ, которые не хотятъ принимать истины, не хотятъ ее понять и вѣровать, для тѣхъ даже еслибы кто изъ мертвыхъ возсталъ, по слову Христову, и тому они не повѣрятъ; темнота въ пророчествахъ—не такого рода, чтобы не могла питать и развивать вѣры въ Божественное откровеніе, кто ищетъ вѣры. Съ такимъ же правомъ, съ какимъ требуютъ отъ пророчествъ большей или совершеннѣйшей ясности можно требовать, чтобы ежедневно, или по крайней мѣрѣ какъ можно почаще, творилъ различныя, болѣе или менѣе разительныя, чудеса, чтобы невѣрующихъ и непокарящихся ему привлекать насильно къ Себѣ. Но такое требованіе, очевидно, неразумно, оно вызывало бы на игру въ чудеса. б) Если бы пророчества имѣли такую же ясность, какъ сама исторія; если бы прямо, непосредственно указывали они на исторію: то самое исполненіе ихъ было бы невозможно. Если бы напр. Богъ черезъ своихъ пророковъ прямо высказалъ тѣ изреченія, которыхъ требуетъ новѣйшій раціоналистъ, если бы жизнь Христа—Мессіи, его отверженіе Іудеями, печальныя слѣдствія этого отверженія—разрушеніе Іерусалима и пр. были пророками описаны такъ же ясно, точно, обстоятельно и послѣдовательно, какъ они случились въ исторіи, какъ они изображены въ Новомъ Завѣтѣ: то вѣчное предопредѣленіе искупленія, которое требовало смерти Христовой, не могло бы прійти въ исполненіе. При тѣхъ же свойствахъ и особенностяхъ, какія имѣютъ въ настоящемъ видѣ Ветхо-Завѣтныя пророчества и цѣль достойныхъ, желающихъ приготовить къ принятію Мессіи была достигнута, и великій таинственный планъ искупленія рода человѣческаго смертію Мес-

сіи осуществился. Богъ сдѣлалъ все, чтобы человѣкъ дѣлалъ все съ своей стороны безъ насилія, безъ принужденія, добровольно. в) И на вѣрующихъ нѣкоторая темнота, покрывающая пророчества, должна была оказывать и оказывала болѣе благодѣтельное вліяніе, чѣмъ могла бы оказать совершенная историческая ясность пророчествъ. Если бы, напримѣръ, жившіе за нѣсколько столѣтій предъ явленіемъ Мессіи Ветхо-Завѣтные знали и увѣрены были точнѣйшими пророчествами, что явленія Мессіи еще долго, долго не будетъ, не потерпѣла ли бы отъ этого любовь ихъ, не обезсилѣла бы ихъ надежда, и могли ли бы Мессіанскія ожиданія быть средоточеніемъ всей религіозной ихъ жизни? Если бы христіане несомнѣнно знали, что второе пришествіе Христово будетъ именно въ такое-то время, не могло ли это ученіе произвесть менѣе впечатлѣнія на нихъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они должны ожидать Его каждый часъ: ибо знаютъ, что подкрадется этотъ день нечаянно, какъ тать въ нощи, въ часъ, когда они и не ожидаютъ, и по сему должны постоянно бодрствовать? Богъ дѣлаетъ все, чтобы возгрѣвать въ человѣкѣ вѣру, надежду и любовь, но человѣческое сердце таково, что для него нужна бываетъ прикровенность въ этомъ дѣлѣ, чтобы поддерживать огонь надежды, а съ тѣмъ вмѣстѣ вѣры въ надѣемое и любви къ нему: иначе можетъ погаснуть этотъ огонь, или по крайней мѣрѣ ослабѣть свѣтъ его. г) Мы уже имѣли случай замѣчать, что большая часть Мессіанскихъ пророчествъ назначена была для того, чтобы воздѣйствовать на всю массу современнаго народа, и содержать его въ вѣрности, хотя бы внѣшней, Богу. Но эта цѣль, при ясности пророчествъ, равной ясности исторіи, не могла бы быть достигнута. А она вполнѣ достигалась такимъ изображеніемъ пророчествъ, при которомъ и неправильное пониманіе ихъ, въ которомъ вина падаетъ на тѣхъ, кто неправильно понимаетъ, имѣло благія послѣдствія, т. е. зло направлено было къ доброй цѣли. Плотской народъ владѣлъ покровомъ, въ которомъ думалъ найти самую сущность, или который признавалъ за сущность, за то, что скрыто подъ этимъ покровомъ; этимъ побуждался онъ по крайней мѣрѣ къ сохраненію внѣшности, подъ которой истина пророчествъ входила въ жизнь, хотя быть можетъ и незамѣтно. д) Если спрашиваютъ, къ чему служитъ темнота пророчествъ сама въ себѣ, безъ отношенія къ народу плотскому: то нужно замѣтить, что пророки при пророчествахъ имѣли въ виду не только современниковъ но и потомковъ. Для современниковъ

могло быть достаточно и тѣхъ пророчествъ, которыя сами въ себѣ ясны; другія пророчества оправдываясь исторіею въ своей неудоборазумѣваемой части, были полезны для потомковъ. Вообще объ этомъ характерѣ пророчествъ очень вѣрно сказалъ Паскаль, котораго словами мы и закончимъ наше изслѣдованіе. Въ откровеніи вообще и въ пророчествахъ въ частности довольно ясности и свѣта для тѣхъ, кто желаетъ видѣть и замѣчать ихъ, и довольно темноты для тѣхъ, кто имѣетъ противное сему намѣреніе; въ нихъ довольно прикровенности, чтобы ослѣпить тѣхъ, которые перетолковываютъ ихъ, и довольно ясности свѣта, чтобы ихъ осудить и сдѣлать безотвѣтными. Намѣреніе Божіе состоитъ болѣе въ томъ, чтобы усовершать волю, нежели въ томъ, чтобы изощрять разумъ. Но ясность пророчествъ послужила бы болѣе для разума, чѣмъ для воли; она повредила бы сей послѣдней. Еслибы не было прикровенности и нѣкоторой темноты, человѣкъ не восчувствовалъ бы всего своего поврежденія духовнаго. Если бы не было свѣта, человѣкъ отчаялся бы во врачествѣ. Все служитъ во благо для избранныхъ, даже нѣкоторыя темныя и прикровенныя мѣста писанія: ибо они и ихъ почитаютъ по причинѣ Божественнаго свѣта, который они видятъ тамъ; и все служитъ во зло для тѣхъ, кто самъ золъ, даже ясныя мѣста писанія: ибо они жалуются на нихъ, ради будто бы темноты ихъ, которой они не понимаютъ.

VII.

Мы перечислили общія и болѣе важныя особенности пророческихъ изображеній, происходящія отъ способа сообщаемыхъ имъ откровеній въ видѣніи, и состоянія, въ какомъ они находились въ это время,—состоянія восторга - созерцанія. Повторимъ въ заключеніе, что эти особенности необходимо постоянно имѣть въ виду, при объясненіи пророчествъ, если не хотимъ впасть въ произволъ и ошибки, при объясненіи ихъ: ибо это—необходимое слѣдствіе забвенія или отрицанія ихъ, какъ это и видѣли мы при раскрытіи каждой особенности. Обращаясь собственно къ Мессіанскимъ пророчествамъ, съ которыми въ будущихъ чтеніяхъ намъ особенно придется имѣть дѣло, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать о иихъ нѣсколько особенныхъ замѣчаній, именно—о значеніи ихъ, какъ пророчествъ Мессіанскихъ. Если эти пророчества должны достигать той цѣли, съ которою они были даны и сохранены въ священныхъ книгахъ для послѣдующихъ родовъ, для христі-

а́нъ, именно—цѣли утвержденія вѣры въ сердцахъ людей, и если даны они на ряду съ другими многоразличными пророчествами и имѣютъ тѣ же свойства въ изображеніяхъ, какъ и всѣ прочія пророчества: то ихъ принятіе за пророчества Мессіанскія не должно опираться на какомъ-либо шаткомъ основаніи, и въ особенности на простомъ желаніи видѣть въ извѣстномъ мѣстѣ пророчество,—желаніи, которое привязываться можетъ къ одному слову, иногда еще не правильно понятому или затемненному какимъ либо переводомъ; но—должно опираться на твердомъ основаніи, которое бы не субъективное, но объективное имѣло достоинство, и силу убѣдительности заимствовало не отъ краснорѣчія толкователя, а само изъ себя, изъ твердыхъ, непоколебимыхъ основаній, по которымъ нужно признавать его именно таковымъ, Мессіанскимъ, ибо только этимъ можетъ быть отражаемъ или же отстраняемъ всякій произволъ въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода, и Мессіанское значеніе пророчества можетъ достигнуть полной силы убѣдительности. Надобно сознаться, что нѣкоторые изъ древнихъ и новыхъ толкователей вели и ведутъ себя въ этомъ отношеніи довольно свободно, легко смотрѣли и смотрятъ на дѣло; имѣя въ виду, по большей части, простыхъ слушателей или читателей, слѣдя общее въ малѣйшихъ частностяхъ и подробностяхъ, не имѣя въ виду людей, которые систематически разбираютъ значеніе пророчествъ съ недовѣріемъ къ нимъ, они видѣли и видятъ иногда Мессіанскія пророчества и тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, чрезъ примѣненіе, приспособленіе, общія мѣста и т. под. Конечно, для пищи благочестивому духу все это полезно; но для критическаго взгляда не совсѣмъ удовлетворительно; а для невѣрующаго, для противника откровенія можетъ послужить оружіемъ противъ истинности пониманія и тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствительно есть Мессіанскія пророчества. Поэтому, говоримъ, нужно, чтобы принятіе того или другаго пророчества за Мессіанское имѣло самыя твердыя основанія; въ другихъ случаяхъ нужно обходиться съ ними весьма осторожно.

Положительныя основанія для утвержденія, что въ извѣстномъ мѣстѣ содержится Мессіанское пророчество, могутъ быть слѣдующія:

1) Пророчество можно по праву и нужно считать за Мессіанское, если можетъ быть показано и доказано, что частныя черты его вполнѣ осуществились въ исторіи Христа—Мессіи, тогда какъ такого осуществленія ихъ въ исторіи другаго

какого либо лица доказать нельзя; или когда эти частныя черты въ исторіи другаго лица никакъ не могли осуществиться, не могли имѣть мѣста, не приложимы. Это можно приложить, напримѣръ, къ 21-му псалму: всѣ частныя черты, которыми изображается состояніе выведеннаго въ этомъ псалмѣ лица и обстоятельства его, совершеннѣйшимъ образомъ осуществились въ лицѣ и обстоятельствахъ жизни Мессіи Іисуса; чтобы они могли быть отнесены къ Давиду въ томъ сопоставленіи, въ какомъ они находятся въ псалмѣ, это въ высшей степени невѣроятно; напримѣръ, прободеніе рукъ и ногъ, изодраніе одежды ни какъ не могутъ быть отнесены къ нему; онъ царь, съ нимъ этого не могло случиться; а случилось буквально на Мессіи—Христѣ. Далѣе, это можетъ быть приложимо ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ изображаемому лицу приписывается Божественное достоинство, или свойства и дѣйствія вышечеловѣческія. Такъ, напримѣръ, это основаніе можетъ быть приложимо къ пророчеству, содержащемуся въ 53 гл. Пророка Исаіи. Если будетъ доказано, что это мѣсто содержитъ въ себѣ ученіе объ удовлетвореніи правдѣ Божіей за грѣхи рода человѣческаго: то этимъ будетъ вмѣстѣ доказано, что это пророчество относится къ Мессіи: ибо понятіе объ удовлетвореніи правдѣ Божіей за грѣхи людей какимъ-либо простымъ человѣкомъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ и Ветхаго и Новаго Завѣта, по которому одинъ только Богъ могъ принести такую жертву; и именно они же учатъ, что Мессія Іисусъ Своею смертію принесъ эту жертву. Это средство для доказательства Мессіанскаго достоинства пророчествъ употребляли сами Апостолы: Дѣян. 2, 25—36. 13, 32—37.

Противъ важности этого доказательства Мессіанскихъ пророчествъ, обыкновенно, возражаютъ, что на пророковъ нужно смотрѣть, какъ на поэтовъ въ отношеніи къ внѣшнему выраженію ими откровеній, причемъ нельзя опираться на каждую частную черту, но на многое нужно смотрѣть, какъ на украшеніе рѣчи, гдѣ частныя черты могутъ быть приложимы или къ лицу самого пророка или къ другому какому-либо современному или жившему прежде него лицу, что произвольно, одну часть изображенія, которую можно приложить къ лицу Мессіи и обстоятельствамъ его жизни, какъ, напримѣръ, въ псалмѣ—прободеніе рукъ и ногъ и раздранія платья, понимать въ буквальномъ смыслѣ, тогда какъ все остальное, напримѣръ, въ псалмѣ, юнцевъ, львовъ, псовъ понимать и объ-

яснять въ несобственномъ смыслѣ Но это возраженіе было бы тогда основательно, если бы не было никакихъ средствъ отдѣлять образъ отъ предмета и показать ихъ отношеніе между собою. Тогда бы это возраженіе имѣло еще смыслъ не только въ отношеніи къ Мессіанскимъ, но и вообще ко всѣмъ пророчествамъ. Но этого однакоже не случается съ пророчествами. Возмемъ хотя представленный примѣръ. Что въ псалмѣ львы, псы, звѣри—не могутъ быть понимаемы въ буквальномъ смыслѣ, это и не требуетъ доказательствъ: ибо имъ приписываются дѣйствія, не сообразныя съ природою животныхъ; а разодраніе одежды, прободеніе рукъ и ногъ—нельзя понимать въ несобственномъ смыслѣ; такъ какъ это буквально исполнилось на лицѣ Мессіи—Христа. Что касается до взгляда на частныя черты, какъ на поэтическое украшеніе рѣчи; то нужно замѣтить, что такія частныя черты, которыя буквально исполнились на лицѣ Мессіи и въ исторіи Его жизни, едва ли можно считать за простое украшеніе рѣчи, они-то именно въ своемъ точномъ исполненіи и доказываютъ, что они—не простыя украшенія, а—существенныя черты пророчества Во всемъ этомъ возраженіи правда только то, что прежде, чѣмъ приступать къ показанію отношенія подобныхъ мѣстъ къ Мессіи, должно оправдать правильность пониманія данныхъ въ немъ частныхъ чертъ, и только.—И такъ, осуществленіе частныхъ чертъ пророчества въ лицѣ и обстоятельствахъ жизни Мессіи—Христа и никого болѣе,—существенный признакъ Мессіанскаго пророчества. Если пророчество касается церкви или царства Его: то осуществленіе этихъ частныхъ чертъ—въ немъ.

2) Важное доказательство Мессіанскаго значенія извѣстныхъ пророчествъ составляютъ параллельныя мѣста. Это доказательство имѣетъ приложеніе въ двоякомъ отношеніи: а) Не рѣдко въ позднѣйшихъ пророчествахъ, въ которыхъ изображеніе лица Мессіи или Его царства опредѣленнѣе, полнѣе, можно находить отношеніе къ прежнимъ пророчествамъ, въ которыхъ Мессія или царство Его обозначаются лишь общими чертами и на оборотъ. Такъ, напр., въ словахъ Іезекіиля 21, 27 нельзя не видѣть сходства съ болѣе древнимъ пророчествомъ, которое содержится въ кн. Бытія 49, 10. Зах. 6, 12—13 имѣетъ видимое отношеніе къ пророчеству, содержащемуся въ 109 псалмѣ. б) Въ другихъ случаяхъ можно бываетъ показать, что нѣкоторыя мѣста необходимо относятся къ одному и тому же лицу или предмету; и въ обоихъ

случаяхъ всѣ тѣ признаки, по которымъ одно изъ такихъ пророчествъ относится ко Христу, очевидно, доказываютъ Мессіанское значеніе другаго или другихъ подобныхъ пророчествъ, и Мессіанское значеніе болѣе общаго и неопредѣленнаго пророчества можно доказывать изъ другаго, болѣе частнаго и опредѣленнаго. Такъ, напр., за отношеніе къ Мессіи пророчествъ Исаіи въ 42, 49, 50 и 61 гл., кромѣ оснований, кои можно заимствовать изъ самихъ этихъ мѣстъ, свидѣтельствуетъ Мессіанское значеніе пророчества 53-й гл.. Такъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ признаніемъ за Мессіанскій псалма 109, нужно признать Мессіанскими пс. 2-й и 44-й, *и пр.*

3) Важность высказанныхъ основаній получаетъ еще больше значенія, если можетъ быть показано, что извѣстное пророчество почитаемо было за Мессіанское древними іудеями, которыхъ экзегетическія мнѣнія не искажены были полемикою противъ христіанъ. У народа, который такъ твердо держался преданія вообще, огнюдь не малое значеніе имѣетъ и экзегетическое преданіе. И дѣйствительно, ихъ труды имѣютъ важное значеніе, особенно въ филологическомъ отношеніи съ одной стороны, а съ другой какъ постоянное свидѣтельство преданія и народной вѣры. Правда, эта истина преданія и эта чистота народной вѣры около временъ Спасителя во многихъ отношеніяхъ утратились; но то, что осталось въ нихъ истиннаго, драгоцѣнно, какъ свидѣтельство древнѣйшаго преданія; нужно только судомъ разумной критики отдѣлять здѣсь истинну отъ лжи обыкновенными критическими пріемами. Главное вниманіе нужно обратить на то, что тѣ преданія и толкованія, въ которыхъ не замѣтно присутствія любимыхъ, извращенныхъ въ позднее время, народныхъ ожиданій, всегда истиннѣе, вѣрнѣе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ выражаются эти превратныя, странныя ожиданія. Напримѣръ, если іудейское преданіе объясняетъ пророчества, заключающіяся въ 12 псалмѣ, какъ пророчества о страждущемъ Мессіи; то такое толкованіе имѣетъ полное свое значеніе, какъ истинное: на него можно болѣе положиться, чѣмъ на толкованія тѣхъ пророчествъ, гдѣ Мессія представляется въ величіи и славѣ: ибо мнѣніе о семъ послѣднемъ было извращено въ понятіяхъ позднѣйшихъ евреевъ; духовный царь преобразился въ ихъ понятіяхъ въ царя-завоевателя; и потому изъясненія подобныхъ мѣстъ съ этой мыслью, особенно въ частностяхъ и подробностяхъ, нужно принимать съ осторожностію.

4) Важнѣйшее мѣсто между основаніями признавать извѣстное пророчество за Мессіанское, принадлежитъ свидѣтельствамъ Новаго Завѣта. Если самъ Мессія или Апостолы говорятъ, что такое-то пророчество исполнилось на Христѣ, въ обстоятельствахъ Его жизни или въ церкви Его; то мы должны этому вѣрить безпрекословно; ибо это говоритъ самъ Мессія или Апостолы, имѣвшіе умъ Его. Впрочемъ, здѣсь нужно обращать вниманіе на то, объясняется ли извѣстное Ветхо-Завѣтное мѣсто Христомъ или Апостолами собственно, прямо и исключительно, какъ пророчество о Христѣ и Его церкви. Опредѣлить это во многихъ мѣстахъ очень не трудно; на примѣръ, когда приводится пророчество: „се дѣва пріиметъ во чревѣ" и пр., или когда Христосъ говоритъ что исполнилось на Немъ слово Пророка Исаіи: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя", и пр. Здѣсь эти пророчества прямо и собственно объясняются о Христѣ и ни къ кому другому приложимы быть не могутъ. Но нужно обращать вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ приводятся Ветхо-Завѣтныя пророчества подъ формулами: *καθῶς γέγραπται*; *καί ἐπληρώθη*; *τότε ἐπληρώθη*; *ἵνα* или *ὅπως πληρωθῇ*. Эти формулы имѣютъ иногда обширный объемъ, и мѣста Ветхо-Завѣтныя, приводимыя съ ними, имѣютъ тоже иногда особыя свойства и приводятся въ особенномъ смыслѣ и значеніи. а) Эти формулы употребляютса и тогда, когда показывается только повтореніе случившагося въ исторіи прообраза,—въ исторіи прообразуемаго. Здѣсь, конечно, исполняется пророчество, потому что соотвѣтствіе судьбы прообраза съ прообразуемымъ есть соотвѣтствіе въ существѣ, а не случайно. Это, напримѣръ, нужно замѣтить въ словахъ Спасителя, въ Евангеліи Марка 9, 11—13. Христосъ говоритъ, что въ исторіи Іоанна повторилась исторія Иліи, который былъ прообразомъ его, т. е. представляетъ исторію Иліи, какъ пророчество объ исторіи Іоанна, хотя та, конечно, сама по себѣ имѣла смыслъ и значеніе. Сюда также принадлежитъ слово, сказанное Мѳ. 2, 15. Слова, приведенныя изъ пророчества Осіи 11, 1., по контексту рѣчи пророка, должны быть отнесены къ народу еврейскому, и они потолику отнесены могутъ быть и относятся собственно ко Христу Евангелистомъ Матѳеемъ, поколику народъ Еврейскій, какъ возлюбленный Богомъ народъ, который и названъ именно этимъ выраженіемъ - Сынъ Божій, былъ прообразомъ въ семъ отношеніи Христа Іисуса, истиннаго Сына Божія, возлюбленнаго Богомъ б) Приводятся и такія

мѣста, которыя хотя имѣютъ общій идеальный смыслъ, такъ что ко всѣмъ частностямъ, заключающимся подъ этимъ общимъ, могутъ быть приложены, но впрочемъ, во всей точности исполнились въ исторіи Спасителя, такъ что въ этомъ случаѣ изображеніе находитъ полное осуществленіе въ исторіи Христовой. Давидъ, напр., въ 68 псалмѣ представляетъ отношенія страждущаго по волѣ Божіей благочестиваго человѣка къ безбожнику. Это можетъ имѣть приложеніе ко всякому страждущему, который можетъ находиться въ подобныхъ отношеніяхъ, но эти отношенія осуществились полнѣйшимъ образомъ въ лицѣ и исторіи Христа и въ частности, въ Его отношеніи къ предателю Іудѣ; потому мы и видимъ, что 10 ст. псалма (ревность дому...) относится ко Христу (Іоан 2, 17), а 26-й къ Іудѣ (Дѣян. 1, 20). в) Св. писатели употребляютъ эти формулы и тогда, когда приводятъ такія изреченія Ветхаго Завѣта, которыя хотя не въ своей частной опредѣленности, но по лежащей въ основаніи ихъ идеѣ идутъ къ лицамъ и происшествіямъ Ново-Завѣтнымъ. Такъ, напр., Христосъ (Мѳ. 13. 14.) съ словами: „и исполнилось на нихъ пророчество Исаіи", приводитъ мѣсто изъ пророка 6, 9. 10, въ отношеніи къ невѣрнымъ Іудеямъ своего времени, но эти слова, однако же, собственно относятся къ современникамъ Пророка, какъ это прямо и выражаетъ Апостолъ Павелъ— Дѣян. 28, 25. Мы упомянули объ этихъ особенностяхъ въ приведеніи пророчествъ Христомъ и Апостолами потому, что они подаютъ поводъ нѣкоторымъ толкователямъ утверждать, будто Христосъ и Апостолы только примѣняютъ къ себѣ нѣкоторыя изреченія Ветхо-Завѣтныя, которыя прямо не къ нимъ относятся, что они только искусно пользовались такими мѣстами. Ложь этого мнѣнія видна уже изъ приведенныхъ не многихъ примѣровъ. Въ Новомъ Завѣтѣ приводятся всегда такія мѣста, кромѣ прямыхъ пророчествъ, которыя имѣютъ пророческое значеніе или по прообразу или совершеннѣйшему осуществленію во Христѣ и Его церкви. Простой примѣняемости нельзя открыть и слѣдовъ; всюду истинно-пророческій смыслъ и значеніе.

Наконецъ 5) важнымъ основаніемъ для Мессіанскаго значенія извѣстныхъ пророчествъ служитъ согласное признаніе ихъ таковыми христіанскою древностію, — но только согласное и *болѣе общее*. Церковно-христіанское преданіе въ этомъ случаѣ важнѣе для насъ преданія Іудейскаго, по извѣстнымъ причинамъ. Но—только не все, что говорятъ частныя лица

въ этомъ отношеніи, нужно принимать безусловно; у частныхъ писателей могутъ быть и преувеличенія и ошибки; нужно руководствоваться въ этомъ дѣлѣ общими критеріями для достовѣрности и вѣрности преданія.

VIII.

Чтобы окончить чтенія изъ общаго введенія въ пророческія книги, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о собраніи пророческихъ рѣчей въ одномъ составѣ, который образуетъ особую часть Ветхо-Завѣтнаго канона.

Пророческія рѣчи, вошедшія въ канонъ, относятся, по времени происхожденія своего, ко времени отъ 9-го до 5-го вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ—времени усиленной пророческой дѣятельности. Пророческія рѣчи только этого періода были записаны и сохранены для будущихъ родовъ въ особыхъ книгахъ, которыя собраны и присоединены, какъ особый отдѣлъ, къ отдѣламъ историческихъ и поэтическихъ книгъ Ветхо-Завѣтной церкви. Не можетъ быть сомнѣнія, что пророческія рѣчи или изреченія и раннихъ пророковъ были записываемы. Но они имѣли особый характеръ и значеніе, именно, какъ видно, значеніе исключительное для современнаго пророкамъ поколѣнія; оттого они исключительно и вошли въ историческія книги, какъ богатый матеріалъ для исторіи Ветхо-Завѣтной церкви. Достаточно было сохранить важнѣйшія изъ нихъ, какъ историческіе памятники жизни и дѣятельности пророковъ, дѣятельности, направленной исключительно на современное состояніе Еврейскаго общества и ограничивающейся только современностію, и они сохранены въ историческихъ книгахъ. Но не то было съ пророками, жившими въ означенный періодъ. Весьма знаменательно, что пророки многократно свидѣтельствуютъ, что Самъ Богъ повелѣвалъ имъ записывать свои пророческія рѣчи (Исаіи 8, 1—16. 30, 8. Іер. 30, 2. Дан. 12, 4. Авв. 2, 2. и пр.). Основаніемъ такого повелѣнія поставляется всегда то значеніе, которое слово пророческое должно имѣть для будущаго времени (Исаіи 30, 8. Іер. 30, 2. 3). Слѣдовательно, въ намѣреніи самихъ пророковъ и въ особенномъ намѣреніи Божіемъ было, чтобы эти рѣчи пророческія сохранились для будущихъ родовъ. И мы видимъ, что пророки дѣйствительно исполняли это Божественное повелѣніе. Іеремія упоминаетъ о книгѣ, въ которую онъ записывалъ всѣ откровенія, бывшія ему; онъ же повѣст-

вуетъ, что онъ диктовалъ нѣкоторыя пророчества Варуху, съ тѣмъ, чтобы онъ читалъ ихъ въ храмѣ предъ народомъ (36, 2. 4—6). Даніилъ имѣлъ уже собраніе пророческихъ рѣчей, между которыми были пророчества Іереміи, касательно плѣна Вавилонскаго (9, 2). Пророку Захаріи были извѣстны пророческія рѣчи, въ которыхъ Іегова возвѣщалъ волю Свою чрезъ прежнихъ пророковъ (7, 12). Іудеи, по свидѣтельству Флавія, показали Киру книгу пророчествъ Исаіи, гдѣ между прочимъ говорилось объ освобожденіи этимъ царемъ Евреевъ изъ плѣна. Но подробная исторія постепеннаго собранія пророческихъ рѣчей въ одинъ составъ не извѣстна Можно думать, что въ томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ эти книги, онѣ составлены окончательно послѣ временъ плѣна, когда получилъ окончательное образованіе свое въ настоящемъ видѣ весь канонъ Ветхо-Завѣтныхъ книгъ, рукою Ездры и Неемiи. Что касается до расположенія книгъ пророческихъ: то онѣ расположены здѣсь не по хронологіи жизни пророковъ; не по объему и важности, оттого сначала помѣщены рѣчи Исаіи, потомъ Іереміи и т. дал. Что касается до расположенія самыхъ пророческихъ рѣчей въ книгахъ: то онѣ, кажется, расположены тоже не по хронологіи, не по порядку произнесенія ихъ, какъ это можно заключать изъ первыхъ главъ книги пророка Исаіи, гдѣ изображеніе призванія пророка помѣщено уже послѣ нѣсколькихъ пророческихъ рѣчей. Впрочемъ слѣдить за хронологіею въ расположеніи этихъ частныхъ рѣчей очень трудно, даже невозможно побольшей части, исключая только тѣхъ рѣчей, надъ которыми въ надписаніи означается время произнесенія ихъ. Впрочемъ подробнѣе объ этомъ будемъ говорить при обозрѣніи самыхъ книгъ пророковъ.

Тула. 4 Января, 1901 г. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Цановъ*.

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-mda.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской православной духовной академии (www.mpda.ru), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — доцент протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Димитрий Юревич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте в формате djvu.

На сайте кафедры
www.bible-mda.ru

- ✔ электронные книги для свободной загрузки
- ✔ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✔ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✔ методические материалы по библеистике
- ✔ пособия и источники для изучения Священного Писания

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

«СЕРАФИМ»

www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской православной духовной академии.

На сайте Фонда

www.seraphim.ru

- **информация о деятельности Фонда**
- **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- **возможность заказа он-лайн книг и компакт-дисков, подготовленных к изданию при участии Фонда**